ОЛЕГ АРИН

РОССИЯ
НА ОБОЧИНЕ
МИРА

Москва
1999

УДК 339.9
ББК 66.4
А 81

Арин О.А.

А81 Россия на обочине мира: публицистика. М.: Линор, 1999. – 292 с. Электронная версия, 2016. – 285 с.

В книге исследуются две обширные темы: место и роль России в стратегиях США, КНР и Японии и внешнеполитический курс России на мировой арене. Автор вскрывает противоречие между реальным потенциалом современной России и внешнеполитическими задачами, формулируемыми официальной Москвой. В книге также подвергнуты критике политики и ученые, исповедующие принцип "еслибизма" в своих исследованиях и прогнозах. Книга рассчитана на преподавателей и студентов международного профиля, а также на всех, интересующихся внешней политикой ведущих держав мира.

© О. Арин, 1999
ISBN 5-900889-70-X
© Линор, оформление, 1999

Содержание

Предисловие **6**

Предисловие Ю.М. Батурина: российский парадокс лжеца **11**

Часть I. США: сторонники и противники **17**

America uber alles! **17**

(или к вопросу о национальных интересах США) **17**

США - партнер России 18
Сценарии ИМЭМО: миру мир, России - демократию 19
"Столпы", принципы и направления внешней политики США 20
Откровения Доула 23
Abwarten und Tee trinken 27

Американисты на службе у США **31**

Открываю Россию и Америку заново 32
Королевство кривых зеркал 36
Да здравствует Юнайтед Стэйтс оф Америка и Разъюнайтэд Раша 42
Компрадорщина в науке 43

"Качество жизни" в вооруженных силах США **48**

Национальная безопасность: ***53***

методологические и терминологические аспекты ***53***

Введение 53
Опыт США: обеспечение экономической безопасности 58
Определения “экономической безопасности” 59
Участники политики экономической безопасности в США 63
Закон о промышленном шпионаже 1996 г. 65
Выводы 68

Часть II. Северо-Восточная Азия в преддверии новых реальностей ***70***

Место и роль КНР и России в Восточной Азии **70**

Предварительные замечания 70
Место КНР и России в ВА 71
Роль КНР и России в Восточной Азии 77

XXI век - восстановление биполярности, ... **83**

или 83

вызов Китая и ответ США..... 83

США - гегемон до середины XXI века 83
Возвышение Китая 85
Реакция США на возвышение КНР 90
Что век грядущий нам готовит? 98

Япония: комплексные экономические мероприятия..... 104

Япония: концепция "евразийской" 111

дипломатии 111

Японоведы, китаеведы, востоковеды 114

(краткие характеристики) 114

Часть III. Россия: 129

проблемы безопасности 129

О Концепции национальной безопасности России: абракадабра, или сапоги всмятку 129

Сборная солянка всего и вся..... 130
I. Россия в мировом сообществе 132
II. Национальные интересы России 133
III. Угрозы национальной безопасности Российской 135
Федерации 135
IV. Обеспечение национальной безопасности Российской..... 136
Федерации 136

Каспийский регион - нарождающийся узел международных противоречий 137

1. Особенности геополитической ситуации в Каспийском регионе 137
II. Характеристика политики прибрежных стран..... 139
III. Основные интересы стран Запада и Китая..... 144
IV. Основные интересы неприбрежных стран Каспийского..... 151
региона..... 151
V. Складывание нового международного узла противоречий..... 153
VI. Разработка комплекса мер по защите приоритетных интересов России в регионе. 155

В капкане "Евразии" 157

Еслибизм по-титаренковски 157
Евразийство по-бжезинскому и ответ Ю. Батурина и О. Доброчеева 162

Евразия: фантом или реальность? 163
Является ли Россия Евразией? 164
Будущее России: конфедерация или целостность? 165
Снова биполярность? 167

Теория национальных интересов и национальной безопасности 170

Часть IV. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ 175

Введение 175

Глава первая. Россия и страны СВА: Проблемы и перспективы экономического сотрудничества 179
Торгово-экономические связи РФ со странами Северо-Восточной Азии 179
АТЭС - АРЕС (Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество - Asia-Pacific Economic Cooperation) 182
Торгово-экономические отношения с конкретными странами СВА 186
Внешнеэкономические связи Российского Дальнего Востока (РДВ) со странами СВА и США 201
Деятельность иностранных компаний на РДВ и их реакция на финансовый кризис в России 211

Глава вторая. Военная безопасность России на Дальнем Востоке и Тихоокеанский военный 222

потенциал США 222

Глава третья. Место и роль России в доктринах национальных интересов и безопасности США в Восточной Азии 228

Глава четвертая. Место и роль России в оценках Японии .. 239

Глава пятая. КНР: стратегия безопасности и место и роль России во внешней политике Пекина 245

Глава шестая. Россия в Восточной Азии: не ошибиться в стратегии 258

Приложение к части IV. 279

Предисловие

В свое время меня возмущали книги о Советском Союзе и России, написанные американскими советологами и русологами, их зашоренность, узость понимания, или, скорее, просто непонимание явлений, которые они исследовали. Как говорится, не рядом. Несколько профессиональнее, но с той же идеологической ангажированностью подавался Запад и Восток нашими как советскими, так и нынешними российскими учеными.

Ныне же меня потрясают работы о России и ее месте в мире, выходящие из - под пера…российских же ученых.

Одно дело, когда о России как Великой державе или о многополярном мире вещают государственные мужи. Им этот бред положено нести по статусу. Дескать, да, мы, россияне, хотя и обнищали за последние лет десять, но все равно Россия остается Великой державой. Свою "великость" мы с блеском продемонстрировали в Югославии и демонстрируем в Чечне. Одна бригада исхитрилась надуть натовцев, раньше всех прибыв в Косово. Вот это подвиг! Да и награда "победителю" за хитрость и смекалку достойная - звание генерал-полковника. - Подвиг, равный победе в Сталинградской битве или на Курской дуге. Только потом солдаты воду взаймы брали, да еды еле дождались. Вот такая великая политика Великой державы.

Но ведь о Великой России твердят и "ученые", каковыми считает себя каждый кандидат или доктор, не говоря уже о членкорах и академиках. Говорят и пишут о вхождении в какую-то мировую цивилизацию, об интеграции в несуществующий Азиатско-Тихоокеанский регион, о каком-то "мосте" между Европой и Азией, о мессианской роли России в мире.

На чем основаны подобные суждения и прогнозы? Я долго не мог понять, пока однажды один известный экономист не сказал: все

наши планы и действия основаны на *вере*. По первому разу показалось, что это не серьезно. Ученые все-таки. Потом подумалось: наверное, этот экономист все-таки прав. Российская наука, по крайней мере, ее общественно-политические и международные области, слились с "верой", превратившись в теологию, т.е. в религиозное учение о настоящем и будущем России. Строится она уже не на основе реальностей, а на основе мистических вероятностных возможностей. То, что моя жена метко охарактеризовала емким словом - еслибизм. Если произойдет то-то и то-то, то мы станем тем-то и тем-то. Например, если правительство найдет деньги для инвестирования в Российский Дальний Восток, то этот регион превратится в Калифорнию, и мы, наконец, войдем в "интеграционное" пространство АТР. И т.д. и т.п. Именно в таком ключе пишется подавляющая часть книг о России.

Еслибизм - это чисто русское явление, и охватывает оно не только общественные науки, но и политику, и экономику. Это наукообразная форма ухода от действительности, поскольку действительность ужасна. Это - страх перед реальностью, в которой существует нынешняя Россия, униженная, больная, голодная. Отсюда и уход в мистику, в "если", в боженьку, в иллюзии, в мифы. Отсюда же популярность жрецов, гадалок, астрологов, мистиков, шарлатанов, в том числе и шарлатанов от науки.

Можно ли строить политику на самообмане, на мистических представлениях о себе и мире? Как можно говорить, что мы - Великая держава, когда большая часть человечества даже не догадывается о существовании такой страны как Россия. Достаточно понаблюдать за телевизионными передачами Северной Америки и Западной Европы. За месяц, может быть, один или два раза проскользнет секундная информация о России. Ясно, что речь идет о массовом сознании. В то же время в массовом сознании почти любой страны мира зафиксированы такие державы, как США, Китай или Япония. Во всех странах мира продаются товары, произведенные в названных государствах. Но я еще не встретил ни в одной стране мира товары, на этикетке которых было бы написано: сделано в России.

Мистика хороша для того, чтобы на ней делать деньги. Мистика в политике - преступление. Мистика в науке - шарлатанство. Свою задачу я вижу как раз в том, чтобы снять этот мистически-еслибистский покров хотя бы с наших представлений о себе и мире.

Обнажить реальность с тем, чтобы найти адекватные меры для преодоления этой самой реальности.

В этой связи меня часто обвиняют в том, что я "черню" российскую действительность, не верю в Россию и российский народ. Но я действительно не верю в Россию капиталистическую, сконструированную по западным образцам. Не верю я и в Россию мракобесно феодальную: с царями и дворянами, господами и рабами. И не поверю в Российский народ, если он не воспротивится капитализму или феодализму. Просто не в кого будет верить, поскольку эти системы уничтожат этот самый народ вместе с Российским государством, как это чуть было не произошло в начале XX века.

Но я знаю, что так не будет. В России во все времена находились личности, осознававшие опасности для страны и его населения. Благодаря их усилиям, их героизму, Россия выходила из самых трудных ситуаций. Так было в период освобождения от татаро-монгольского ига в XIV-XV веках, так было в начале XVII века, так было в 17 году XX века. Так будет и в начале XXI века. Это неизбежно, и на эту тему я поговорю в другом месте.

А теперь о самой монографии. Точнее, это - сборник моих работ, написанных в основном в 1998 г. и первой половины 1999 г. Обстоятельства складывались таким образом, что у меня не было возможности сконцентрироваться в это время на одной теме; приходилось писать по различным проблемам внутренней и внешней политики США, КНР, Японии и, конечно, России. Попытки втиснуть все написанное в один сборник не увенчались успехом из-за слишком разнообразной тематики. Пришлось разбить их на три части. В результате получилась одна небольшая книжка - "Царская Россия: мифы и реальность (конец XIX - начало XX века)", данная книга (одна ее часть в неполном виде уже опубликована в издательстве МГИМО), и, наконец, еще одну - про Россию - надеюсь завершить к концу года, где подробно обосную несовместимость России с Капитализмом. Это невозможный брак. Или Россия, или капитализм - вот такой вывод у меня получается. Я бы, может быть, тоже поверил в иллюзии лучшего будущего и не чернил бы реальность, если бы цифры, собранные мной за многие-многие годы, не привели меня к такому выводу. Цифры не имеют цвета, черни их, не черни. Выводы получаются красочные.

Как я уже сказал, настоящая работа не является монографией, а представляет собой сборник, состоящий из целостных глав, некоторые из которых были опубликованы в газетах и журналах. Поскольку они не избежали "ножниц", я решил их восстановить в полном объеме. В то же время все части и главы связаны единой темой - место и роль современной России в мире, в том числе и через анализ внешней политики США, Китая и Японии.

Сразу же хочу предупредить о языке сборника. Поскольку книга представляет собой сборник из газетных, журнальных статей и научных материалов, соответственно и язык в ней варьируется от полемическо-журналистского до, так называемого, "научно-академического" стиля. Честно говоря, я не люблю этот "академический" стиль, который как бы "наукообразит" (или безобразит?) текст. На этом языке написано столько галиматьи, не имеющей отношения к науке, что хочется вообще забыть о нем. И все же в некоторых случаях, когда, например, мне приходилось формулировать понятия и категории, без этого формального языка не обойтись.

И еще о языке. Обычно я не употребляю иноязычных слов, особенно заимствованных из американской политологии. Слов типа "идентичность", "паттерн", "дискурс" и прочие аналогичные словеса, которыми пестрят работы очень ученых "ученых". Однако я делаю исключение слову "актор" (а не актёр), поскольку оно укоренилось в теории внешней политики и международных отношений, чтобы отделить от слова "субъект". В одной из своих работ я уже объяснял разницу, но хочу повторить еще раз. На субъект международных отношений, которым может быть или государство, или любой его орган, распространяется действие международного права, на актор - не обязательно, т. к. актором может быть любое действующее лицо в системе международных отношений, как государство, так и, к примеру, монополии, движения, организации и даже политико-идеологическое течение.

Что касается благодарностей в адрес тех, кто помогал в написании данной книги. Я следую своему правилу: ни с кем не обсуждать и не спорить по теме работ до их публикации. Если кто-то с чем-то не согласен, пусть свое несогласие выразит письменно в печати. Тогда я непременно отвечу, причем тоже письменно. Одну из таких "переписок" я предоставляю читателю в этой книге.

К системе редакторства у меня двойственное отношение. Если редактор профессионал, то он из плохого текста сделает хороший, но в результате мы получаем ложное представление об авторе. Если же редактор никудышный, то, наоборот, усушив хороший текст, он искажает и образ автора. Опять плохо. То есть в любом случае редактура - это грим, скрывающий реальный образ личности. Я предпочитаю быть в миру в натуре.

Все сказанное не означает, что мне некого благодарить. Это, в первую очередь, естественно, моя жена, Валентина, которая во всех моих работах играет колоссальную роль. Во-первых, она вынуждена считывать чуждые ей тексты. Во-вторых, на ней я проверяю доступность текстов для понимания рядовыми читателями, т.е. не специалистами по внешней политике и международным отношениям. Так что, если кто-то обнаружит орфографические или синтаксические ошибки, или что-то там не поймет, претензии не ко мне, а к моей жене. Наконец, в-третьих, и это самое важное, Валентина не требует от меня больших заработков, добывание которых отвлекало бы меня от моих исследований. За все это ей огромное спасибо.

Хочу поблагодарить и своего сына, Германа, за то, что он подкинул денег на публикацию данной работы. С его стороны - это большой подвиг, поскольку мы с ним находимся по разную сторону идеологических баррикад: он не разделяет моих левых взглядов в принципе. Я его буржуазных взглядов тоже не разделяю, но деньги беру, учитывая то, что буржуазия исторически обязана вскармливать своего могильщика. За эту их историческую миссию мы обязаны буржуев, если не любить, то хотя бы уважать.

Кажется, пока все.

Июль 1999 г.

Предисловие Ю.М. Батурина: российский парадокс лжеца

Утверждение №1. Перед тобой, читатель, книга, ценность которой не понимает и сам автор - Олег Арин.

Утверждение №2. Данная книга - инструмент искривления перцептивного политического пространства[1].

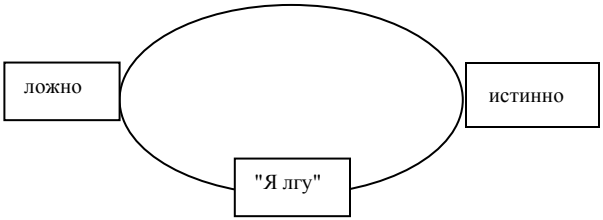
Если не первое, то второе утверждение, вероятно, обидит Олега Арина. Действительно, цель, которую, видимо, ставил перед собой автор - выправить восприятие реального политического ландшафта, "снять покров с наших представлений о себе и мире. Обнажить реальность…"[2]. Результат же именно такой - искривление. Чуть ниже мы покажем это. А пока сформулируем

Утверждение №3 (древнегреческое). Все критяне - лжецы.

Сделанное жителем Крита это высказывание истинно, если предположить его ложность. Оно называется парадоксом лжеца.

Утверждение №4 (российская версия парадокса лжеца). Все российские политологи - лжецы.

Схематично:



Будем в дальнейшем использовать более вежливую формулировку основной идеи Олега Арина.

Утверждение №4а. Все российские политологи заблуждаются.

Утверждение №5. Олег Арин - российский политолог[3].

Из утверждений №№4а и 5 немедленно следует

Вывод 1: О. Арин - заблуждается.

---

1 В этом месте О. Арин должен съязвить насчет "очень ученых "ученых"" (см. Предисловие, с.9). Но если он делает исключение для себя, чтобы использовать термин "актор", может быть, согласится на одно исключение и для меня.

2 См. Предисловие, с.7.

3 См. список японоведов, китаеведов, востоковедов (с.111) В качестве самостоятельного упражнения угадайте, под каким псевдонимом в нем фигурирует О. Арин.

Интересно выяснить природу и предмет его заблуждения. Отбросим некоторую упрощенность представлений автора, например, о субъекте международного права[4].

Пренебрежем его сознательным лукавством, когда он, например, утверждает, что ни в одной стране мира не видел товаров, "на этикетке которых было написано: сделано в России"[5].

Принципиальный момент - выбранная О. Ариным модель. "Россия на обочине мира" предполагает модель дороги. Причем Россия то ли остановилась на обочине с поломкой, то ли медленно катит по самому краю, а ближе к осевой проносятся лимузины и не замечают ее. Между тем, жизнь (в том числе и политическая жизнь) идет не по ленте, а скорее - по гиперплоскости, причем в разных направлениях.

Когда осматриваешься, видишь круг (или сферу), сам - в центре, а кто-то на периферии (от греч. - окружность). Иногда так строят и географические карты. Например, известна карта, "ориентированная на Мекку". Она создается с помощью стереографической проекции поверхности Земли на плоскость, касательную к поверхности в точке, где находится Мекка. Ничто не мешает построить такие карты, ориентированные на Вашингтон, Пекин, Москву или Нджамену. Ясно, что они будут достаточно искажены по сравнению с привычным глобусом. Но именно такие теоретические "карты" создают политологи-международники. Они и правильны и неправильны одновременно.

Карта мира складывается из двух частей: того, что видишь вокруг (более или менее объективно); того, что видишь внутри себя, в центре своей "карты" (субъективно по определению). Самоанализ, интроспекция всегда сложнее.

Задача состоит в том, чтобы нарисовать картину ("карту" если угодно) мира из относительно объективных фрагментов: того, что видишь вокруг; себя, как тебя видят со стороны (со стороны - виднее).

Олег Арин хочет (не просто хочет - вопиет, бьет во все колокола), чтобы Россия увидела не только мир, но и себя со стороны. Но возможен ли такой ракурс?

---

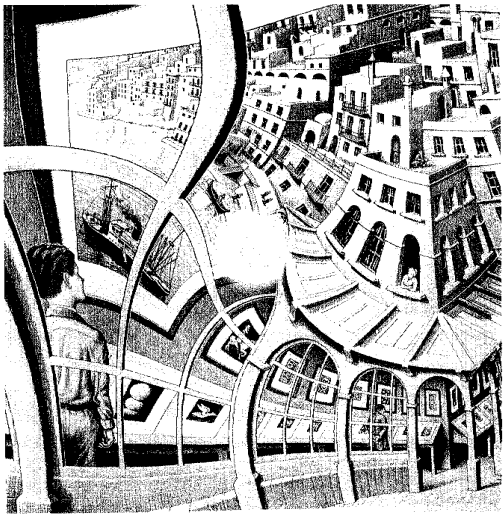
4 См. Предисловие, с.9.

5 О. Арин при мне покупал в г. Вашингтоне (округ Колумбия, США) русскую водку для использования по назначению. И качеством был вполне доволен.

По существу речь идет не просто о наложении двух разных точек зрения, а о построении внутренне организованной, динамически совмещенной точки зрения. Современная физика подбирается к решению этой задачи, изучая многослойные семантические пространства, дающие возможность более целостного воспроизведения объектов.

Будет нагляднее, если мы переведем то же самое на язык искусства.

Маленький портовый городок, корабль, заходящий в гавань, небольшие здания, в одном из которых - картинная галерея; в ней



FROM : Panasonic FAX SYSTEM PHONE NO. : Sep. 08 1999 07:38AM P1

молодой человек рассматривает картину, на которой - маленький портовый городок, корабль, заходящий в гавань, небольшие здания, в одном из которых - картинная галерея…

Это рисунок голландского художника-графика Маурица Корнелиуса Эшера "Картинная галерея". Как он добился этого? Особым искривлением пространства восприятия.

Логика процесса такова.

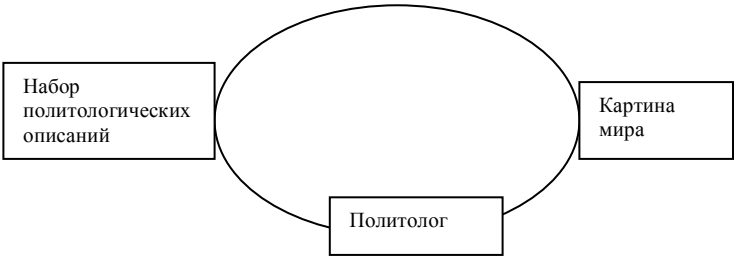
Существует объективная картина мира ("картина"). Она включает в себя Россию ("город"). В России существует некий набор политологических описаний ("галерея"). Одно из этих описаний создал наш политолог ("зритель"), который по-своему видит картину мира ("картину"). Нужно сделать так, чтобы его картина была как можно ближе к объективной. То есть нужно замкнуть схему:

Картина мира ("картина")
↓
Россия ("город")
↓
Набор политологических описаний ("галерея")
↓
Политолог ("зритель")

Схему можно изобразить в ином виде:

Политолог ("зритель")
↓
Картина мира ("картина")
↓
Россия ("город")
↓
Набор политологических описаний ("галерея")
↓
Политолог ("зритель")

В сжатом виде схема выглядит следующим образом:



Таким образом, политолог оказывается "вне себя" (не в смысле гнева, хотя и праведного, которым страдает автор "России на обочине"), или "внутри себя", как кому нравится.

Эта логическая схема точь в точь совпадает с логической структурой парадокса лжеца (Утверждение №3), что доказывает: проблемой, которую мы обсуждаем, вплотную занимались еще античные греки. С тех пор ученые несколько продвинулись вперед и придумали пространства с переменной топологией - топосы. Общая теория топосов показывает, что справедлив принцип дополнительности топологии и логики: мы можем пользоваться неизменной топологией (определенным восприятием картины мира), но рано или поздно придем к видимым нарушениям логики. И наоборот.

Как именно Олег Арин искривляет перцептивное политическое пространство (Утверждение №2), читатель может уяснить, следуя за логикой автора (и нередко получая от этого эстетическое удовольствие).

Почему ему удалось разрешить парадокс лжеца - благодаря то ли призванию ученого, то ли глубокому знанию Гегеля, то ли судьбе, позволившей взглянуть на мир не только из России, - во всяком случае, ему это удалось.

Справедливости ради отметим, что инструмент, применяемый Олегом Ариным, все же не идеален.

Во-первых, поскольку "еслибизм - это чисто русское явление"[6], сам Олег Арин, как российский автор, не избежал его[7].

Во-вторых, автор ошибочно включает "веру" во введенное его женой понятие "еслибизм"[8] (Возможно, он просто не понял свою

6 См. Предисловие, с.7.
7 См., например, с.8, 10, 24-25, 124 и др.
8 См. Предисловие, с.7.

жену, потому что неоправданно считает ее "рядовым читателем"[9]. Здесь он на модельном уровне повторяет ошибку тех, кого критикует. Впрочем, мы уже выясняли - виднее со стороны).

Утверждение №6 (Амброз Бирс). Вера - безоговорочное принятие того, что люди незнающие рассказывают о вещах небывалых.

Видно, что это усиленная современная форма парадокса лжеца.

Отсюда следует

Вывод 2. Вера может помочь нам в решении задачи, которой посвятил свою книгу Олег Арин.

Юрий Батурин

9 См. Предисловие, с.10.

Часть I. США: сторонники и противники

America uber alles!

(или к вопросу о национальных интересах США)

Одна из причин поражения СССР в "холодной войне" заключалась в том, что советские руководители оказались в плену ложных оценок потенциала и возможностей собственной страны. Искаженные представления они имели и об окружающем мире, в том числе и о стратегических возможностях тогдашних противников Советского Союза. Более или менее объективный анализ цифр и фактов часто игнорировался из-за нежелания воспринимать неприятное, идущее вразрез с устойчивыми, нередко, ложными стереотипами. Как следствие - упускалось политическое время. Все мы сильны задним умом, однако, есть непростительные ошибки у бывших правителей, приведшие страну к поражению.

Показательный пример. В 1980 г. мной была составлена записка "наверх" об экономическом потенциале Японии, в которой, среди прочего, было сказано: ВНП Японии превзошел ВНП СССР. Мой непосредственный начальник (тогда я работал в ИМЭМО) не рискнул даже дать ей ходу, поскольку был убежден, что никто "там" в это не поверит. И действительно, данная констатация была официализирована только где-то в 1986 г. или 1987 г. Я мог бы привести десятки правильных, но неугодных прогнозов, которые спущены были "в корзину". Научная и руководящая элита часто не рискует своим собственным, хорошо оплаченным положением, которое для нее более важно, чем интересы страны.

Прошло время. Появились новые руководители. У меня же такое

впечатление, что и они не представляют ни места и роли своей страны в мире, ни реальных стратегий иностранных государств. В наибольшей степени это касается США.

США - партнер России

Официальная позиция России в отношении США базируется на убеждении, что эта держава играет чуть ли не цивилизаторскую миссию в мире, приобщая этот бестолковый мир к демократии и рыночной экономике. Соответственно, стратегической задачей внешней политики России является установление с США, на первоначальных этапах, партнерских отношений по всем азимутам международной жизни. В последующем, бог даст, это должно привести чуть ли ни к союзным отношениям. Именно такие установки излагались в речах и статьях предыдущего российского министра иностранных дел. Эта позиция присуща и самому президенту России, что естественно. Более сдержан нынешний, недавно назначенный министр иностранных дел - Е.М. Примаков. Более того, судя по его первой пресс-конференции 12 января 1996 г., он вновь заговорил о том, что Россия, дескать, **великая держава**, и ее поведение на международной арене должно соответствовать этому статусу. При всем этом он верит в плодотворное сотрудничество с США, поскольку " наши две великие державы, - цитирует Примаков Кристофера, - несут особую ответственность за стабилизацию обстановки в мире". "Такая постановка вопроса поддерживается нами", - т.е. Примаковым и нынешним руководством.

Во-первых, я мог бы в пух и прах разбить тезис о том, что Россия - великая держава с ее ВНП где-то около 300-330 млрд долл., что меньше даже канадского ВНП почти в два раза (у США около 7 трлн долл.). Во-вторых, и в данной статье это более важно, США не рассматривают Россию в качестве великой державы, что, я не сомневаюсь, будет подтверждено в самое ближайшее время. Для того чтобы это было ясно, я и хотел бы в этой статье чуть подробнее рассказать о том, как США рассматривают свой статус в мире и как они понимают свои национальные интересы на международной арене. Поскольку иллюзий на этот счет в России предостаточно и в немалой степени они оплодотворяются и пропагандируются научными работами нынешних российских международников, которые

почему-то вдруг стали называть себя политологами. Прежде всего, я имею в виду "политологов"-международников из элитных аналитических институтов типа ИМЭМО и Института США и Канады РАН, продолжающих играть если не ведущую, то достаточно важную роль в формировании стереотипов относительно международных отношений и политики тех или иных государств в мире.

Сценарии ИМЭМО: миру мир, России - демократию

В качестве примера хочу сослаться на одного из заметных международников ИМЭМО - Н. Косолапова, статьи которого претендуют на фундаментализм и объективную отрешенность. Его взгляд на мир, который дублируется во множестве статей других авторов-демократов, сводится к следующему.

Во-первых, из множества сценариев развития мирового сообщества он делает ставку на демократизацию системы международных отношений, управляемой ООН, ее региональными организациями, а также другими международными институтами.

Во-вторых, вхождение России в демократическую систему международных отношений сопровождается сужением геополитического пространства, вызванного отодвижением российских границ от Западной Европы, отколом ряда республик от бывшего СССР и возможной перспективой отхода от России других частей нынешней территории.

В-третьих, он выступает против "державной" роли России в мире в имперском понимании термина "держава", т.е. с ее атрибутами навязывания своей воли внешнему миру. Такая позиция обосновывается тем, что само понятие статуса "великой державы", если оно сохранится в будущем, "будет определяться способностью к развитию, к лидерству в лидирующих сферах знания, информатики, технологии, к повседневному влиянию на обычную жизнь сотен миллионов людей во всем мире через потребляемые ими продукты, товары, услуги, культуру"[10]. Именно в этих областях и должна Россия проявлять себя в мире как великая держава.

В-четвертых, исходя из подобных посылок, он предлагает фор-

10 Н. Косолапов, "Внешняя политика России: проблемы становления и политико-формирующие факторы". - МЭМО, 1993, No 2, с. 16.

мулировать политику национальной безопасности со всем джентльменским набором средств и способов достижения внешнеполитических целей государства.

Реализация демократического варианта, - считает ученый, - фактически означала бы вхождение России в экономическое пространство мирового сообщества с одновременным предоставлением собственной территории для экономического освоения со стороны всех желающих.

Последнее как бальзам на душу Запада, особенно США, чем и объясняется столь твердая поддержка президентом Клинтоном всех антидемократических шалостей "друга Бориса": расстрел парламента и даже война в Чечне.

Н. Косолапов предлагает также и более конкретные сценарии будущей системы международных отношений, среди которых один представляет особый интерес. Этот сценарий предполагает "формирование однополярной системы международных отношений, которая по существу означала бы обретение этой системой авторитарной структуры и выдвижение единственной сверхдержавы объективно в положение мирового лидера11. Естественно, под этой державой имеется в виду США. Сам Косолапов оценивает этот сценарий не более чем теоретическое предположение, уповая, видимо, на мудрость американских политиков не претендовать на роль единственного лидера в мире.

Давайте рассмотрим, что думает и говорит по этому поводу главный проводник американской политики - госсекретарь У. Кристофер.

"Столпы", принципы и направления внешней политики США

Нынешняя администрация, как и все предыдущие, исходит из фундаментальной стратегической задачи, которая заключается в защите американских интересов и американских ценностей. Я хочу подчеркнуть, что американские стратеги все происходящее в мире рассматривает только через призму своих собственных интересов и собственных ценностей.

На теоретическом уровне структура американской внешней по-

2. Н. Косолапов, там же, с. 10.

литики, как она расписана госсекретарем Кристофером, выглядит следующим образом12.

Она состоит из "трёх столпов", четырех принципов и пяти направлений внешней политики США.

К "столпам" относятся: 1) усиление экономики США; 2) распространение демократии в мире; 3) усиление военной мощи США.

"Принципы" формулируются в виде долженствований: Америка должна: 1) сохранить свое лидерство как единственная сверхдержава в мире; 2) установить продуктивные политические и экономические отношения с наиболее сильными державами мира; 3) создавать институты, содействующие экономическому сотрудничеству и решению проблем безопасности; 4) поддерживать демократию и права человека в целях распространения американских интересов и идеалов в мире.

Пять направлений включают: 1) развитие открытой глобальной торговой системы; 2) развитие нового порядка безопасности в Европе; 3) содействие в установлении многостороннего мира на Ближнем Востоке; 4) воспрепятствие распространению оружия массового поражения в мире; 5) борьба с международной преступностью, наркотиками и терроризмом.

Такова схема официальной внешней политики, отстаиваемая Клинтоном и Кристофером. Ее суть - американоцентризм, идеологичность (демократия, права человека по-американски), многосторонность (взаимодействие с союзниками и международными организациями). Все это я изложил только для информации, не намереваясь критически сопрягать эту схему с реальной политикой США.

Однако в самих США критики более чем достаточно, и она раздается в основном с двух сторон.

Прежде всего, со стороны изоляционистов. Их лидер, председатель сенатского комитета по внешней политике Джэсси Хелмс, озабоченный критической ситуацией в США (громадный федеральный долг и бюджетный дефицит, преступность, массовая неграмотность, межэтнические конфликты и т.д.), требует резко сократить внешнеполитическую активность США и прекратить нести "несправедливую ответственность за остальное человечество". "Действительно ли так уж необходимо, - спрашивают многие американцы, - каждый год платить 5 млрд долл. Израилю и Египту ради мира на Ближнем

12 См.: Warren Christopher. America's Leadership, America's Opportunity. - Foreign Policy (Spring 1995).

Востоке? Не лучше ли эти деньги потратить на реконструкцию американских общественных школ? Надо ли финансировать миротворческие операции в Хорватии или лучше их потратить на полицейских в Чикаго? Почему бы не сфокусироваться на безработных в Лос-Анджелосе и не забыть о Гаити?"[13].

Короче, изоляционистов мало волнует великая роль США в мире. Больше беспокоят собственные проблемы, недооцененные, по их мнению, нынешней администрацией.

Критика иного рода исходит от юнилатералистов (односторонников). Так называют политиков и международников, настаивающих на активной вовлеченности в международные дела с упором на собственную мощь. К ним, например, относят спикера палаты представителей, республиканца Ньюта Гингрича (к этой группе, кстати, примыкают Г. Киссинджер, Зб. Бжезинский). Эта группа предлагает исходить, прежде всего, из интересов американской безопасности и американских ценностей, не волнуясь, так сказать, за интересы своих союзников или партнеров. В частности, они настаивают на более твердых позициях США на переговорах с Японией. Кроме того, считают они, если затрагиваются интересы безопасности и ценностей США, отстаивать их необходимо даже в одиночку, не обязательно согласовывая свою политику с союзниками. Наконец, американская внешняя политика должна строиться, независимо от мнения ООН и других международных организаций.

Общий их подход можно выразить коротко так - упор на сверхдержавность США и реализация своих интересов без оглядки на кого бы то ни было.

Клинтоновская администрация, судя по печати, в основном отбивается от "изоляционистов", избегая полемики с юнилатералистами, поскольку в практической своей деятельности действует в основном в соответствии с их представлениями на внешнюю политику США. Совсем недавно, например, было объявлено, что США "выходят" (т.е. прекращают финансировать) из ЮНИДО - одной из организаций ООН, которая занимается экономическими разработками для развивающихся стран.

---

13 Time, April 17, 1995, p.22-23.

Откровения Доула

Главным противником внешнеполитической деятельности администрации Клинтона выступает сенатор от Арканзаса Боб Доул, претендент в президенты от Республиканской партии. В концентрированной форме свою точку зрения он изложил в программной статье под названием "Создавая глобальное будущее Америки" в журнале Foreign Policy (Spring 1995). Меня не удивило, что эта статья не получила освещения в российской демократической печати. Уж слишком она идет вразрез с представлениями об Америке, созданными нынешним режимом в России. Судите сами.

В отличие от демагогов-демократов Доул, будучи консерватором, прям и откровенен. Для начала он с гордостью сообщает: "Кто может сомневаться в том, что политика США сыграла центральную роль в распаде советского коммунизма? Величайший успех Америки и ее демократических союзников в Холодной войне - это нечто, чем надо гордиться, и цена этой победы не должна быть забыта" (p.30). В качестве "цены" он приводит затраты США на активность в Афганистане, Польше и "в других местах".

В связи с этим Доул критикует "голубей" прошлого, полагая, что если бы США следовали их рекомендациям, распад советской империи был бы отсрочен на года, а то и десятилетия или вообще "никогда бы не состоялся". По его мнению, "падение советской империи не было ни неизбежным, ни предопределенным объективными историческими силами; скорее лидерство, действия и жертвы Запада привели к победе в Холодной войне" (p.31).

Вот так-то. Оказывается, обвинения левых сил России в сопричастности США к развалу Союза откровенно подтверждают правые круги США.

Доул указывает на несколько подходов к роли США в мире, отстаиваемых той или иной частью американской элиты.

Выше упомянутых "изоляционистов" он называет школой "заката" (the "declinist" school). Ее он почти не удостаивает вниманием из-за абсолютной неприемлемости политики, которую она предлагает. Его критика обращена главным образом на "многосторонников" ("multilateralists"), то есть на официальную политику, ориентированную на сотрудничество с союзниками и международными организациями.

Среди них он различает "ресурсников" и "моралистов". Идеи

первых были сформулированы в "доктрине Тарнофа" в мае 1993 г. (Свое название доктрина получила по имени Питера Тарнофа - помощника госсекретаря по политическим вопросам). Идея доктрины проста: поскольку своих ресурсов не хватает или может не хватить для проведения глобальной политики, необходимо сотрудничать с союзниками и международными организациями, т.е. по сути использовать чужие ресурсы для реализации американских интересов. "Моралисты" опираются на "доктрину Хальперна" (по имени члена Совета национальной безопасности), появившуюся летом 1993 г. У этих резон опираться на международные организации проистекает из необходимости получения моральных и законных оснований для проведения все той же американской политики.

Доул критикует их всех, считая, что никто, кроме США самих не могут защитить их собственные интересы. США - единственная глобальная держава, и она должна быть сильной как внутри, так и за рубежом. Это тем более актуально, поскольку вместо Нового Мирового Порядка на смену пришел Новый Мировой Беспорядок. Ответственность за этот беспорядок Доул возлагает на Буша и Клинтона, которые, по его мнению, проигнорировали 10 принципов, точнее 6 принципов и 4 "идеала" обеспечения американских интересов.

Они сводятся к следующему: 1) недопущение господства одной державы в Европе; 2) установление баланса сил в Восточной Азии; 3) обеспечение безопасности и стабильности в Западном полушарии; 4) сохранение доступа к естественным ресурсам, в частности, к сердцу энергетики - Персидскому заливу; 5) усиление международной свободной торговли и расширение доступа США на глобальные рынки; 6) защита американских граждан и собственности за рубежом. Идеалы: свобода, демократия, законность и соблюдение прав человека, естественно, по американским меркам.

Принципы и идеалы "капиталистической демократии" настолько взаимосвязаны, что американская внешняя политика должна их защищать с одинаковым усердием. Вопрос - как и кем?

Ответы очень простые. Их может защитить только США как единственная глобальная держава. Европа - будь то на индивидуальной или на коллективной основе - не сможет. Что касается остальных, то "Китай, Россия, Индия, Бразилия и Япония - важные региональные державы, а первые из них могут нести даже потенциальную угрозу" (р.36). Следовательно, тоже не могут.

Доул считает, что лидерство не предполагает бесполезных международных дискуссий и колебаний. В качестве негативного примера он приводит поведение клинтоновской администрации в отношении некоторых стран: то США угрожают Китаю намерением лишить его статуса наибольшего благоприятствия в торговле из-за нарушения прав человека, то вскоре продляет этот статус; то США заявляют, что Северной Корее не разрешается развивать программу производства ядерных бомб, то через год подписывают с ней договор и т.д. и т.п.

Лидерство, считает Доул, означает говорить то, что имеешь в виду сделать, и иметь в виду сделать то, что говоришь, и четко придерживаться этого. (Кстати, неплохой совет и для московских руководителей). Причем, надо прибегать к любым средствам политики, включая, если понадобится, и силе (военной) (p.36)

Нынешние международные организации - будь то ООН, Мировая Торговая Организация и другие не защитят Америки, уверяет сенатор. Более того, часто консенсус, выработанный в этих организациях, противоречит американским интересам, принципам и идеалам. Нередко эти организации вовлекают державу в операции, которые не отвечают долгосрочным интересам США. Например, как бы ни важны были проблемы загрязнения окружающей среды или сверхнаселенности в Западной Африки и Южной Азии, они в лучшем случае оказываются на периферии американских интересов. Голод и болезни в Сомали и Руанде - трагедия. Но и они периферийны для американских интересов. Даже свободная экономика и демократия, как бы они важны ни были, не являются абсолютными целями США за рубежом.

Доул подчеркивает, что защита упомянутых "идеалов" имеет смысл только тогда, когда это задевает ключевых стратегических союзников США, например, в Западной части Тихого океана (для России - это Восточная Азия). Другими словами, когда затрагиваются стратегические интересы самих США.

Сенатор приводит красноречивый пример. Зачем тратить 2 млрд долл. на Гаити, где американские интересы маргинальны, и так мало расходовать на поддержку свободной торговли и демократии "в стратегически критической стране как Украина" (p.38). Сразу же за этой фразой следует: "Оборонные доллары тратятся на проекты по защите окружающей среды и оборонную "конверсию" в то время как военная готовность, модернизация и персонал не имеют доста-

точного финансирования. Внешняя помощь и оборонные доллары должны быть инструментами национальной политики, чтобы усилить американскую безопасность; они не должны транжириться на бессмысленные программы" (p.38).

Думаю, некоторые радетели стратегического партнерства с США должны призадуматься, кого все-таки Вашингтон прочит себе в стратегические партнеры: Россию или Украину?

"Дипломатия без силы пуста, а сила без дипломатии безответственна". Примером, подтверждающим этот "афоризм" Доула, являются просчеты клинтоновской администрации в Сомали и Гаити, где были использованы "сила без дипломатии", и в Боснии, где проявилась "дипломатия без силы". Отметим попутно, что эту критику впоследствии Клинтон "учел", все-таки приняв решение о посылки американских войск в Боснию, так сказать, восстановив чистоту афоризма.

Российским дипломатам, видимо, не мешало прозреть вновь относительно миролюбивой политики США. Они не собираются отказываться от использования военной силы, когда для этого будут признаны основания.

Естественно, Доул и его сотоварищи по конгрессу столь рьяно противятся даже малейшим попыткам Клинтона присократить военные расходы, и надо сказать, довольно успешно. В случае же прихода к власти Доула они неизбежно повысятся, поскольку Доул считает, что полагаться надо только на собственную военную мощь, а не на какие-то многосторонние режимы безопасности. "Эффективные баллистические ракеты лучше защитят Америку и ее союзников" (p.41). Совершенно согласен с Доулом. Приходиться только сожалеть, что Россия, подобно соблазненной девице, успела раздеться, извините, разоружиться почти догола, уповая на честное слово "друга Клинтона".

Какие "угрозы" можно ожидать? В отличие от Клинтона, пока еще продолжающего питать добрые чувства к "другу Борису", Доул испытывает несколько иные чувства к России. Он ставит ее на первое место среди "угроз", поскольку она может захотеть заполнить "вакуум в Центральной Европе" или попытаться отвлечь свое население от внутренних сепаратистских проблем внешними авантюрами.

Если в отношении России строятся предположения, то остальные "угрозы", с которыми США может встретиться в ближайшей

или среднесрочной перспективе, перечисляются в виде утверждений: возобновление Иракской угрозы нефтяным скважинам Саудовской Аравии; стремление фундаменталистского Ирана к господству в Персидском заливе; угроза Южной Корее и Японии со стороны ядерно-вооруженной Северной Кореи; конфликт между Индией и Пакистаном, могущий перерасти в первую мировую ядерную войну; угроза союзникам на Ближнем Востоке и в Европе со стороны ядерно-вооруженных террористических государств типа Ливии или Ирана; экономическое соперничество между Японией и Китаем, которое может обернуться военным конфликтом.

Все это, правда, самого Доула не пугает. Он оптимист по натуре. И подтверждает его оптимизм красноречивая концовка его статьи, перевод которой я даю дословно:

"Поскольку США приближается к следующему столетью, постоянными необходимо сохранить два принципа: защита американских интересов и обеспечение американского лидерства. Конец Холодной войны предоставил нам историческую возможность. Такая возможность не должна быть упущена ради проведения утопической многосторонности или намеренного изоляционизма. Мы уже видели опасности американским интересам, престижу и влиянию из-за обоих этих подходов. Вместо этого мы должны извлечь урок из Холодной войны, чтобы сориентировать нашу будущую внешнюю политику: поставить американские интересы на первой план и лидировать. Будущее не будет ждать Америки, но оно может быть построено непревзойденной Америкой" (p.43).

Abwarten und Tee trinken

На первый взгляд может показаться, что выдаваемые Доулом рецепты внешней политики США серьезно отличаются от нынешней политики Клинтона-Кристофера. Действительно, кое в чем они отличаются, но не в принципе, не в стратегии (американские интересы и американские ценности), а в способах их реализации. Доул фактически требует рентабилизировать внешнюю политику США, сделать ее выгодной главным образом и, прежде всего, именно для США. Не растрачивать ресурсы по пустякам, на бесконечные бессмысленные переговоры со всяческими международными организациями и даже союзниками. Не тратить ресурсы ради каких-то гу-

манитарных целей в Сомали, Руанде, на какие-то экологические и прочие пустяки, которые непосредственно не затрагивают США. Он, в отличие от твердолобой Нины Андреевой, даже готов поступиться "идеалами" (демократия и права человека), о чем нередко любят потолковать Клинтон с Кристофером. Китай Доула волнует не потому что там нарушаются права человека (тем более, что большинство китайцев это и не осознает), а потому что Китай - потенциальной стратегический противник США. И наоборот. Хотя в России "с правами" (по Вашингтонским представлениям) нормально, но Доул все равно записывает эту страну в разряд "опасных", поскольку прекрасно понимает, что никогда она не будет партнером США, тем более стратегическим, чтобы там не пели нынешние солисты России.

И хотя тот же Доул в последующих своих выступлениях несколько смягчил свои высказывания в адрес России, однако главная суть статьи - американское лидерство и защита американских интересов - остается неизменным, и эта идея поддерживается большинством правящей элиты США. Даже если Клинтон останется на второй срок, что в принципе не исключено, именно доуловские рекомендации будут доминировать во внешней политике США.

Про-демократические международники в России, в том числе и из ИМЭМО, выдавая желаемое за действительное, или совсем продались Западу, или что-то у них случилось с мозгами. Сценарий, который, например, Н. Косолапов, считает маловероятным, на самом деле является наиболее вероятным в ближайшие 15-20 лет.

У США впервые в истории появилась возможность утвердиться в качестве единственного мирового лидера. Нынешнее поведение США достаточно ярко демонстрирует подобную претензию на всех участках мировой политики, особенно на Ближнем Востоке, в Африке, в Центральной Европе. Этому благоприятствует тот факт, что в АТР Китай еще не готов оспорить лидерство США, в Европе же другая стратегическая держава - Россия замкнулась на своих внутренних проблемах, поневоле свернув до минимума свою глобальную политику. Самоуверенность США проявляется даже в том, что они позволяют себе выступать в роли патрона "демократических реформ" в России.

Следовательно, лидерство США на ближайшие две декады неизбежно, вне зависимости от того захотят ли руководители США добиваться его или нет.

Но столь же неизбежно и то, что этому лидерству наступит конец ориентировочно во второй декаде следующего века по причинам довольно простым, но обязательным.

Известно, что любой лидер, особенно мировой, набирает, часто не по своей воле, такое количество обязательств по поддержанию своего лидерства, что они начинают превосходить возможности государства, истощая его экономический потенциал. И как следствие, ослабляет государство в целом. Так, например, было с СССР, еще раньше с Великобританией, еще раньше с Габсбургской монархией вплоть до империи Александра Великого.

Надо иметь в виду также следующее. Нынешние политики стараются избегать даже думать на 10-20 лет вперед, поскольку оно крайне безрадостное, а о плохом американцы размышлять не научены. Впереди же, если верить таким прогнозистам как Джеймс Дэйл Дэвидсон, известным своими точными экономическим предсказаниями, США ожидает финансовый коллапс, переходящий в бурный экономическим кризис, и сопровождаемый такой силы межэтнической борьбы, которые грозят просто распаду Америки. Лично я пока не берусь ни соглашаться, ни оспаривать такого типа прогнозы, а их немало. Берусь только утверждать, что Америка - США и Канада - совсем не та, как она описывается в России, особенно представителями политико-академического комплекса. Но это к слову. Пока.

К тому времени произойдет усиление Китая в экономическом и военном отношении. Тот же Н. Косолапов не исключает "реставрацию биполярно-антагонистической системы на основе идеологического и военно-политического противостояния США и КНР"[14], хотя считает эту тенденцию маловероятной.

Она маловероятна сейчас, но не через 15-20 лет. И дело здесь не в идеологии социализма, а в законе неравномерного развития обществ, забытого российскими международниками, но от того не отмененного, а также в законе претензии государств на лидерство, мотивированных историей, культурой и ресурсом государств. Однозначно утверждаю, что американо-китайское столкновение неизбежно.

В Восточной Азии, помимо китайского фактора, на полную мощь после объединения двух Корей заработает корейский фактор. Учитывая антияпонскую ментальность корейцев, начнется геостра-

14 Н. Косолапов, там же, с.9.

тегическая игра в пятиугольнике США-Япония-Китай-Корея-Россия, которая приведет к воссозданию конфронтационной структуры в этом регионе.

К тому времени мусульманские государства на Ближнем Востоке сумеют перехватить стратегическую инициативу в регионе и тем самым вырвут контроль над нефтью у американо-английских компаний.

Эти факторы определенны и неизбежны.

Неопределенным фактором остается Россия. Если она продолжит нынешний курс "реформ", то больших проблем для США не будет. Полуколониальная страна с имплантированными "американскими мозгами-ценностями" вряд ли сохранит даже минимальное влияние в системе международных отношений. Она, правда, будет опасна внутренними конфликтами из-за возможной потери контроля над ядерным оружием центральной властью. Если же Россия найдет в себе силы сконструировать новую модель развития в соответствии с культурой, историей и психологическим умостроем рослян, тогда Россия сможет восстановить свою глобальную роль. Что, естественно, ограничит роль США в мире. Кстати сказать, и в первом, и во втором случае Россия обречена на стратегический альянс с Китаем. В первом случае униженное состояние перед Западом и Японией будет толкать ее к этому, во втором - из-за соображений геостратегических интересов.

* * *

Но до этого пока далеко, и США позволительно упиваться своей мощью и ролью в мире. Высокомерие Вашингтона имеет основание. В немалой степени благодаря слепоте кремлевских небогрёзов.

А впрочем, поживем - увидим, или, как говорят немцы, abwarten und Tee trinken (подождем и чай попьем).

Независимая газета, 30. 01.96, с. 5 (под названием: "Америка превыше всего. К вопросу о национальных интересах США").

Американисты на службе у США

Недавно я получил отклик американистов на свою статью "Америка превыше всего" (НГ, 30.01.96). С претензией на иронию, а местами на сарказм, меня обвиняют, с одной стороны, в банальности сведений, с другой - в искажении официальной позиции США в сфере внешней политики, с третьей - в не реалистичности моих прогнозов[15].

Признаться, поначалу я даже не собирался отвечать моим оппонентам - слишком уязвимы были их обвинения. На своем научном веку я привык к различным обвинениям относительно моих прогнозов: и тогда, когда я говорил, что "Тихоокеанское сообщество" - это блеф и не стоит на него обращать внимания, и тогда, в 1990 г., когда я утверждал неизбежность распада СССР, равно как и победу Ельцина над Горбачевым (что, кстати, вызывало смех моих американских коллег), наконец, здесь в Канаде, когда в 1993 г. я в одном из докладов предсказывал возможность гражданской войны на Кавказе, а также неизбежность провала вестернизации России в рамках реформ Ельцина. Когда же эти события сбывались, все делали вид, что они тоже так "думали". Так что к "недоверию" я уже привык.

Так вот отвечать я не собирался, предполагая, что авторы тоже уже "передумали" свой ответ под влиянием первых шагов нового министра иностранных дел России - Е.М. Примакова. Натолкнул меня на эту грешную мысль ряд выступлений Примакова, в том числе во время пресс-конференции, состоявшейся 10 февраля 1996 г. в Хельсинки, в которой участвовал и госсекретарь США - У. Кристофер. На ней Е. Примаков выразил негативную позицию в отношении планов расширения НАТО. Несколько позже, в интервью от 6 марта, уже в Москве, он подчеркнул (перевожу с английского текста), что "Внешняя политика России...состоит ныне в более активной, эффективной защите наших интересов...". Он также указал, что "некая (держава) намерена доминировать", явно намекая на США. "Россия не станет ни врагом, ни тесным союзником Запада, и долж-

[15] См.: Александр Коновалов, Сергей Ознобищев. Новое открытие Америки. - НГ, 18.II.96.

на добиваться "цивилизованного партнерства" на основании "равенства", защищая "свои собственные интересы", - такие слова, в изложении корреспондента Ассошиэйтед пресс, использовал министр в своем интервью. Запоминающимся остался и ответ Е. Примакова на упоминавшейся пресс-конференции в Хельсинки, когда на вопрос: А как насчет Ирака?, он ответил: "Не командуйте, пожалуйста, не приказывайте мне"[16].

Подобные высказывания свидетельствуют о новых акцентах во внешней политике России, о намерениях нового главы внешнеполитического ведомства, как минимум, восстановить международное достоинство России, безжалостно растоптанное предыдущим проамериканским господином "Да" (так называли Козырева в США). Совершенно очевидно, что для восстановления былого статуса России как великой державы понадобится немало времени, и зависеть это будет от слишком многих факторов, в том числе и от результатов предстоящих выборов. Но не об этом здесь речь.

Речь о том, что мои оппоненты, как мне подумалось поначалу, уже начали делать очередной кульбит в своих подходах к США и России. Но, как говорят американцы, по второму взгляду, я подумал, что делать им этот кульбит довольно сложно. Сложно, как минимум, по трем причинам: первая причина связана с тем, что они просто не знают Америки, вторая определяется уровнем научного предела, и третья - изменения в их позициях грозит расстройством их материального благополучия.

И чтобы не звучало все это слишком загадочно, я решился ответить моим оппонентам, чтобы читатель сам вынес свое суждение по поводу нашей полемики. Тем более что повод этот имеет непосредственное отношение к судьбе каждого россиянина.

Открываю Россию и Америку заново

Авторы иронично назвали свой ответ "Новое открытие Америки", всерьез полагая, что открывать ее нет смысла, поскольку, как и Беня Крик, они знали о ней "позавчера". Простим им эту самонадеянность и несколько хамоватый тон. Мне тоже так казалось "по-

16 U.S. Department of State. 96/02/10 Remarks with Russian ForMin Primakov. Office of the Spokesman. February 10, 1996.

завчера". А сегодня так не кажется.

Я прочитал немало о США и Канаде, включая книги и статьи, написанные сотрудниками Института США и Канады (ИСК РАН). Раз двадцать а, может быть и больше, побывал я за рубежом, в том числе в США и Канаде. Конечно, я был очарован этими странами; красиво, богато, зрелищно. Вот что делает рыночная экономика и демократия, - думал я. В своих статьях и выступлениях в годы перестройки я рьяно критиковал Горбачева за его половинчатость, за его стремление усидеть на двух стульях, за нерешительность четко повести страну по каппути. Естественно, я был сторонником Б. Ельцина. Но уже через год пребывания Ельцина у власти я понял, что с капитализмом в России ничего не получится. Не тот народ, не та культура, не та психология, не та история, ценности не те. Разозленный на этот народ, я уехал из России в Канаду, так сказать, в лоно капиталистического процветания.

Канаду, а вместе с ней и США, я начал изучать с тех пор как бы изнутри в состоянии, так сказать, натурализации. Не как заезжий ученый, живущий за счет спонсоров, а как человек, выживание которого зависит только от себя. Я, естественно, выжил, но вот что обнаружил.

Если очень кратко, то мои "открытия" сводятся к следующему набору выводов (в данном случае я ничего не собираюсь доказывать, а только констатирую).

Первое. США и Канада являются крайне больными обществами во всех сферах бытия: в экономике, политике, социальной сфере, в культуре. Для примера, несколько слов об образовании.

Поначалу я скептически относился к редко попадавшимся мне статьям с серьезной критикой американской системы образования. Думал, с жиру бесятся. Однако более подробное ознакомление с этой системой в реальности просто потрясло, насколько низок культурно-образовательный уровень школьников всех классов. Когда я сам начал вести курс лекций в университете Бритиш Коламбия, я исходил из образованности среднего советского студента. Через несколько дней я вынужден был изменить форму подачи материала, соответствующий уровню наших старшеклассников. Еще через несколько дней я перешел на стиль изложения лекций, подобный тем, которые я читал в рамках Общества Знания, т.е. просветительский вариант для трудового народа. Здешние студенты находятся как раз на уровне "просвещения". Говорю о массовом явле-

нии, где есть свои исключения как в одну, так и в другую сторону.

Второе, кстати, имеющее отношение к саркастическому замечанию о том, что в американской печати (если хорошо постараться) можно найти подтверждение "абсолютно любой точке зрения", и, дескать, это первое правило, которому учат молодых аспирантов. Так вот, этот пассаж означает, что или сами учителя в плену иллюзий, или они просто дурят голову своим аспирантам. Из своего личного опыта общения с газетами, журналами и издательствами уверяю всех, а кто захочет могу доказать, что здешняя цензура, намного жестче цензуры России эпохи Главлита. Механизм его, безусловно, более, как здесь говорят, "софистикейтид", более изощрен, но весьма действенен. Так что "свобода печати" здесь - это, как я постоянно повторяю, басня для идиотов.

Третье. Российская и североамериканская культуры отличаются друг от друга в не меньшей степени, чем, скажем, и та, и другая от японской. Достаточно сказать: здесь цена человека, как и любого товара, определяется потребительными ценами рынка на тот или иной момент. Короче, то, что раньше я воспринимал как метафору, или как нашу коммунистическую пропаганду (человек в Америке стоит ровно столько, сколько долларов у него на счету), оказалось реальностью. Как русский человек я это принять не могу. Если мне скажут, что сейчас многие русские, в частности, "новые русские" только и думают о том, как бы разбогатеть, могу ответить только одно: они - не русские. Это - "общие знаменатели" без национальных особенностей. И чем больше таких "знаменателей" в России, тем меньше ее числитель - национальное богатство. Для подлинно русского человека мерилом оценки человека никогда не были деньги, а всегда моральные качества человека - доброта, щедрость, духовность, ум, готовность к самопожертвованию, как бы банально все это не звучало. Помимо всего прочего, для меня богатый человек, это, с одной стороны, глупый человек, с другой - просто преступник. Богатство - это или преступление (кража), или бесстыдство. И если кто-то захочет мне возразить, я готов доказать свое утверждение на любом примере.

Здесь, повторяю, другая мораль, другие ценности. У меня нет намерений ни осуждать их, ни восхищаться, ни принимать. Я просто хочу подчеркнуть, что русские и американцы - дети разных цивилизаций, о чем я не задумывался, живя в СССР/России. И если бы я знал об этом раньше, я никогда не стал бы отстаивать с пеной у

рта рынок и западную демократию в России, а был бы самым ее активным противником. Но если бы волею случая и судьбы, я не попал сюда, а находился в России, то наверняка до сих пор оставался бы приверженцем западных ценностей. Думаю, что и многие нынешние искренние демократы-западники, если бы оказались здесь и взглянули бы на это общество изнутри, резко изменили бы свои позиции и перестали бы русским навязывать "американский образ жизни". Совершенно не случайно многие российские иммигранты последней волны не могут вписаться в здешнюю жизнь из-за неспособности психологически воспринять их культуру. Результат - почти 90% из них на вэлфэре (т.е. живет за счет государственного социального вспомоществования). А остальные живут на деньги, которые они делают в той же России. Они считают, что Россию сейчас "не грех грабануть", "пока момент хороший".

Четвертое. Одно из главных открытий: американцы в массе своей не знают ни России, ни россиян (это касается, между прочим, и многих русологов как канадских, так и американских). Они, правда, не знают и просто не интересуются и другими народами, что является типичным проявлением американоцентризма, а также общего низкого образовательного уровня. Главенствует обывательская "философия своего пупка". Отношение же к русским варьируется от ненависти до страха перед ними. В данном случае я не имею в виду отношение к русской культуре со стороны весьма узкой прослойки интеллектуалов. Я знаю даже одного профессора, который выучил русский язык ради того, чтобы просто читать русскую литературу. Но речь не о них, а о массах, негативное представление которых о русских формируется учебниками и детскими энциклопедиями. Хочу заострить - в детском возрасте, когда все узнанное идет так сказать "в кровь". История России и особенно СССР в них представлена в поразительно фальсифицированном виде. Я бы мог привести сотни примеров подобного искажения, но уже из одной реакции канадской польки вы поймете ее глубину. Она по случаю Д-Дэй (день высадки союзников в Нормандии) через газету благодарит США за освобождение Польши во время Второй мировой войны. Всеобщая неприязнь в отношении русских такова, что многие российские иммигранты стесняются называть себя русскими.

Хочу повторить: я не берусь судить культуры народов по принципу одна лучше, другая хуже. Я - не американец, чтобы считать, будто американские ценности универсальны, о чем недавно гово-

рил У. Кристофер. Я - русский, о чем не догадывался, находясь в России. Только в общении со здешними культурами: американской, англо-канадской, франко-канадской я почувствовал свое происхождение, свою русскость.

Ну а теперь, пора перейти к сути полемики.

Королевство кривых зеркал

Для начала есть смысл обратить внимание читателей на технику "полемики".

1. Моя задача заключалась в обобщенном виде изложить основы, принципы, цели и формы внешней, подчеркиваю, внешней политики США, опираясь на ряд выступлений и статей, в том числе и нынешнего госсекретаря У. Кристофера. Среди них было его выступление в Институте управления им. Дж. Кеннеди при Гарвардского университета, опубликованное поначалу в бюллетене "Vital Speeches of the Day (March 1, 1995), затем подредактированный вариант в журнале "Foreign Policy" (Spring 1995). Использовал я и другие материалы, относящиеся к этой теме.

В ответ мои критики достают доклад "Стратегическая национальная безопасность" на 1995 г. и на его основе "уличают" меня в неточности перевода, и соответственно, искажении содержания. Это равносильно тому, что я в ответ на их текст беру еще один текст и говорю: ребята, а вы здесь перевели не так, как в моем тексте значатся. В моем тексте, например, нет слова "pillar" (столб, колонна, столп), так что причем, мол, здесь "слоны на трех столпах". Как вам это понравится? А в моем есть, и слово это употребляет столь же часто, как и словосочетание "military strength".

Кроме того, у меня не перевод, а пересказ, причем не стратегии национальной безопасности, а основ внешней политики. Или вы, господа ученые, не видите разницу между национальной безопасностью и национальными интересами, или, тем более, национальной безопасностью и внешней политикой?

2. Идем дальше. Статью я писал для широких читателей, а не специалистов-американистов. (В последнем случае я отправил бы ее в какой-нибудь научный журнал). И поэтому, если вы что-то и "слыхали" (например, об усилении тенденций неоизоляционизма), то это не значит, что слышали и другие, тем более что, регулярно

просматривая российскую прессу, информацию по данной теме я не встречал. Курьезно же другое. Хотя вы об этом и "слыхали", но явно не поняли, почему эта "тенденция" так заиграла. Ваши объяснения - неоизоляционизм есть реакция на "исчезновение основной угрозы (конфронтации с СССР и ОВД)" не "объясняет", почему же порядок военных расходов США почти остался на прежнем уровне. Аргументы "изоляционистов" совершенно иные. Они реагируют на фундаментальные изменения в самом американском обществе, особенно в связи с надвигающимся, по их же выражению, финансовым коллапсом США. Для информации: у страны накопился небывалый со времен Великой депрессии федеральный долг в размере почти 5,5 триллионов долларов. С добавлением к нему необеспеченных ресурсами обязательств эта сумма вырастает до 17 триллионов долларов. Добавьте также массу других сопутствующих проблем, перед которыми стоит Америка. Проконсультируйтесь по этим вопросам у своих коллег-экономистов. Может, тогда вы начнете по-другому рассматривать явление изоляционизма в США.

3. О национальных интересах США, а "не папуасов из Новой Гвинеи". Растолковываю популярным языком. Я подчеркивал выпячивание официальными лидерами США защиту именно американских национальных интересов в ответ на постоянное муссирование в средствах массовой информации России идеи о мессианской, цивилизаторской деятельности США на мировой арене. Когда-то ныне известный политик и ученый В.П. Лукин поразил меня этой мыслью. Правда, у меня создается такое впечатление, что, побывав послом в США, он от нее отказался. А вот Козырев, кажется, так и ушел со своего поста, убежденный в гуманистической деятельности США на международной арене. Но вот сами американцы, по крайней мере, их лидеры так не считают и не стесняются говорить о том, что главная задача внешней политики США - эта защита именно американских интересов, а не только не папуасов из Новой Гвинеи, но и не папуасов из России.

Е. Примаков тоже начал подчеркивать идею "наших интересов", т.е. интересов России. Задайте ему вопрос, чего это он так банальничает: ясно ведь не кирибатцев из "АТР".

Часто повторяемый рефрен о лидерстве США в мире тесно связан с их национальными интересами. Это вполне понятно, поскольку лидерство дает возможности (на какой-то период времени) полнее реализовывать свои собственные интересы, позволяет навязы-

вать, в частности, американские ценности государствам, которые генетически эти ценности принять не могут, а если принимают, то они просто разрушаются, красноречивым свидетельством чему является нынешняя Россия.

Страна же, которая отказывается от защиты собственных интересов в угоду "общечеловеческих, универсальных ценностей", как это было в период Горбачева, обрекает себя на поражение, поскольку защищать общечеловеческие ценности не хватит сил никакому государству. Даже США не лезут в такую петлю.

4. При всем том, что американские ценности-столпы (pillars) величины постоянные, однако способы и средства их достижения могут меняться и меняются: отсюда и разногласия в среде американской элиты.

Я, конечно, слышал, что "даже в течение срока пребывания одной администрации госсекретари менялись, а политика США оставалась неизменной". Но надеюсь и вы, как американисты, хотя бы краем уха слышали, что даже в течение одного срока пребывания у власти одной администрации политика США менялась и подчас очень круто, независимо от того, менялись госсекретари или нет. Далеко в истории ходить не надо, вспомните администрацию Рейгана.

5. С Доулом же вы вообще накуролесили. Во-первых, я нигде не утверждал, что он непременно придет к власти. Я писал "в случае же прихода к власти Доула". Есть разница? Кроме того, я не употреблял словосочетание "страшные республиканцы". Более того, будь я американцем, я поддерживал бы именно республиканскую платформу как во внутренней, так и внешней политике. Не только потому, что она более рентабельна с точки зрения национальных интересов США, чем подходы демократов, но и потому, что я не терплю демагогию вообще, а в исполнении клинтоновской администрации, в частности. Так что не приписывайте мне того, что я не говорил.

А теперь по сути одного пассажа, которому вы незаслуженно уделили большое внимание. Я писал, что "Доул считает то-то... В качестве негативного примера он приводит поведение клинтоновской администрации в отношении некоторых стран... то США заявляют, что Северной Корее не разрешается развивать программу производства ядерных бомб, то через год подписывает с ней договор". Из этой фразы ясно, что так считает именно Доул, а не я. За-

чем меня подвязывать к его мнению? Это было бы все равно, если бы я написал: "Ельцин считает, что с красными нам не по пути. И он приводит массу примеров "гнусной" деятельности этих красных". А вы после прочтения такого пассажа комментируете: вот, дескать, господин Арин и Ельцин считают, что красные такие сякие. Каково?

Но оттого, что я знаю, что "Борис не прав" и в этом вопросе, или, что Боб не очень "секет" суть проблем с Северной Кореей, от этого ни Борису, ни Бобу не холодно и не жарко. У них свои представления на проблемы и не имеет значения, соответствуют они фактам или нет. И политику они делают, исходя из своих "думок", а не моих оценок. Авторы "ответа" должны бы были знать, что политика весьма часто строится на **ложных представлениях**. Например, нынешняя власть вбила себе в голову, что "рынок" - это панацея или некое чудо, способные вывести страну из ямы. И продолжает углублять процесс "реформ" на основе этого рынка, на самом деле углубляя эту яму. Но это к примеру. А о науке перцепциологии или науке о восприятиях советую вам обратиться в ИМЭМО, там есть специалисты, которые могут объяснить, что это такое.

И я отнюдь не собирался искажать позицию США по проблемам экологии и т.д., поскольку о позиции США не было сказано ни слова, а говорилось о позиции Доула. Он считает, что есть более серьезные с точки зрения интересов США проблемы, чем все эти "помощи" бедным и борьба за экологию. Повторяю, так считает Доул, а не правительство США.

6. Теперь, конечно, о прогнозах. Тема о прогнозах возникла, как, судя по всему, вы не "заметили", в связи с прогнозами-сценариями Н. Косолапова. Я обратил внимание на один из его сценариев, в котором он не исключает создание однополюсной авторитарной структуры системы международных отношений, но рассматривает ее не более как теоретическое предположение. Что-то в этом духе, у меня сейчас под рукой нет его текста. Но смысл именно такой, как я изложил. Я, конечно, допускаю, что вы "разрешаете" сотрудникам ИМЭМО и ИСК РАН прогнозировать по изучаемым проблемам, а другим, видимо, нет. Так что ли? Но, видите ли, я немножко разболтался "в свободном мире" и разрешений на прогнозы не спрашиваю. У меня, правда, еще один вопрос: умеете ли вы читать? Разве я писал об "исторической катастрофе Америки"? Или для вас прогноз о неизбежной потере лидерства США, о чем я писал, адек-

ватен "распаду государства" - фраза, которую вы приписали мне, хотя она принадлежит Джеймсу Дэвидсону?

Вы, конечно, правы, что в своих прогнозах я категоричен. Но я не согласен с тем, что у меня "низкий уровень аргументации". Не согласен потому, что я вообще не аргументировал свой прогноз, а утверждал. Что касается однополюсного мира и американского лидерства, то, что по Косолапову является теоретически маловероятным, уже существует, и это подтверждается как заявлениями американских лидеров всех оттенков, так и самой реальностью. И я не могу говорить: плохо это или хорошо, это просто реальность и все. Я утверждал, что через 20 лет это лидерство США рухнет. Сейчас, "попив чайку", утверждаю, что намного раньше. Это произойдет не только из-за глобальных международных обязательств, а главным образом из-за внутренних финансовых причин.

А если вы не заметили связи между неизбежным падением роли США и американо-китайскими отношениями, то это еще одно свидетельство неспособности видеть причинно-следственные связи, хотя для этого не обязательно изучать досконально "Науку логики" Гегеля. Данное утверждение мне не казалось необходимым аргументировать в силу его очевидности. Но если эта простая идея для вас не очень очевидна, почитайте хотя бы статьи своих коллег в вашем же журнале, в частности, статью Г.А. Трофименко "Отношения России и США в Восточной Азии" ("США - ЭПИ", 1996, №1).

Я понимаю, что, углубившись в буквы документов по национальной безопасности США (тоже полезное занятие), вам некогда читать работы по Китаю или международной ситуации в Восточной Азии. Здесь у меня нет места для подробной росписи китайских реалий, но я уверен, что вы вспомните мой прогноз о неизбежном столкновении геостратегических интересов США и КНР, особенно в тот период, когда ВНП Китая начнет очень близко подходить к ВНП США. Причем, ждать на самом деле придется не так долго.

Только не востоковед мог иронизировать над умостроем дальневосточных наций и сравнивать их с умостроем немцев или французов. После оккупации Японией Кореи прошло более 50 лет, а корейцев до сих пор не удовлетворяет форма, подчеркиваю, даже форма, т.е. словоупотребление, извинений японцев за предыдущую агрессию. Проконсультируйтесь на этот счет у своих коллег-востоковедов, например, у А. Богатурова или М. Носова. Они-то должны знать, что это не столь простая проблема.

И когда я говорил о "пятиугольнике" США-КНР-Япония-Россия-Корея, я, естественно, имел в виду не только антияпонскую ментальность корейцев, а всю совокупность факторов, в том числе геостратегические интересы каждого из субъектов этой конструкции, которые приведут эту "пентополярную" систему к биполярности в Восточной Азии.

Еще много можно было говорить о ваших передергиваниях и фальсификациях, но, думаю, читателям и так ясна "техника" вашего научного анализа. Мне, конечно, понятно, почему вы набросились именно на мою статью, хотя аналогичные идеи и взгляды, в том числе и по Доулу, постоянно излагаются в вашем журнале; потому что она опубликована в широко читаемой газете. Однако вы себе сделали медвежью услугу: внимательный читатель догадался, что вы очень сильно обиделись за Соединенные Штаты. Свою любовь к этой стране вы и не скрываете: "США не уйдут из Европы (и, слава Богу)". Где-то в сносках уверяете, что "все-таки, как ни говори, демократическая и не экспансионистская в военном плане страна". Вот ведь в чем загвоздка.

Что касается не-экспансионизма, советую обратиться к журналу "U.S.NEWS & WORLD REPORT" (DECEMBER 11, 1995). Под названием "А сейчас Босния. Наследство американской интервенции" статья начинается с предложения: "Президенты США 50 раз направляли вооруженные силы с момента окончания войны во Вьетнаме в 1975 г. Результаты были различные. С конгрессом консультировались, но редко просили голосовать". И далее приводится список наиболее важных "операций".

Я, конечно, понимаю, как истые демократы, вы только с одобрением отнесетесь к этим "интервенциям", поскольку они-де несут собой "демократию и процветание". Спорить не буду. Кто верит в цивилизаторскую миссию США, пусть подробнее проанализирует плоды процветания в Африке, в ЮВА и даже в Латинской Америке. Может, что-нибудь процветающее и найдет, например, процветание наркобаронов.

Но все это ерунда: главное "Америка превыше всего". Когда я так озаглавил свою статью, я имел в виду американцев и их лидеров. В тот момент мне не приходило в голову мысль, что за этот лозунг будут биться ученые, так сказать, российского происхождения. Что это именно так, вытекает из одного очень серьезного материала, о котором речь ниже.

Да здравствует Юнайтед Стэйтс оф Америка и Разъюнайтэд Раша

Недовольство моих критиков станет более понятным, если мы обратимся к докладу под названием "Российско-американские отношения: испытание выбором", написанным важными сотрудниками ИСК РАН (А. Д. Богатуровым, Ю. П. Давыдовым, Г. А. Трофименко. Ответственный редактор доклада - В.А. Кременюк) и опубликованным в журнале "США-ЭПИ", 1995, №9,10).

В этом, судя по всему, программном докладе Института, цивилизаторская миссия США не просто превозносится до небес, но и проводится мысль, что России без Америки просто не обойтись. Авторы утверждают: "Зависимость России от США сегодня - вещь реальная и болезненно непривычная для нашего сознания"17. (Сами авторы уже к этой мысли привыкли).

Чтобы было понятнее, как надо вести себя России в такой ситуации, ученые поначалу поясняют, чего США ждут от России? Перечисляют: Вашингтон, например, "надеется, что преобразования внутри страны раз и навсегда закроют для нее возможности социалистической альтернативы"18. - Немало. Далее. России надо с пониманием отнестись и к тому, что "американская стратегия сводится к созданию вокруг России системы сдержек и противовесов (систему "геополитического плюрализма"), на которую бы ее активность и замыкалась, а Вашингтон мог бы в этой ситуации играть роль "государства-балансира"19. И массу всяких аналогичных вещей, из чего следует такой вывод: "Все это означает, что Россия не может вести самостоятельную партию на международной арене. Но она вынуждена сегодня играть по правилам, устанавливаемым США и западноевропейскими странами. Когда же Москва начинает играть не по этим правилам, США проявляют по отношению к ней жесткость..."20.

Следовательно, политика России должна заключается в том,

---

17 "США-ЭПИ", 1995, №10, с. 44.
18 "США-ЭПИ", 1995, № 9, с. 9.
19 "США-ЭПИ", 1995, № 9, с. 10.
20 "США-ЭПИ", 1995, № 9, с. 12.

чтобы не дергаться, а делать все возможное, чтобы США поддержали реформы, поддержали намерения России попасть в различные организации, например, стать полноправным членом "7" и т. д. И самое, конечно, умопомрачительное пожелание: "Другой главной установкой Москвы в диалоге с Вашингтоном должно стать, как представляется, **обеспечение поддержки США в вопросе сохранения Россией ее международного статуса как великой державы**"[21]. Эта идея выделена жирным шрифтом. Оказывается, очень просто стать великой державой: достаточно США объявить, что Россия великая держава, и нет проблем - Россия вновь становится великой державой. Если следовать этой логике, достаточно США объявить государство Науру великой державой, как эта самая Науру становится великой державой. Не важно даже, "слыхал" об этой державе кто-нибудь или нет.

Авторы заблаговременно предупреждают, что если демократы провалят реформу, США обидятся и помогать России не будут. У меня вопрос: случайно не эти же авторы написали доклад У. Кристоферу, который он исполнил опять же в том же Институте управления им. Дж. Кеннеди при Гарвардском университете 18 января 1996 г. Уж больно похожие тексты. Имея в виду предстоящую встречу с Е. Примаковым, Кристофер заявил: "Я, однако, четко выскажусь, что Российская интеграция в институты Запада, которая в наших обоюдных интересах, зависит от готовности России придерживаться международных норм и идти по пути реформ"[22]. Иначе, дескать, катитесь к черту.

Резюмирую выводы доклада американистов ИСК РАН. США - бесспорный лидер на сегодня и с этим надо смириться. Россия в жесточайшем экономическом кризисе; издержки, так сказать, реформ. России надо слушаться США, иначе они обидятся и прекратят оказывать помощь реформам.

Компрадорщина в науке

Ну а теперь попробую ответить на главный вопрос, который напрашивался давно: чего это ради господа ученые так возлюбили

21 "США-ЭПИ", 1995, №10, с. 42.
22 Vital Speeches of the Day, Feb. 1, 1996, p. 227.

вроде бы неродную Америку и столь искренне обижаются на тех, кто их чувств не разделяет? И здесь мы подошли заодно к вопросу о "страшилке", т.е. политико-академическом комплексе, о котором-де ни авторы, ни представители Российской академии наук и "не слыхали". Не знаю, как "представители" РАН, но эти ребята явно работают под дурачков. Я, конечно, допускаю, что они не читали моей статьи на эту тему в газете "Правда" (от 5 декабря 1995 г.), которую они, как подлинные демократы, "в упор не видят". Но как научные сотрудники, претендующие на звание ученых, они должны были читать хотя бы работы своих коллег по институту, не раз и не два писавших о политико-академическом комплексе в США. Следовательно, такое явление в принципе существует. Причем, не только в США.

Оно существует в любом государстве и обычно представляет неформализованное объединение ученых и действующих политиков, т.е. политиков у власти. Хочу подчеркнуть - не всех ученых, а именно тех, кто тесно связан с центрами принятия решений. Функция таких ученых заключается в предоставлении материалов различного типа для принятия решений. Обычно состав этого комплекса в странах Запада постоянно обновляется, как, например, в США , с приходом нового президента.

В отличие от Запада в СССР этот комплекс был более стабильным, состоявшим из ведущих ученых элитарных институтов как ИМЭМО, ИСК АН, ИДВ, Институт Востоковедения и т.д. и, само собой, директоров этих институтов. Некоторые из них были членами ЦК и являлись советниками генеральных секретарей. Сюда же примыкала группа речеписцев, находившихся в штате аппарата ЦК. Этот комплекс существенно обновился при Горбачеве, но в еще большей степени при Ельцине. При нем же произошли и другие изменения. Количество ученых, имеющих непосредственный доступ к центру принятия решений, резко ограничилось, однако в значительно большей степени расширился круг ученых, участвующих в процессе формирование решений, одним из важных компонентов которого является обеспечение пропаганды как самих решений, так и в целом стратегического курса нынешнего правительства. Большая часть сотрудников элитарных институтов как раз и занята этой пропагандой.

Акценты в этой пропаганде зависят не только от официальной линии правительства, но и от формы связей и глубины взаимоот-

ношений этих ученых (в данном случае я имею в виду международников и политологов) с той или иной страной. Наши авторы, как и другие ведущие сотрудники ИСК РАН, самым тесным образом связаны с оплотом демократии и рынка - США, ну и немножко с Канадой.

Так вот эта проамериканская линия в их пропаганде и необычная любовь к американским ценностям, прежде всего, конечно, к демократии и рынку, возможно, идет от души (ну, любят они страну, которую изучают), но я не верю, чтобы эти люди за просто так, за милую душу выступали за демократию. Потому как знаю, что за такую пропаганду они имеют немалые "дивиденды" на жизнь. Формы дивидендов могут быть разные: дармовые поездки на конференции, т.е. за счет принимающей стороны; гонорары за доклады, в которых обязательно надо выражать исторический оптимизм в победе "реформ" в России, несмотря на "временные трудности" в связи с происками коммунистов и глупого народа; содействие в публикации статей, а если очень "свой", то и в публикации каких-нибудь совместных монографий. В связи с последним опять халявные визиты туда-сюда для утруски монографии. Ну и, конечно, самый профитный вариант - приглашение для чтения лекций, 3-6 месячные стажировки в том или ином центре, а если крупно повезет, контракт на несколько лет - преподавание в каком-нибудь университете. Чем не житуха! Это тебе не прожиточный минимум десятков миллионов сограждан, не способных использовать преимущества рыночной экономики. Короче, халява отовсюду. Ну как не порадеть во имя демократических американских ценностей, тем более что благодаря им, нынешним реформаторам, наука в России оказалась в загоне, и ученые вне "комплекса" нищенствуют. А эти "при комплексе" очень даже неплохо себя чувствуют.

Я слишком хорошо знаю американцев и канадцев, чтобы заподозрить их в том, чтобы они платили за просто так, за "красивые глазки". Американцы считают каждый доллар и даром денег не платят. Надо очень сильно потрудиться, попахать на дядю Сэма, чтобы он раскошелился. Я это знаю из своего личного опыта, который как раз и описан в упоминавшейся статье в "Правде". При этом я абсолютно не осуждаю США за "скупку мозгов". Такая политика всегда была присуща Америке, и она есть одно из направлений реализации собственных национальных интересов.

Что же касается политико-академического комплекса в России,

то в отличие от советского периода интересы нынешнего комплекса тесно переплетены с интересами аналогичного комплекса в США, в основных странах Западной Европы и в Японии. Именно эта переплетенность и объясняет их прозападную пропаганду, отстаивание прозападных и японских интересов. Именно поэтому они ратуют за стратегическое партнерство с США, НАТО или требуют вернуть "какие-то мелкие острова" Японии. Все виды комплексов, будь то ВПК, или ПАК, существуют только потому, что деятельность их представителей хорошо оплачивается. Наш советский "комплекс" тоже хорошо оплачивался. Его участники уже в то время жили не по стандартам советских граждан, а по хорошим стандартам Запада. Правда, если в начальной стадии формирования этого комплекса (а это вторая половина 60-х годов) его представители работали на интересы Советского Союза, то уже где-то с середины 70-х годов они стали работать фактически в интересах Запада, возможно, не сознавая этого. С приходом же к власти Горбачева и формулированием деидеологизированной внешней политики, ради Запада они стали работать сознательно. Потекли хорошие "баксы". В настоящее время они просто слились с "интересами" Запада, в первую очередь, с интересами США.

Когда-то считалось, по крайней мере, если верить американским книгам, что Институт США и Канады являлся филиалом КГБ. Я это не исключаю, но и не осуждаю. Потому что КГБ, плохо ли хорошо ли, но действовал во имя интересов собственного государства - Советского Союза. Сейчас же у меня закрадывается крамольная мысль: а не стал ли этот институт филиалом ЦРУ? Уж больно ребята стараются за интересы чужого государства - США. И главное - продолжают настаивать на "демократических реформах" в России. То, что благодаря этим реформам промышленный потенциал рухнул почти на 50%, а ВНП достиг уровня 330 млрд. долл. (по данным газеты "Известия", даже 160 млрд. долл.), т.е. уровня, по порядку сопоставимого с ВНП Гонконга, Тайваня, Турции и т.д., их абсолютно не волнует. Я не говорю о массе других вещей, среди которых наиважнейший - начавшийся процесс вымирания россиян. И они рассчитывают что-то еще построить? Господа ученые, что вы можете настроить?

Когда-то профессионализм научных сотрудников определялся широтой и глубиной их знаний. Ныне на первое место вышла идеология. Идеология слепого восхищения Западом и его ценностями

нанесла колоссальный ущерб профессионализму.

Я не хочу, чтобы меня в очередной раз превратно поняли. Я не являюсь противником США или американских ценностей, включая такие бесценные вещи, как демократия и рыночная экономика. Более того, я считаю, что именно благодаря этим ценностям и обеспечено относительное благополучие американского государства. Но я против их универсализации, их неизбежной приемлемости для других народов и стран, особенно таких специфических и уникальных, как Россия и, скажем, Китай. Последние имеют свои ценности глобального цивилизационного масштаба.

Навязывание же своей цивилизации, своей культуры другим я рассматриваю как акт агрессии, как форму неоимпериализма, более разрушительную, чем действия классического империализма. Против этого выступаю и выступать буду.

Март 1996 г.

Этот ответ "Независимая газета" опубликовать не захотела. Справедливости ради следует, однако, признать, что авторы Отклика, судя по их последующим публикациям, отошли от однозначного проамериканизма. Или с "грантами" появились проблемы, или действительно "прозрели".

"Качество жизни" в вооруженных силах США

В целях сохранения и укрепления глобального лидерства США тратят громадные суммы на модернизацию военной техники и создание новых вооружений. Это - известные вещи. Менее известны усилия американского руководства в деле пестования "человеческого фактора", т.е. военнослужащих и их семей. "Качество жизни" - солдат и офицеров США - это не метафора, не красное словцо, а реальная строка в статье военных расходов в военном бюджете США.

В Докладе Министерства обороны США на 1996 г. ей посвящена специально 5-я глава ("Качество жизни"), содержание которой, на мой взгляд, может представить интерес для российского читателя.

Термин "качество жизни" включает в себя пакет компенсаций и льгот, а также таких условий жизни и работы военнослужащих и их семей, которые "более чем любой другой фактор" обеспечивали бы высокую степень боеготовности американской армии.

В Докладе указывается, что еще в феврале 1995 г. президент Клинтон "добавил" 25 млрд долл. к плану военных расходов на боеготовность и "программу улучшения качества жизни". Из этой суммы 7,7 млрд долл. предназначается только на повышение зарплаты к концу 90-х годов. Очередную порцию денег в размере в 2,7 млрд долл. добавил министр обороны США В. Перри к Базовым расходам на содержание казарм в "дорогих районах" страны, предназначенных для улучшения содержания жилища, расширения системы присмотра за детьми военнослужащих, для программ отдыха, а также специальных программ улучшения морального климата в семьях военнослужащих.

По инициативе Перри был создан Специальный комитет по Качеству жизни, состоящий из внешних экспертов, призванных давать рекомендации по широкому кругу вопросов, относящиеся к "качеству жизни". В дополнении к данному комитету учреждена внутренняя Исполнительная комиссия по Качеству жизни, которая, помимо всего прочего, давала бы оценки рекомендациям Специальной комиссии с целью их реализации.

Таким образом, "строка" по качеству жизни охвачена как финансово, так и организационно.

Что же конкретно стоит за разговорами о "качестве жизни"?

Чтобы привлечь высококвалифицированных специалистов в армию, предполагается не просто увеличить зарплату, но в такой степени, которая могла бы конкурировать с заработками в частных секторах экономики. При этом у военнослужащих сохраняются все льготы, включая льготы по медицинскому обслуживанию. Создание условий "для пристойного жизненного уровня" военным и их семьям призвано убедить в том, что "страна действительно ценит их службу и признает трудности, обязательства и опасность военной службы".

Дополнительные суммы по оплате жилья в "дорогих районах" США имеет определенный смысл, поскольку стоимость товаров и услуг в них превышает среднеамериканский уровень на 9% (В таких районах дислоцированы около 30 тыс. военных семей). С 1 июля 1995 г. таким семьям начали выплачивать ежемесячные компенсации от 40 до 167 долл. в зависимости от района.

Военные семьи получают льготы и от снижения цен на 20-25% на товары, продаваемых в военторгах.

Льготами обеспечены и добровольно обучающиеся солдаты и офицеры, обучение которых в значительной степени оплачивается армией (на это уходит около 138 млн долл.) В этот самообразовательный процесс вовлечено более миллиона военнослужащих.

В Докладе специально выделен раздел, касающийся условий жилья военных и их семей. Обеспечение "пристойных" условий проживания напрямую были связаны с "готовностью, удержанием военных на второй срок службы и качеством жизни". В армии существует выражение: "Вы набираете в армию одного, а оставляете семью".

Среди семейных две трети живут в гражданской зоне, одна треть - в военных гарнизонах. Министерство обороны озабочено тем, что, поскольку цены "на гражданке" превосходят финансовые возможности военнослужащих, им приходится жить в "неадекватных домах". (По американским представлениям это означает небольшие домики в 3-4 комнаты). Чтобы жилища их были "адекватны", увеличены дотации на жилье, причем, если в 1995 г. эти дотации покрывали 80% расходов на жилье (остальные из своего кармана), то в 1996 г. эти дотации увеличились на 2,8%, а концу 90-х годов они должны составить 85%.

Были увеличены дотации и для тех, кто живет в военных гарни-

зонах. Только в 1996 г. "сумма поддержки" была увеличена более чем на 500 млн долл.

Не забыты были и холостяки (их около 500 тыс. человек), которые обычно живут в казармах (мне лично напоминающие общежития или средней руки гостиницы). Было принято решение реконструировать казармы-общежития, увеличив "жизненное пространство" с "ничтожных" 9 кв. м на человека до 11 кв. м. На эти цели запланировано направить 2,5 млрд долл. на период с 1996 г. по 2001 г.

Забота о семье - еще одна тема, которая детально обсуждена в Докладе.

В вооруженных силах США находится на постоянной службе 1,6 млн чел. плюс 2,3 млн членов их семей. Суть заботы о семейных военных сводится к тому, чтобы их жизненный уровень и качество не уступали "лучшим стандартам гражданской жизни". Помимо повышения зарплаты, увеличения и диверсификации льгот, громадное внимание уделяется программам содержания и воспитания детей. Обычно министерство обороны покрывало 52% обслуживания детей (имеется в виду расходы на содержание их в яслях, садах, частичное оплачивание школы и использование спортивных центров и т.д.). В 1995 г. на эти нужды было добавлено 38 млн долл., что доводит уровень "покрытия" до 65%, а в ближайшей перспективе намечено довести этот уровень до 80%.

Особая программа существует для защиты детей от семейных неурядиц, нанесения детям морального или физического ущерба, а также просвещение родителей в периоды до и после родов детей.
Не забыта и программа, которую можно выразить известной поговоркой "в здоровом теле, здоровый дух". Она предполагает увеличение расходов на содержание и улучшение спортивных центров, библиотек, стадионов. При этом оговаривается, что физическая сторона (качества жизни) является приоритетной". На эти цели намечено затратить 194,7 млн долл. в течение пяти лет.

В армии существуют семейные центры наподобие наших Домов офицеров, однако, их функции заключаются в том, чтобы предоставлять образовательные и социальные программы, а также содействовать установлению быстрых связей как между самими семьями военнослужащих, так между ними и внешней средой обитания, т.е. с гражданским населением. При этом особое значение придается военным семьям, дислоцированными за пределами США. В Докла-

де, например, подчеркивается, что войскам, расположенным в Боснии и Герцеговине, предоставляется "самое лучшее оборудование, тренировочные снаряжения, самая лучшая технология по сравнению с любыми вооруженными силами в мире".

Обеспечение работой семей военнослужащих - также является предметом заботы министерства обороны США. 65% членов семей обеспечено работой. Недавно обнаружилась тенденция, что у 65% военнослужащих женщин мужья являются гражданскими лицами. Их также пытаются охватить работой.

Поддержка и обслуживание лиц, заканчивающих и закончивших службу

Каждый год к гражданской жизни возвращается более 300 тыс. ветеранов и их семей. Забота о них находится в графе приоритетов.

Для начала надо иметь в виду, что 99% "возвращенцев" имеют дипломы высшей школы, среди них 22% - определенное количество очков уровня колледжа, набранных ими в процессе добровольного обучения, 19% - имеют полный комплект очков, как минимум, одного колледжа. Такой образовательный уровень позволяет ветеранам довольно успешно сразу же устраиваться на работу, что экономит министерству обороны почти 150 млн долл. в год на пособиях по безработице (По закону министерство обороны обязано определенное время выплачивать пособие по безработице после увольнения военнослужащего, если он не найдет работу). Каждая армейская служба в контакте с министерством обороны, в том числе департаментами по трудоустройству и по делам ветеранов в сотрудничестве с гражданскими службами заранее хлопочут о трудоустройстве демобилизованных военнослужащих. Они же занимаются переподготовкой тех военнослужащих, чьи военные специальности не имеют спрос в гражданской экономике. В их же функцию входит рассылка данных и запросов в частные и государственные учреждения.

* * *

Хотя я здесь упустил много других частностей из деятельности министерства обороны США, однако, и из сказанного должно быть ясно, сколь громадное значение придается качеству жизни американских солдат и офицеров. 5-я глава Доклада заканчивается следующими словами: "Министр обороны Перри сделал качество жизни одной из своих самых приоритетных задач. Стандарт жизни,

который демонстрирует оценку государством тех, кто защищает его свободу, является крайне важным для рекрутирования и сохранения высококвалифицированных, хорошо тренированных и мотивированных сил. Улучшения, запланированные для качества жизни, распространяются на каждого служащего. Они олицетворяют колоссальное обязательство перед людьми, которые являют собой фундамент военной готовности".

Независимая Газета, 19.IX.96. (сокращенный вариант)

Национальная безопасность: методологические и терминологические аспекты

Введение

Разрушительные результаты капиталистических реформ как никогда ранее на первый план выдвинули проблемы национальной безопасности России. По поручению президента Совет национальной безопасности, а также ряд других организаций и учреждений несколько лет занимались составлением концепции национальной безопасности России, которая была, в конце концов, обнародована 26 декабря 1997 г. в "Российской газете". Мне уже приходилось делать критический анализ этой концепции. Поэтому, чтобы не повторяться, отмечу главные ее недостатки.

Во-первых, вместо концепции мы получили документ, близкий по структуре и форме "Отчетному докладу президента о не проделанной работе и очередные задачи Российской Федерации". То есть мы получили перечисление серии ошибок, просчетов и недочетов работы президента за последние пять лет и предложения "вообще", как все это исправить.

Во-вторых, в этом документе перемешались проблемы внутренней и внешней политики, которые при очевидной взаимосвязи имеют существенные специфики как с точки зрения механизмов их реализации, так и с точки зрения их пространственного функционирования.

В результате, и это, в-третьих, произошло смазывание "ответственных" органов за те или иные решения или направления. В обычной манере для власти - "все отвечают за все" и, естественно, никто ни за что.

Другими словами, в России так и не выработана концепция, не говоря уже о доктрине, национальной безопасности, которая в принципе не может быть сформулирована, поскольку **категория** национальной безопасности означает **политику реализации национальных интересов, т.е. форму и способы их защиты**. Следовательно, должна быть выработана не концепция национальной безопасности, а внешнеполитическая стратегия, одной из важных со-

ставных частей которой и является политика национальной безопасности.

Неудача в формулировании концепции национальной безопасности связана с отсутствием методических навыков в разработке такого типа политических документов. Дело в том, что концепция национальной безопасности - явление не российской, а американской политологии - разработана после второй мировой войны такими учеными как Г. Моргентау, Дж. Кеннан, А. Вольферс, С. Хоффман и другими. Еще до того, как идея национальной безопасности стала принимать доктринальные формы, американские международники интенсивно обсуждали ключевые термины внешней политики, такие как "национальные интересы", "жизненные интересы", "фундаментальные интересы", "национальная безопасность", категории "цели" в различных нюансировках (goal, aim, objective), а также такую сложную категорию как "национальная мощь и сила", пытаясь выявить разницу, а точнее явления, выраженные словами-терминами, как might, power, force, capability, strength и т.д. И хотя споры на эти темы не прекращаются до сих пор[23], тем не менее, в США уже сформировалось общее понимание базовых категорий внешней политики и международных отношений, что облегчает формулирование хорошо структурированных политических документов с более или менее четким понятийным аппаратом[24].

Российские же политологи, позаимствовав саму идею национальной безопасности у американцев, продолжают плавать в непривычных для себя терминах, даже не очень осознавая разницу между научным содержанием слов "термин", "понятие" и "категория". Ярким свидетельством этому служат дискуссии вокруг понятия "национальные интересы"[25]. Этому, возможно, не следует удивляться, если иметь в виду, что российские международники или специалисты-страноведы не работают на уровне понятий и категорий. В лучшем случае - на уровне терминов, которые каждый толкует по-своему. Достаточно предложить для обсуждения термины "сила", "мощь" и "власть" или, казалось бы простой термин "АТР", как вы

---

23 Напр., см.: J.Brian Atwood. "Towards A New Definition of National Security". - Vital Speeches of the Day, December 15, 1995, pp. 135-138.

24 См.: Contemporary U.S. foreign policy: documents and commentary/[complied and edited by] Elmer Plishke. USA: Greenwood Press, 1991, pp. 33-56.

25 См.: Концепция национальных интересов: общие параметры и российская специфика. - МЭМО, 1996, №7-9.

получите количество интерпретаций, равное количеству “ответчиков”.

Другая проблема разработки концепции национальной безопасности связана уже не столько с методологией, сколько с мировоззрением разработчиков. Совершенно очевидно, что от этого зависит содержание концепции или доктрин. В данном случае я сознательно уклоняюсь от “классового подхода”. Но даже в среде одного класса, скажем нашего правящего буржуазного класса, существуют различные видения на внешнюю политику России. Совершенно очевидно, что разработчики, кормящиеся от компрадоров, будут говорить о необходимости вхождения “в мировой рынок” в тесном союзе с Западом, а разработчики, связанные с национальной буржуазией, выдвинут на первый план защиту “исконно российских государственных интересов”, которые необходимо защищать от “хищников мирового капитализма” и большей ориентации на “азиатские страны”, прежде всего, имея в виду Китай и Индию. В этом опять же нет ничего удивительного, если иметь в виду, что и в США общие стратегии внешней политики вычерчиваются по-разному в зависимости от того, какая группа капитала находится у власти. Теоретическим обоснованием данной проблематики в США занимаются множество международников, среди которых выделяется Ч.Е. Снэй (Ch. E. Snare), который даже придумал неудобно переводимые на русский язык термины для обозначения названных двух групп. “Компрадорщиков” он называет Developmental (в грубом переводе, что-то типа “развивальщики”, а “государственников” - Active Independent (“активные независимщики” или, может быть, лучше “независимцы”. Хотя тоже плохо)26.

В силу вышесказанного должно быть понятно, как не просто сформулировать концепцию “национальной безопасности” России. В чисто просветительских целях представляется целесообразным показать американские варианты внешнеполитических доктрин, взяв за основу два официальных доклада: один разработан Советом национальной безопасности (президентская структура) - Стратегия национальной безопасности для нового века (A National Security Strategy for A New Century, May 1997), другой - Госдепартаментом под названием Официальное заявление по международным делам

26 See: Charles E. Snare. “Defining Others and Situations: Peace, Conflict, and Cooperation”. - Peace and Conflict Studies, v.1, #1, December 1994. - Internet.

(International Affairs Mission Statement, Department of State, Sept. 1997).

Сразу же хочу оговориться, что меня в этих стратегиях не интересует содержание. В данном случае важно проанализировать форму подачи материала, ее структуру.

Общие "стратегии национальной безопасности" США

Итак, первая часть “Стратегии” СНБ озаглавлена так: Лидерство сегодня для более безопасного и процветающего завтра[27]. Она начинается с определения фундаментальных национальных интересов страны, к которым причислены суверенитет, политические свободы и независимость США, ценности, институты и территориальная целостность. Затем фиксируются “вызовы” национальным интересам, а также возможности их нейтрализации. Четко указывается, что предыдущие стратегии США требуют модернизации вследствие изменения международной обстановки.

Во второй части - Развитие национальных интересов США - предлагается усовершенствовать политику безопасности в связи с различного типа угрозами национальным интересам, а также новые подходы в реализации военно-политической безопасности, обеспеченное усиленным потенциалом (capability).

Третья часть - Содействие процветанию - делает упор на внешнеэкономические аспекты национальных интересов, обеспеченные набором средств из арсенала политики экономической безопасности. Все это тесно увязывается с содействием распространению демократии (т.е. рыночной экономики), выступающей одним из главных инструментов достижения экономических целей за рубежом, в особенности в “странах переходного периода”.

---

27 Кстати сказать, очень важные официальные документы, доктрины и т.д. в США формулируются и составляются на живом английском языке, с использованием цитат и изречений из классиков, в красивых рамочках, встроенных в текст или на полях. В приложениях дается статистика или графики. То есть, все эти документы являют собой не канцелярско-бюрократические тексты, которые невозможно читать, как, скажем, ту же концепцию национальной безопасности России, а ко всему прочему - литературное творчество.

Наконец, в последнем разделе - Интегрированные региональные подходы - разбираются специфики регионов, к каждому из которых предлагается особый набор политики национальной безопасности.

Весь текст строится на трехзвеньевой увязке: национальные интересы - внешние вызовы или угрозы - ответы или меры через политику национальной безопасности. Следует подчеркнуть, что все эти "вызовы и угрозы" рассматриваются как внешние. Иначе говоря, "Стратегия" представляет собой внешнеполитическую доктрину, а не документ, в котором намешана и внутренняя и внешняя политика.

В еще более структурированном виде выглядит госдеповская доктрина. В Преамбуле ясно фиксируется, что "целью внешней политики США является создание более безопасного, процветающего и демократического мира в интересах (досл. - для выгод) американского народа". Данная стратегия разворачивается по следующей схеме.

Вначале определяется круг направлений национальных интересов. В него входит: национальная безопасность (военные аспекты с упором на проблемы не распространения оружия массового поражения и т.д.), экономическое процветание (открытие зарубежных рынков, доведение американского экспорта до 1,2 трлн долл. к 2000 г....), американские граждане и границы США (защита американских граждан за рубежом, ужесточение иммиграционной политики), совершенствование законодательства (в отношении международной преступности, наркобизнеса, терроризма), демократия (усилить приверженность зарубежных правительств к демократической практики и уважения к правам человека), гуманитарный ответ (в связи с природным катаклизмами и бедствиями), глобальные проблемы (окружающая среда, рост населения, болезни).

Затем определяются национальные интересы, после чего формулируется политика национальной безопасности через определение целей. Следующий шаг - предлагается Стратегия ее реализации, далее - конкретные меры действий, и, наконец, какой результат должен быть получен. Коротко, это можно представить в виде цепочки: национальные интересы - национальная безопасность - цели (как Goals) - стратегии - конкретные меры (Assumptions) - результаты.

Естественно, и этот вариант описывает национальные интересы и национальную безопасность США в контексте внешних угроз и международной деятельности США.

Опыт США: обеспечение экономической безопасности

По сути дела теория и практика политики экономической безопасности до начала 90-х годов была на вооружении одной страны мира - США. Как удалось установить, ни страны Западной Европы, ни Япония не выделяли “экономическую безопасность” из общей внешнеэкономической политики, хотя внешнеэкономический блок иногда присутствовал как отдельный компонент более общей доктрины “комплексной национальной безопасности”, например, во внешнеполитической практике Японии начала 80-х годов. В таком же качестве этот блок входит в каждую из трех концепций национальной безопасности КНР, которые все вместе составляют то, что в Китае называют теорией Дэн Сяопина.

Единственная страна, перенявшая концепцию экономической безопасности в ее американизированном варианте, является Россия 90-х годов, т.е. в период, когда страна начала осуществлять капиталистические реформы. В результате этих реформ, проводимых президентом Б. Ельциным и его сподвижниками (Е. Гайдар, В. Черномырдин, А. Чубайс и др.), великая держава превратилась в третьеразрядную страну с вымирающим населением. В настоящее время возникла реальная угроза распада Российской Федерации.

В этих условиях, совершенно естественно, концепция безопасности, включая ее экономические компоненты, стала самой распространенной темой в научно-политических кругах России. Она оказалась настолько популярной, что фактически подмяла под себя все другие подходы и теории, превратившись в безразмерную доктрину, “объясняющую” все аспекты нашего общества. Особенно повезло в этом смысле концепции экономической безопасности, куда российские научные работники умудрились загнать все сферы экономики, политики, социальной жизни и т.д. В этом можно убедиться, взяв любой сборник или официальный документ, посвященные “экономической безопасности”[28].

Несмотря на это, среди ученых и политиков нет согласованной позиции ни по самому термину “национальная экономическая без-

28 Для примера см. - Тематический выпуск "Экономическая безопасность" сборника "Безопасность", октябрь-декабрь, 1997, №10-12..

опасность”[29], ни по ее составляющим компонентам. И хотя большинство российских авторов черпали свои идеи у американских авторов, есть смысл обратиться к истокам, чтобы еще раз для себя уяснить а) что американцы понимают под термином “экономическая безопасность”; б) какие учреждения и институты участвуют в разработке документов по данному вопросу; в) кто и как реализуют утвержденные документы.

Определения “экономической безопасности”

Из всех видов безопасности наибольшая путаница произошла с экономической безопасностью. Достаточно просмотреть структуру и содержание правительственного документа - О первоочередных мерах по реализации Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения) от 27 декабря 1996 г. (№1569). В нем представлены все аспекты экономической и социальной жизни - типичный винегрет, в котором невозможно выделить ни “угрозы”, ни ответственные органы за их нейтрализацию или предотвращение. Эта путаница, на мой взгляд, связана с неумелой компиляцией американских доктрин экономической безопасности, с непониманием смысловых нагрузок американских терминов. Особенно много путаницы вносит термин social security (общественная безопасность), которую даже сами американские ученые - не-теоретики нередко обозначают как economic security. Вместе с тем, когда они формулируют действительно концепцию Экономической безопасности в широком смысле, они четко отделяют Общественную безопасность от Экономической безопасности в узком смысле, связанную с внешними воздействиями. Последняя имеет отношение к Международной экономической безопасности (International Economic Security), а также к Внешнеэкономической безопасности (External Economic Security), в свою очередь состоящей из множества поднаправлений, среди которых в настоящее время актуальными являются Промышленная безопасность, Промышленный шпионаж, Экономический шпионаж. Коротко рассмотрим, как определяются внутренние и внешние аспекты экономической безопасности США.

---

29 Напр., см. Г.В. Коржов. Экономическая безопасность России. М., 1996, сс. 7-9.

Общественная безопасность. Первостепенное значение среди всех видов безопасности имеет общественная безопасность, за которую несет ответственность в первую очередь федеральное правительство. Данной сфере посвящено 70-80% всей литературы, а также занято наибольшее количество правительственных чиновников. Специалисты данной проблематики определяют этот термин следующим образом.

"Общественная безопасность, которая является частью общего благосостояния, определяется как осознанное чувство благополучия, порождающее у индивидуума относительную уверенность в том, что он или она в состоянии удовлетворить свои основные потребности и желания в настоящем и будущем". Обратная сторона этого явления, т.е. "экономическая (читай "общественная") опасность заключается в потере доходов, добавочных средств (например, на поддержание здоровья), в недостаточных доходах (например, низкая зарплата или неполная занятость), или в неопределенности дохода (даже для высокооплачиваемого рабочего). Экономическая опасность может быть вызвана преждевременной смертью главы семьи, преклонным возрастом, слабым здоровьем, безработицей, низкими зарплатами, инфляцией, природными бедствиями, или личностными факторами, как-то: разводом, алкоголизмом или наркоманией, азартными играми и домашним насилием"[30].

Для разнообразия представим и точку зрения Разведывательной службы канадской безопасности: "Экономическая безопасность означает поддержание таких условий, которые необходимы для постоянного и долгосрочного повышения производительности труда и увеличения капитала и, таким образом, высокого и увеличивающегося стандарта жизни граждан страны, включая поддержание справедливой, безопасной и динамичной деловой атмосферы, способствующей инновациям, внутренним и внешним инвестициям и постоянному экономическому росту"[31].

В подобных определениях общественно-экономической безопасности и опасности схвачены почти все стороны личностного бытия, и за каждую личность несут ответственность как правительства США и Канады, так и все общество. Именно поэтому на обеспече-

---

30 Social Insurance and Economic Security, 5th ed., George E.Reida, 1994, Prentice Hall, p. 5 - Internet.

31 FOREIGN SPY AGENCIES THREATEN CANADA'S ECONOMIC SECURITY, WARNS NEW STUDY. Canada News Wire CSIS/SCRS 1996. - Internet.

ние соответствующего уровня общественной безопасности и направляется львиная доля расходов федерального бюджета США. Только на статью, непосредственно касающуюся "Общественной безопасности" (social security) приходится самая большая сумма в размере 22,5% от всей расходной части федерального бюджета на 1997 ф. г. Если же суммировать другие статьи бюджета, имеющие отношение к общественной (экономической) безопасности (общины и региональное развитие, образование, здравоохранение, пособие на медицину, расходы на ветеранов, правосудие), тогда общая сумма составит более 50% от всего бюджета[32].

Ко всему этому следует добавить средства, поступающие из частного сектора в сферу общественной безопасности, как минимум, адекватные по масштабам государственным расходам. При этом надо иметь в виду, что в Канаде и в странах Западной Европы суммы статей на "общественную безопасность" превосходят американские в пропорциях соответствующих бюджетов. Например, в Англии в 1998 ф.г. только на статьи "общественная безопасность и здоровье и социальные услуги" приходилось соответственно около 60% и 16% бюджета правительственных расходов[33].

Надо также четко запомнить, что ответственность за общественную безопасность несет правительство и президент или премьер-министры, а не "внешний враг".

Международная экономическая безопасность. Она определяется "как такое состояние мировой экономики, которая в максимальной степени соответствует экономическим интересам США в целом". Несмотря на бесспорное лидерство США в мировой экономике, тем не менее, в Вашингтоне полагают, что предпринимаемые усилия США по обеспечению национальных интересов страны, включая ее экономические аспекты, недостаточны. В настоящее время весьма активно обсуждается идея формирования специального Совета экономической безопасности или в рамках ООН (типа Совета безопасности), или как независимой международной организации, нацеленной на упорядочивание и координацию всех международных экономических институтов типа "7", ВТО, МВФ, ОЭСД и т.д. Поскольку главным финансистом такой организации будут США, соответственно ее целевая предназначенность должна определяться, прежде всего, экономическими интересами США.

---

32 The Congress of the USA, 1997. - Internet.
33 The Economist, May 30th 1998, p. 35.

Технологическая безопасность. Хотя в США нет специального закона по технологической безопасности, однако ее обеспечение четко прослеживается по нескольким направлениям. Во-первых, министерство обороны США в последние годы постоянно подчеркивает теснейшую связь между технологической и национальной (читай - военной) безопасностью, требуя ужесточить контроль за формами и способами производства и продажи "оборонной технологии". Во-вторых, оно добилось включения ужесточенных условий продажи "технологической информации" в Закон об экономическом шпионаже 1996 г. (о чем речь ниже). В-третьих, оно существенно расширило инвестиции в военную промышленность, непосредственно контролируемую Пентагоном. Это демонстрируют следующие цифры, приводимые военными специалистами. Еще в 1965 г. министерство обороны закупало 60% полупроводников на "свободном" внутреннем рынке. В настоящее время на этом рынке закупается только 1% полупроводников. Еще несколько лет назад Пентагон закупал на этом рынке почти 100% малтичиповых модулей, сейчас только 40%. Все это означает, что Пентагон стремится взять под свой жесткий контроль "оборонный рынок", с одной стороны, с другой - сам наращивает инвестиции в военную технологию и информацию. Такая политика резко контрастирует с теми тенденциями, которые происходят в нынешней России.

Для того чтобы разделить меру ответственности за экономический ущерб стране “внешних врагов” и “внутренних”, в американо-канадских документах даются определения ряду важных терминов.

В соответствии с разделом 809 Закона о разведке на 1995 ф. г. (Intelligence Authorization Act) **промышленный шпионаж** трактуется как “деятельность, осуществляемая иностранным правительством или иностранными компаниями при прямой помощи иностранного правительства против частных компаний Соединенных Штатов и ставящая целью приобретение коммерческих секретов”34.

Канадцы на всякий случай определяют и термин “внутренний шпионаж”, который означает “использование или содействие использованию нелегальных, тайных, принудительных или обманных способов частным сектором или его суррогатом для приобретения экономической секретной информации”.

---

34 Annual Report to Congress on Foreign Economic Collection and Industrial Espionage, July 1995. - Internet.

В более широком контексте канадцы определяют и “**Экономический шпионаж**”, не сводя сферу его действия только к частному сектору. В их интерпретации Экономический шпионаж - это “нелегальная, тайная, принудительная или обманная деятельность, в которую вовлечено иностранное правительство, или **деятельность,** обеспеченная его поддержкой, которая направлена на получение секретной частной информации и технологии для своих экономических интересов ”35.

Наконец, “**экономическая разведка** - это политика в сфере экономической информации коммерческого свойства, включая технологическую, финансовую, частную коммерческую и правительственную информацию, приобретение которых в целях иностранных интересов может прямо или косвенно способствовать увеличению относительной производительности /труда/ или конкурентной позиции экономики тех или иных организаций /иностранной/ страны” (там же).

Обращает на себя внимание, что американцы, в отличие от канадцев, не говоря уже о европейцах или японцах, в последние два-три года впадают во все большую детализацию определений различных подвидов “экономической безопасности”. Это вызвано тем, что сейчас идет процесс подготовки широкого спектра законодательных актов, призванных защитить все сферы экономической деятельности США внутри страны и за рубежом. И в этот процесс вовлечены практически все структуры, имеющие даже косвенное отношение к внешнеэкономической деятельности США.

Участники политики экономической безопасности в США

Чтобы понять, какие структуры участвуют в защите экономической безопасности страны, назовем участников составления документа “Годовой доклад конгрессу по внешнеэкономической деятельности и промышленному шпионажу” за 1995 г.

При правительстве от имени Совета национальной безопасности был создан Совет по контрразведывательной национальной политике, который поручил Центру национальной контрразведки подготовить означенный доклад для Конгресса. В нем принимали участие

35 FOREIGN SPY AGENCIES THREATEN CANADA'S ECONOMIC SECURITY...

такие организации: Отдел национальной безопасности ФБР; Центр контрразведки ЦРУ; Бюро разведки и исследований и дипломатической безопасности Госдепартамента (МИД США); Директор контрразведки и программ безопасности при помощнике министра обороны, отвечающий за систему команды, контроля, связи и разведки; Агентство военной разведки (аналог нашего ГРУ); Отдел армейской разведки и безопасности; Служба расследований преступлений при ВМС; Служба специальных расследований ВВС; Служба военных исследований; Исследовательский институт по личной безопасности; Агентство национальной безопасности (Пентагон); подразделение контрразведки, министерство энергетики; Отдел по экспорту министерства торговли; Служба поддержки разведки министерства финансов; Отдел разведки налоговой службы США.

Столько организаций принимало участие в подготовке только одного документа. В целом же Федеральное правительство создало так называемую Контрразведывательную сеть (CI), которая образует нечто типа Контрразведывательного сообщества (CIC) с задачей по защите американской промышленности от иностранного шпионажа, куда вошли следующие организации.

ФБР - главная координирующая и инициирующая организация в данной сфере с множеством специфических подразделений. В рамках ФБР действует программа слежения за развитием шпионажа, контрразведки и терроризма (DECA).

ЦРУ - координирующая и информационная служба. Близка к программам CI - Отдел национальных ресурсов.

Спецслужба таможни США, отвечающая за действия Закона над контролем по экспорту оружия, Закона об экспорте военных материалов, а также административного Закона об экспорте, который покрывает экспорт высокотехнологичных материалов и информации.

Министерство обороны. Каждый отдел имеет свое подразделение, отвечающее за внешнеэкономическую и промышленную разведку, имеющее отношение к военным программам и системам. Тесно работает с ФБР. Надо иметь в виду, что Служба помощника министра обороны по экономической безопасности в 1998 г. была разделена на два подразделения: Службу помощника замминистра обороны по коммерческим и международным программам и Службу помощника замминистра обороны по промышленности и внед-

рению. Т. е. подтверждается высказанная идея о более узкой специализации в сфере внешнеэкономической деятельности.

Министерство юстиции имеет подразделение по экономическому шпионажу.

Министерство энергетики имеет аналогичное подразделение.

Министерство торговли. Не имеет спецпрограмм в рамках CI. Сотрудничество предполагается чисто информационное.

НАСА сама не является участником программы CI, однако, пользуясь информацией ФБР, а также Спецпрограммами (Special Access Programs) информирует своих сотрудников о ситуации в данной области.

Госдепартамент (МИД). Помимо спецотделов, занимающихся внешнеэкономической деятельностью, располагает Консультативным советом по безопасности за рубежом (OSAC). Это своего рода совместное предприятие, состоящее из сотрудников МИД и американских бизнесменов. Находится под управлением Бюро дипломатической безопасности Госдепартамента. В этот совет входит около 1400 частных организаций.

Надо иметь в виду, что существует еще одна мощная неправительственная организация - Американское общество за безопасность промышленности (ASIS), которое предоставляет регулярные доклады даже для ФБР.

Программа CI четко описывает функции каждого из упомянутых акторов, формы и методы шпионажа и т. д. Одним из результатов всей этой программы был Закон о промышленном шпионаже 1996 г.

Закон о промышленном шпионаже 1996 г.

1 февраля 1996 г. в сенате по представлению сенаторов Коля и Спектора обсуждалось два закона: один назывался Закон об экономической безопасности, другой - Закон об экономическом шпионаже. На обсуждениях присутствовал президент Билл Клинтон. 28 февраля 1996 г. перед сенаторами выступил директор ФБР Льюис Фри, который подробно обосновывал необходимость принятия данных законов. Надо подчеркнуть, что инициаторами этих законов были два ведомства - министерство юстиции и ФБР. На них есть смысл остановиться подробнее.

В разделе 2 Закона об экономической безопасности указывается (далее перевод), что:

1) экономическая безопасность является частью национальной безопасности;

2) развитие новых идей и экономических инноваций являются крайне важными для здоровья и конкурентоспособности национальной экономики;

3) поощрение инноваций и творчества требует адекватной защиты жизненно важной экономической информации, как доступной, так и закрытой;

4) более 50 стран нелегально пытались добыть передовые технологии с предприятий США;

5) кража, незаконное разрушение или изменение, незаконное приобретение иностранными государствами или их агентами жизненно важной информации, принадлежащей собственникам в США, прямо и существенно угрожают здоровью и конкурентоспособности важнейших сегментов экономики США и, соответственно, их национальной безопасности;

6) существующие законы не адекватны для защиты против экономического шпионажа иностранными правительствами или тех, кто действует в их пользу.

Цель Закона - защитить национальную безопасность путем предотвращения экономического шпионажа и продолжить развитие узаконенной утилизации экономической информации США, защищая ее от воровства, незаконных разрушений и изменений, незаконного приобретения иностранными правительствами и их агентами или подручными. Этот Закон защищает жизненно важную экономическую информацию правительства Соединенных Штатов и американских фирм, бизнеса, промышленности и индивидуумов как внутри страны, так и за рубежом, путем наказания индивидуумов, корпораций и институтов, которые вовлечены в экономический шпионаж с намерением или с целью оказания помощи иностранным государствам или правительствам и их агентам и приспешникам36.

В качестве причин необходимости принятия данных законов сенаторы сообщили такую информацию: в 1992 г. американские компании потеряли 1,8 млрд долл. из-за кражи коммерческих секретов. Со ссылкой на Американское общество по промышленной безопасности было также сказано, что объем краж экономической информации вырос на 260% с 1985 г. по 1993 г. В этих деяниях было задействовано 57 стран, в том числе Франция (единственная страна, которая была названа прямо).

Директор ФБР Фри к этой информации добавил следующее: по данным доклада “Тенденции потерь интеллектуальной собственно-

36 Economic Security Act of 1996. - S1557 IS 104th Congress, 2d Session. - Internet

сти" на основе анализа 325 американских корпораций в 1995 г. было установлено 700 инцидентов потерь собственности на сумму 5,1 млрд долл., что соответствовало 9% ВНП США. Причем их количество увеличилось в целом на 323% в период между 1992 г. (9,9 инцидентов в месяц) и 1995 г. (32 инцидента в месяц). 59% от всех инцидентов было связано с работниками или бывшими работниками компаний, а 15% - с контрактниками. 74% инцидентов приходилось на тех, кому компании полностью доверяли. 21% инцидентов был связан с деятельностью иностранных государств[37].

В докладе Д. Купера, директора одного из структур министерства обороны, подробно излагался механизм краж оборонной информации пятью союзниками США. Хотя они не были названы, три из них, судя "по подчерку", были Франция, Израиль и Япония.

В последующих докладах ФБР за 1996 и 1997 г. подчеркивалось, что на экономическую безопасность США все интенсивнее стала негативно влиять Россия в связи с тотальной коррупцией на всех уровнях власти и экономических структур, а также организованной мафии, в том числе действующей на территории США.

Первоначально названные законы предполагалось включить в качестве добавлений к Закону о национальной безопасности 1947 г. Однако в конечном счете в октябре 1996 г. они вошли в часть 18 Федерального закона США в виде главы 90, состоящей из шести разделов под названиями: Экономический шпионаж, Кража торговых секретов, Уголовная ответственность (наказания), Порядок сохранения конфиденциальности, Гражданские процедуры для запрета насилия, Экстерриториальные расследования, Государственный закон.

Раздел о наказании (1831) за экономический шпионаж предусматривает в качестве максимального наказания для индивидуума - 15 лет тюрьмы, или 500 тыс. долл. штрафа, или то, и другое вместе, для организаций - 10 млн долл. штрафа. За экономическую кражу, не предназначенную для иностранного государства, предусматривается менее жесткое наказание (раздел 1832): для индивидуума - 10 лет тюрьмы и штраф, или то и другое вместе; для организаций - штраф в 5 млн долл.

---

37 Louis J. Freeh. Director. FEDERAL BUREAU OF INVESTIGATION. Hearing on Economic Espionage-2/28/ 96. Before the Senate Select Committee on Intelligence and Senate Committee on the Judiciary. Subcommittee on Terrorism, Technology and Government Information. - Internet.

Почти через два года, 28 января 1998 г., Льюис Фри, выступая перед сенаторами, давал как бы отчет о действии Закона об экономическом шпионаже. Он сообщил, что 23 страны продолжают действовать в сфере экономического шпионажа на территории США, среди них особую активность проявляют 12 государств. Однако в рамках Программы ответа и уведомлений по проблемам национальной безопасности Отдела национальной безопасности ФБР его ведомство через своих агентов в регионах направляет предупредительную информацию приблизительно 25 тысячам директоров корпораций. Эти же предупреждения об экономическом шпионаже (в форме брифинговых материалов) направляются в зарубежные американские компании и корпорации, в частности, в Австрию, Ирландию, Новую Зеландию, Панаму, Южную Корею и Объединенное Королевство. Со ссылкой на уже упоминавшееся Американское общество за безопасность промышленности, Фри указал, что только за 1996 г. американская интеллектуальная собственность стоимостью в 30 млрд долл. подвергалась риску. Он привел около десятка случаев деятельности ФБР по предотвращению промышленных краж на базе Закона об экономическом шпионаже[38].

На фоне массовой охоты за промышленной информацией количество "примеров" можно считать весьма скромным, что, видимо, свидетельствует о несовершенстве или самого Закона, или всей системы защиты американской промышленности.

Выводы

Американский опыт показывает, что даже в устоявшейся рыночной экономике проблемы экономической безопасности сохраняют свою актуальность и требуют постоянного совершенствования механизма ее обеспечения. Хотя все аспекты экономической безопасности взаимосвязаны, тем не менее, четко выделяются экономические пространства их функционирования. Внутреннее поле - общественная безопасность - четко увязывается с ответственностью правительства. Внешнее поле - внешнеэкономическая безопасность - увязывается не только с ответственностью тех или иных правитель-

38 Louis J. Freeh. Director. FEDERAL BUREAU OF INVESTIGATION. Hearing on Threats to U.S. National Security. Statement for the record. Wash., D.C. January 28, 1998. - Internet.

ственных органов, но и частных компаний и организаций, а также с ответственностью каждого члена американского общества. Эта сфера защиты экономической безопасности стала определяться политикой, которую осуществлял в свое время Советский Союз и нынешний Китай.

Для руководства России необходимо иметь в виду, что американская стратегия безопасности призвана не только защитить собственные экономические интересы от внешних угроз. В не меньшей степени она нацелена на приспособление мировой экономики, экономики любой страны в мире, включая экономики своих военно-политических союзников, в интересах США.

Повышенное внимание в этой связи уделяется России, внедрение в экономику которой является одной из важнейших направлений американской политики. Отсутствие правовых норм защиты экономической безопасности России позволяет США не только вторгаться практически в любые сферы российской экономики, включая ее оборонные отрасли, но и в финансовые сферы, одним из свидетельств чему служит деятельность президента Московского инвестиционного банка американца Бориса Джордана, тесно связанного с ОНЭКСИМ-банком.

Таким образом, России не просто нужна концепция экономической национальной безопасности, но и законодательная база для ее защиты.

Ноябрь 1998 г.

Часть II. Северо-Восточная Азия в преддверии новых реальностей

Место и роль КНР и России в Восточной Азии

Предварительные замечания

В задачу данной статьи входит намерение дать объективную сравнительную оценку места КНР и России в Восточной Азии, а также их роли на начало XXI века. Чтобы избежать возможного взаимонепонимания, для начала необходимо определиться в некоторых ключевых терминах, каковыми в тексте являются "место", "роль" и "Восточная Азия".

Определение термина **место** зависит от поля или сферы исследования объекта. В нашем случае таковыми являются экономическое, геостратегическое и социальное поля. В экономическом поле **место** (или "вес") означает сравнительную мощь государства, которая вычисляется как совокупный экономический потенциал той или иной страны. В геостратегическом поле **место** определяется степенью объективного воздействия государства на структуру и систему международных отношений, т.е. оно может быть глобальным, региональным или локальным. В социальном поле **место** государства отражает формационную суть общества в рамках категорий капитализма и социализма.

Нам понадобится также термин "цивилизация", весьма спорное и сложное понятие, имеющее десятки различных толкований. Не вдаваясь в споры на этот счет, я определяю его здесь как термин, а не понятие, который в моей формулировке звучит так: **цивилизация** - это сложившийся веками общий генотип некой целостности сообщества людей, отличающих себя от всех остальных сообществ (народов или наций).

Роль - это субъективная оценка участниками международной среды внешней политики того или иного государства на междуна-

родной арене[39]. Хотя это понятие тесно связано с мощью государства, однако не в прямо пропорциональных отношениях. Как показывает пример Японии, мощь (= экономический потенциал) может быть громадной, а роль весьма скромной и наоборот.

Под **Восточной Азией** (ВА) я понимаю географический регион, состоящий из СВА (Россия, Япония, КНР, КНДР и Корейская Республика) и ЮВА (Тайвань, страны АСЕАН, Лаос и Камбоджа).

Место КНР и России в ВА

1. Экономическое место. КНР, безусловно, совершила фантастический скачок за период проведения реформ, начавшихся с 1979 г. Ни одна капиталистическая страна в мире, включая "4-х малых драконов" Азии, не развивалась такими быстрыми темпами как социалистический Китай. По любым макропараметрам (ВНП, промышленность, сельское хозяйство, внешняя торговля, общий уровень жизни, наука, техника и т.д.) прослеживается устойчивая повышательная тенденция. В целом же, если брать ВНП как агрегированный показатель экономического роста, он увеличился в два раза за период 1980 -1990-е годы, и еще почти в два раза за 1991-1995-е годы[40].

Какого же его соотношение с ВНП или ВВП (очень близкие индикаторы) других стран?

Для начала напомню, что до реформ по этому важному показателю Китай занимал место в конце второй десятки стран мира. Ныне ситуация изменилась кардинально. По данным Мирового Банка, по ВВП уже к 1992 г. Китай занял 8-е место в мире (506,1 млрд долл.) после США, Японии, Германии, Франции, Италии, Англии и Испании. В 1993 г. он переместился на 7-е место (581,1 млрд долл.)[41]. В 1995 г. и 1996 г. он сохранил это место, хотя сумма ВВП весьма значительно увеличилась до 702 млрд и 830 млрд долл. По другим данным, цифра 1996 г. была равна 897 млрд долл. После возвращения Гонконга в 1997 г. в лоно материкового Китая пред-

---

39 На понятийном уровне указанные определения даны в книге: Р. Ш-А. Алиев. Внешняя политика Японии в 70-х - начале 80-х годов (теория и практика). М, 1986, сс. 96-103, 283-284.

40 See: Beijing Review, January 8 - 14, 1996, p. 15.

41 See: China Today, June 1996, p. 18.

ставляется корректным добавлять ВВП "возвращенца" (на начало 1998 г. - около 161 млрд долл.) к ВНП КНР, что в сумме составит приблизительно около 1 трлн долл. Другими словами, с региональных позиций ВВП Китая превосходит совокупный ВВП стран АСЕАН, более чем в два раза ВВП Южной Кореи, более чем в три раза ВВП Тайваня, в то же время уступая ВВП Японии почти в четыре раза.

На фоне Китая экономический вес России выглядит более чем удручающим. Еще в 1980 г. ВНП СССР составлял 58% от ВНП США (1,500 и 2,600 млрд долл.). В начале перестройки в 1985 г. он был равен 52% от ВНП США (2,118 и 4,054). В 1991 г., т.е. перед началом капиталистических реформ, это соотношение ухудшилось и было равно 44% от ВНП США (2,531 и 5,695)42. После развала СССР и начала капиталистических реформ, правда, уже России, а не Советского Союза, начался такой обвал экономики, что сравнение с США стало бессмысленным. Россия выпала из разряда экономических сверхдержав, стремительно перейдя в разряд "средних" государств с такой динамикой "развития": если еще в 1992 г. ВНП России был равен 853 млрд долл., то к началу 1998 г. он снизился до 454 млрд долл.43. То есть сокращение произошло почти в два раза, причем не только по ВНП, а почти по всем экономическим макропоказателям. Это привело к абсолютному отставанию от ВВП КНР также почти в два раза. Хотя еще в 1985 г. соотношение ВНП СССР и КНР выглядело так: СССР - 2,287 млрд долл., КНР - 252 млрд долл.44. Ныне же экономический потенциал России стал уступать даже такой небольшой стране как Южная Корея (ВНП - 495 млрд долл.).

С точки зрения "видимости" страны на международной арене более важным является внешнеэкономическая деятельность государства. И в этой плоскости сравнение не в пользу России. Если взять только торговые объемы, то окажется, что по "массе" Россия уступает Китаю (без Гонконга) и в экспорте и в импорте почти в два раза (экспорт и импорт КНР и России в 1997 г. соответственно были равны 183, 171 и 90, 77 млрд долл.). Еще более разителен контраст в удельных весах России и КНР в торговле со странами ВА. Так, доля Китая в экспорте и импорте этих стран составляла в 1995

42 Statistical Abstract of the United States, Wash.,1994. - Internet.
43 Asiaweek. The Bottom Line, April 3, 1998. - Internet.
44 See: CIA. Handbook of Economic Statistics, 1998. Wash.,DC:CIA FAC, 1998

г. 5 и 10%, в то время как доля России соответственно 0,4 и 0,7%. Хотя доли стран ВА в экспорте и импорте КНР и России несколько иные, но контраст сохраняется. Их доля в экспорте Китая составляла 6,1% для ЮВА и 50% для СВА; в экспорте России - 2,6 и 11,0%; в импорте КНР - 7,1 и 47,0%, России - соответственно - 1,0 и 5,1%[45].

Все эти цифры говорят о том, что Китай динамично набирает вес в Восточной Азии с перспективой стать самым мощным экономическим анклавом в этом регионе. А это превращает КНР в экономическую державу глобального масштаба.

Позиции же России в ВА, никогда не отличавшиеся большой значимостью, за годы реформ ослабли в еще большей степени. Конечно же, при кардинальном изменении курса реформ эти позиции можно упрочить. Но и в этом случае не стоит питать иллюзий, что "АТР" занимает или может занять весомое место в российской торговле или в целом во внешнеэкономической деятельности нашей страны. Надо трезво отдавать отчет себе в том, что ни этот мифический "АТР", ни Восточная Азия никогда не будут занимать "весомое место" в нашей экономической политике. Россия в силу множества причин была, есть и будет устремлена на Европу. Переломить эту тенденцию можно было бы, если Российский Дальний Восток (РДВ) превратился бы в место бурной экономической деятельности, типа Калифорнии. Но этого не произойдет по самым простым и прозаическим причинам: географии и климата, а отсюда и демографии. Плюс масса других причин, являющихся следствием названных. Так что не надо себя обманывать.

2. Геостратегическое место. С геостратегической точки зрения ВА является одной из глобальных зон мировой политики, в котором сконцентрированы стратегические интересы всех великих держав мира, три из которых (Япония, КНР и Россия) расположены внутри самой зоны. Такое внимание к региону вызвано природными богатствами ВА, стратегическими морскими путями, динамичным экономическим развитием большинства стран региона, двумя узлами противоречий (Корейский полуостров и Тайваньская проблема), наконец, обращенность региона к Тихому океану, а, следовательно, и борьбой за его обладание.

---

45 Подр. см.: О. Арин. Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. М.: Флинта-Наука, 1997, сс. 328-335.

В настоящее время в регионе доминируют две державы: США и Япония. Последняя в большей степени экономически, постепенно внося в это доминирование и свой военный вклад через американо-японскую систему безопасности.

Потенциально нарушить эту гегемонию может только Китай, географически расположенный в сердце этого региона. Наращивание экономической мощи КНР даже при некотором сокращении темпов экономического развития может превратить эту державу в ядро панкитайского анклава, интеграционно связанного на первых порах со всеми странами АСЕАН, где сильны позиции хуацяо. (Для информации: совокупный экономический потенциал хуацяо в ЮВА составляет около 550 млрд долл.). На следующем этапе существует большая вероятность интеграционной увязки этого анклава с экономиками двух Корей и оставшимися за бортом АСЕАН Лаоса и Камбоджи.

Любой складывающийся интеграционный экономический комплекс порождает два взаимосвязанных явления: бурный экономический рост и стремление защитить экономические интересы военными средствами. Этот тезис наглядно подтверждается системами военной защиты в Европе (НАТО - Общий рынок) и в Северной Америке (механизм американо-канадского военного сотрудничества - НАФТА).

Противниками подобной панкитайской интеграции по естественным причинам являются США и Япония, откровенно добивающиеся “открытой интеграции АТР”, например, в рамках АТЭС. И хотя на данный момент Пекин, заинтересованный в иностранных инвестициях и во внешнеторговых связях с теми же США и Японией, не возражает против “открытой интеграции”, то со временем, по мере складывания интеграционной зоны вокруг Китая, он вынужден будет предпринять меры по защите интеграционного комплекса с использованием военных инструментов политики. Именно на это и нацелена программа модернизации военного потенциала Китая, в которой упор делается на ядерно-стратегическое оружие и ВМС. В любом случае КНР превращается в полноправного участника геостратегической игры в XXI веке по масштабам, адекватным значимости США и Японии.

Иначе обстоит дело с Россией. Проблема в том, что она примыкает к ВА самой неразвитой частью своей территории. Ее нынешний экономический вес не идет ни в какое сравнение ни с одной из

стран ВА. Современное состояние этой “части” продолжает ухудшаться. Потенциальные возможности РДВ, о которых трубят на протяжении 100 лет, безусловно, существуют, но цена их реализации может превзойти цену самого “потенциала”46. Мечты евразийцев о “мосте” между Европой и Азией (Дальним Востоком) разбивают элементарные экономические расчеты, которые, например, показывают, что мост через “шелковый путь” или иные пути в обход России значительно экономичнее и, главное, надежнее.

Слабость нашей экономики на Дальнем Востоке и минимальная вовлеченность в торгово-экономические связи с Восточной Азией блокируют возможности для входа России в геостратегическое пространство этого региона. В какой-то степени это отразилось и на сокращении нашего военного присутствия здесь. Достаточно сказать, что оборонительная линия Тихоокеанского флота России сократилась до морских рубежей РДВ. Действительно, чего ради “вторгаться” в Восточную Азию, если наши национальные экономические интересы скукожились до формулы: лишь бы пережить зиму (например, в Приморье).

Парадокс заключается в том, что именно столь незавидная реальность делает Россию самым активным игроком в геостратегическом пространстве ВА в соответствие с логикой: сильные правят, слабые играют.

3. Социальное место. Несмотря на “коллапс” коммунизма в России, историческая борьба между социализмом и капитализмом продолжается, хотя и в иных, отличных от периода холодной войны формах. Безусловно, современный капитализм и социализм не похожи на свои классические варианты, однако их генетическая суть осталась неизменной: социализм - общество равенства и справедливости, капитализм в его глобальном измерении остается обществом эксплуататоров и эксплуатируемых.

Китайское государство, управляемое КПК, сохраняет и укрепляет свой вариант социализма с китайской спецификой (жесткая надстройка в сочетании с “мягким”, многоукладным базисом). Пекинские лидеры, внедрив в базис рынок как средство разгона экономики, осуществляют реформы не ради рынка, а ради ускоренного развития всего Китая. Они стремятся нейтрализовать побочные эф-

46 Не случайно ни Дания, ни Канада не растрачивают свои средства для освоения Гренландии или северных территорий Канады. Слишком не адекватна отдача.

фекты капитализма в базисе, жестко контролируя социальные сферы жизни китайского населения. Все это оказалось возможным благодаря идеологии марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна и теории Дэн Сяопина о социализме с китайской спецификой, как бы плакатно это не звучало.

С международной точки зрения социалистический образ Китая опровергает утверждение всех прокапиталистических идеологов (к примеру, Ф. Фукияма) о "конце истории", т.е. о поражении социалистических вариантов развития, и ставит под сомнение теорию глобального капитализма. Более того, именно социализм делает Китай стратегическим полюсом притяжения всех антиамериканских и антиимпериалистических сил, особенно в зоне Третьего мира, объективно превращая КНР в лидера антизападного фронта в предстоящих схватках с Первым миром.

Россия же за короткое время, растеряв свой социализм, превратилась в капиталистическое государство по структуре, напоминающей государственно-монополистический капитализм (ГМК) начала XX века. Подобный возврат оказал негативное влияние на престиж страны на мировой арене. Историческая ирония заключается в том, что реставрация капитализма ни только не привела к процветанию России, а самым неожиданным образом отбросила страну на десятки лет назад. Тем самым капиталистический опыт в России нанес удар по самому капитализму как системе. Россия убедительно продолжает демонстрировать, что капиталистический путь реформ не ведет к экономическому росту. По крайней мере, на российской почве он оборачивается обнищанием населения, экономическим спадом, потерей национального суверенитета, снижением статуса государства в мире.

Столь разительный контраст в результатах между социалистическим Китаем и капиталистической Россией оказывает самое глубокое воздействие на систему международных отношений уже сейчас, но особенно он скажется в XXI веке.

4. Цивилизационное место. В настоящее время существует 6-8 цивилизаций. Каждая уникальна и неповторима. Навязать цивилизацию в принципе невозможно, поскольку ее культурная надстройка вырастает из специфического геоклиматического базиса и исторического опыта. Среднестатистический русский никогда не будет похож на среднестатистического японца, китайца, индийца, араба

или европейца, поскольку обширная территория и суровый климат постоянно воспроизводят ген, соответствующий потребности для выживания именно в названных условиях. Также и историческая практика русских, вся история которых была историей войн, заложила в его гены элемент патриотизма, который слабо представлен в других цивилизациях. Эти гены настолько живучи, что они сохраняются продолжительное время (несколько поколений) даже в случаях, когда представители одной цивилизации проживают в среде другой цивилизации. Россиянин остается русским везде, точно также как и араб или японец. Поэтому объективное столкновение цивилизаций, о чем писали поначалу А. Тойнби, а в наше время С. Хантингтон, не мотивировано сутью самой цивилизации. Столкновение происходит только в случае попыток навязать одну цивилизацию другой, чем занимались в свое время европейцы, а в настоящем - американцы. И если в отношении китайской цивилизации, равно как и арабской, японской и даже латиноамериканской эти попытки оказываются безрезультатными, то в отношении России кое в чем американцы преуспели. Часть российского населения, особенно в столице, начала терять русский облик, пытаясь скопировать американский образ жизни и мысли. Сказывается это и на языке, культуре и поведении. И тем не менее, как бы искорежена ни была наша культура нынешними реформами, росляне еще сохраняют основы своей цивилизации.

Но наша цивилизация не будет оказывать какого-либо влияния в Восточной Азии, поскольку она является результатом иного геоклиматического и исторического пространства. Самое любопытное, что не представляет “угрозы” для стран ВА и японская цивилизация**.** Причина одна - ее невозможно адаптировать. Китайская цивилизация в этом смысле имеет значительно больше шансов на гегемонию не только в силу большого количества китайцев-хуацяо, проживающих в странах региона (около 25 млн человек), но и в силу ее более легкой усвояемости благодаря распространению конфуцианства.

Роль КНР и России в Восточной Азии

Поначалу два слова о теории многополярности, о которой часто говорят на официальном уровне и в Москве, и в Пекине. Хотя сама

теория появилась в середине 60-х годов, нынешняя ее популярность в двух столицах объясняется реакцией на раздражающую единоличную гегемонию США в мире.

Ослабленная Россия и еще не набравшая силу КНР заинтересованы в многополярном мире, в котором нет гегемона, а есть концерт равновеликих государств, определяющих справедливое мироустройство на базе равноправных и гармоничных отношений всех со всеми. Историческими корнями подобных идиллий является кантианская идея о всеобщем правовом гражданском обществе, перенесенном в систему международных отношений, пребывающем в состоянии мира между всеми государствами. Эти утопические мечты постоянно опровергает реальность, которая обнаруживает себя не через гармоничные законы Канта, а законы противоречий Гегеля, из которых вытекает также закон силы в системе международных отношений. В моей формулировке он звучит так: как только государство достигает уровня экономической мощи и военного потенциала, адекватного или близкого к мощи и потенциалу страны-гегемона, оно требует для себя нового статуса, означающего на деле очередной передел мира. При этом сам закон разворачивается в определенном замкнутом цикле изменения международных отношений, состоящем из трех взаимно переходящих друг в друга фаз: многополярность, биполярность и единоличная гегемония. И хотя все эти фазы динамичны, тем не менее, среди них наименее устойчивой, а значит и самой опасной, является многополярная система, а самой устойчивой - биполярная система[47].

Другими словами, в мире постоянно шла и идет борьба за гегемонию, что подтверждается всей мировой историей. У меня нет оснований предполагать, что XXI век окажется мудрее предыдущих веков.

В настоящее время США доминируют в любой сфере: в экономике, политике, военной области. Все разговоры о трех центрах в системе капитализма (США, Западная Европа и Япония) не представляются серьезными. Безусловно, структура международных отношений довольно сложна: она состоит и из противоречий в рамках тех же трех центров, есть противоречия между Севером и

47 Последний тезис подтверждается убедительной аргументацией А.Г. Яковлева в его обширной статье “Биполярность - главный параметр мирового сообщества и вчера, и сегодня, и завтра”. - В: Китай в мировой и региональной политике (История и современность). ИБ № 13. М.; ИДВ РАН, 1997.

Югом, существует сложный клубок отношений всех с Россией и КНР, есть Арабский Восток и т.д. Но, в конечном счете, если проанализировать ситуацию на генерированном уровне, мы вынуждены будем признать, что сейчас правят бал США. Но это не может длиться вечно не только из-за закона силы, действующего в системе международных отношений, но и весьма серьезных процессов в самих США. В этой связи достаточно указать, например, на два явления: ущерб ТНК, наносимый экономике самих США, и возможный распад Северной Америки из-за этнических противоречий между англо-говорящими и испано-говорящими американцами. В Канаде, например, аналогичный процесс связан со стремлением Квебека отделиться от "остальной Канады".

Но самое главное, с чем столкнутся США в следующем веке - это с вызовом, который исходит от Китая.

Как уже отмечалось выше, роль страны напрямую связана с той политикой, которую проводят государства на международной арене. Но она зависит также и от того, **какую** политику проводят другие государства, в первую очередь США и Япония.

Нынешнее состояние китайско-японских и китайско-американских отношений можно считать довольно приемлемыми для всех сторон. Однако сами же китайцы, их ученые и руководители неоднократно говорят и пишут о том, что есть страны, которые не изжили синдром холодной войны, претендует на гегемонию и т.д. Об этом, в частности говорилось и в докладе Цзян Цзэминя 15 съезду КПК в разделе внешней политики. Хотя он и не называл конкретно страны, но речь явно шла, прежде всего, о США. Другие, в частности китайские ученые, об этом пишут прямо, так сказать, называя имена. Для примера приведу выдержку из статьи Сюэ Хэминя и Вай Хайханя из журнала “Beijing Review”. Они пишут: "Стратегическим планом США является использование своей экономической и военной мощи плюс дипломатические усилия для предотвращения угроз своей национальной безопасности и экономическим интересам, а также усиление своего превосходства в мире. Исходя из этого, внешняя политика США становится все более и более агрессивной"[48]. И в качестве примера они указывают на расширения НАТО на Восток, чтобы, как они пишут "предотвратить воскрешение России и углубить контроль над центральной и восточной Европой" (там же).

48 Beijing Review, 30 June -6 July 1997. - Internet.

Безусловно, США от политики гегемонии не откажутся, и это ясно всем, кто знаком с их стратегическими доктринами национальной безопасности. А это означает, что Китай как глобальная держава XXI века постоянно будет сталкиваться с американцами на всех участках мировой политики, особенно остро в зоне Третьего мира, к которому КНР испытывает особую предрасположенность. На региональном уровне, т.е. в Восточной Азии, так или иначе, развернется борьба вокруг стран АСЕАН.

Я бы мог привести еще немало "горящих точек", вовлекающих Вашингтон и Пекин в стратегическое противоборство, однако здесь важно зафиксировать только одну идею - в стратегической перспективе у Китая появляются исторические шансы играть не только региональную роль ключевой державы в Восточной Азии, но и стать глобальной державой первой величины. Кстати сказать, это не столь утопичный прогноз, если иметь в виду подзабытый многими факт о том, что в 1750 г., если придерживаться современной терминологии, на страны Третьего мира (в то время это были в основном Китай и Индия) приходилось 73% промышленного производства, а на государства Западной Европы (около 20 стран без России и Восточной Европы) - чуть более 20%. В 1830 г. соотношение хотя и изменилось, но не столь значительно: 60 и 30%[49]. Так что можно понять озабоченность американцев наращиванием экономического и военного потенциала КНР, в котором они усматривает главную угрозу своему господству в мире.

Что же касается роли России в мире, в том числе и в Восточной Азии, то здесь мы сталкиваемся с очередным парадоксом. Она значительно превосходит объективное "место" нашей страны по любому из сфер его приложения. И дело не только в обладании ракетно-ядерным стратегическим потенциалом. Безусловно, это имеет определенное значение, но к нему можно добавить и геостратегическое расположение России, ее необъятные пространства и богатые природные ресурсы, а также накопленный за столетье авторитет великой державы, трижды менявшей структуру и систему международных отношений на планете. Со стороны большинства стран мира еще сохраняется инерционность восприятия России как глобальной державы, со стороны многих западных стран, особенно США, это восприятие поддерживается искусственно как важный элемент

49 The Economist (The Global Economy) October 1st 1994, p. 9.

большой политики (допуск в Парижский и Английский клубы, на встречи на высшем уровне "семерки", в АПЕК и т.д.). Ее суть - предотвратить провоцирование неконтролируемой реакции поверженного "медведя". Как бы то ни было, по своей роли Россия остается на правах великой державы, о чем постоянно мировой общественности напоминает президент России.

В реальности же внешнеполитическая роль постепенно снижается до уровня, соответствующего экономическому потенциалу нашей страны. В Восточной Азии это преломляется в следующем. Россию фактически выдавили из процесса обсуждения проблем безопасности на Корейском полуострове, т.е. из района, имеющего для нас стратегическое значение с точки зрения безопасности страны. Почти к нулю свелась наша роль в Индокитае - другом стратегическом районе ВА. Бывшие наши союзники - Вьетнам и Лаос - прекрасно обходятся и без нас. О России, правда, вспоминают в ЮВА в связи с продажей оружия Малайзии и, возможно, Индонезии. На самом деле это капля в море по сравнению с продажей оружия из США и стран Западной Европы. Знаковым является и то, что в концепциях стратегической безопасности США в Восточной Азии Россия перестала приниматься в расчет. Ее прочно заменил Китай. Иными словами, роль России в Восточной Азии оказывается еще менее зримой, чем даже "место", что ставит под сомнение способность России не только реализовывать национальные интересы страны в зоне Восточной Азии, но даже защитить их на Российском Дальнем Востоке.

В этой связи вызывает, мягко говоря, удивление оптимизм многих российских ученых-специалистов по "АТР" относительно будущей роли России в Восточной Азии или, на худой конец, в СВА. Примером подобного оптимизма может служить книга коллектива авторов из ИДВ РАН, правда, подкрепляемая массой рекомендаций из серии "если сделать то-то и то-то", тогда мы окажемся в мировом рынке и т.д.[50]. Я бы мог добавить еще целый набор рекомендаций, но вряд ли это изменит ситуацию. Для всех должно быть ясно, что ни одна из них не заработает до тех пор, пока осуществляется нынешняя стратегия реформ. Только изменив стратегический вектор нынешней внутренней и внешней политики можно рассчитывать на

50 См. Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы экономического сотрудничества. М.: Эдиториал, 1998.

выход из стратегического капкана, в котором оказалась Россия после 1985 г. При всем этом, вне зависимости от того, какие силы находятся в Кремле, должен быть разработан четкий план стратегического взаимодействия с КНР. Именно альянс с Китаем, а не с Японией или США, является пропуском для России в Восточную Азию. К этому вынуждают Россию интересы национальной безопасности не только на Востоке, но и на Западе, и на Юге.

XXI век - восстановление биполярности, или вызов Китая и ответ США

США - гегемон до середины XXI века

Известно, что Россия на официальном уровне отстаивает тезис о многополярности мира как более продуктивном и стабильном миропорядке. Известно также и то, что аналогичный тезис декларируется и официальным Пекином. Многие аналитики и политики справедливо усматривают в этом тезисе о многополярном мире идею антиамериканизма. Психологически это понять можно, поскольку России, в недавнем прошлом в качестве СССР, занимавшей статус сверхдержавы, весьма неуютно чувствовать себя на второстепенных ролях в мировой политике. Китай в силу объективных причин на данный момент также заинтересован в многополярности, поскольку пока он не обладает потенциалом для претензий на сверхдержавность.

Как идея - концепция многополярности, может быть, и не плоха. Но если исходить из реальности, то необходимо признать, что в нынешнем мире есть одна сверхдержава - США, и этот статус они сохранят до середины следующего века. Этот тезис можно было бы подтвердить рядом цифр из любой сферы международной политики. Но на этот тезис, если можно так выразиться, работает и Теория длинных циклов, разработанная рядом американских теоретиков, прежде всего Дж. Модельским и У. Томпсоном.

Я не собираюсь подробно останавливаться на данной теории[51]. Напомню только, что ее сторонники исходят из периодичный сме-

51 В краткой форме эта теория и ее критика (У. Гольдфранк) изложена в статьях: George Modelski. THE EVOLUTION OF GLOBAL POLITICS. - Journal of World-Systems Research, 1995, Volume 1, Number 7; Terry Boswell. Hegemony and Bifurcation Points in World History. - Journal of World-Systems Research, 1995, Volume 1,

ны исторического глобального процесса каждые 500 лет, в рамках которого столь же периодично меняются фазы политического цикла каждые 120 лет. Некоторые теоретики, как, например, Терри Босуэлл, добавляют к этим фазам еще волны Кондратьева (это 60 летние экономические циклы), чтобы учесть динамику изменения экономических процессов. На основе анализа всех этих фаз и циклов определяются и прогнозируются страны-гегемоны на тот или иной период.

В соответствии с Теорией длинных циклов с 1945 г. на статус политического лидера стали претендовать США, которым бросил вызов на соперничество Советский Союз. В силу множества причин (названные теоретики главным образом при этом указывают на "морскую державность" США) СССР проиграл борьбу за гегемонию. США выиграли. И в качестве единственного лидера или гегемона они доживут до середины следующего века. В соответствии с этой теорией в начале следующего XXI века появится новый субъект мировой политики, который начнет оспаривать гегемонию США. Если следовать логике данной теории, то новый центр силы должен заменить США к середине XXI века. Такая перспектива, видимо, не радует американских теоретиков, и они из этой ситуации выкручиваются любопытным способом. Они считают, что вместо нового гегемона появится нечто вроде мирового правительства, которое и будет решать всемирные проблемы на основе справедливости и т.д.

Хотя я лично не являюсь сторонником Теории длинных волн (на мой взгляд, в ней много заидеологизированных моментов с позиции англо-американского центризма), тем не менее, я согласен в главном: в мировой истории все время шла борьба за гегемонию. У меня нет оснований считать, что XXI век станет мудрее предыдущих веков, несмотря на всевозможные революции в области знаний. Эта борьба за гегемонию, на мой взгляд, будет продолжаться и в XXI веке.

Конечно же, функции американского лидерства, так или иначе, будут ограничиваться и объективно сужаться. Однако это не приведет к складыванию многополярной структуры в виде государствен-

---

Number 15; W. L. Goldfrank. BEYOND CYCLES OF HEGEMONY: ECONOMIC, SOCIAL, AND MILITARY FACTORS. - Journal of World-Systems Research. Volume 1, Number 8, 1995.

ных центров, скажем, США, Японии, Германии, КНР и России[52]. Причина простая: для того, чтобы занять место "полюса" или центра необходимо обладать потенциалом "сверхдержавы", т.е. таким экономическим потенциалом, военной силой и политическим влиянием, чтобы все названные составляющие одновременно ощущались международной средой в любой точке земного шара. Ни одно из перечисленных государств, за исключением США, таким набором "сверхдержавности" на данный момент не обладает. Потенциально же все названные качества могут приобрести только Россия и КНР. В силу множества причин наибольшие шансы стать такой "сверхдержавой" имеет именно Китай, географически расположенный в центре Восточной Азии.

Возвышение Китая

Известно, что китайские планы реформ распространяются до 2050 года, а начались они в начале 80 г., т.е. в какой-то степени цикл реформ соответствует волнам Кондратьева. После завершения этого цикла КНР станет, как минимум, второй экономической державой, а некоторые аналитики предполагают, что и первой, если исходить из абсолютных макропоказателей.

Что дает основание для подобных прогнозов?

Прежде всего, динамика экономического развития за последние 20 лет. А она такова[53].

Валовой внутренний продукт. ВВП КНР вырос с 362,41 млрд юаней в 1978 г. до 7 477,24 млрд юаней в 1997 г., т.е. более чем в 20 раз, а в постоянных ценах почти в пять раз. Переведенные по официальному обменному курсу в доллары ВВП КНР будет соответствовать 902 млрд долл., это - 7-е место в мире после США, Японии, Германии, Франции, Англии и Италии.

---

52 Надо иметь в виду, что встречаются взгляды (например, выраженные С. Роговым), в соответствие с которыми многополярность трактуется как региональноэкономические центры или экономико-интеграционные зоны. Это совершенно иной срез анализа, вскрывающий макроэкономические процессы в системе мировых хозяйственных связей. У нас же речь идет совсем о другом.

53 Нижеприведенные данные, за исключением специально оговоренных, почерпнуты из: Beijing Review, 1998, № 52, December 23-29.

Экономика в целом развивалась темпами 9,8% в год между 1979-1997 гг., что на 6,5% выше среднемировых темпов роста, на 7,3% выше темпов роста развитых государств и на 4,8% - развивающихся государств. Китайские темпы превосходили темпы развития экономики даже азиатских "тигров" как Сингапур, КР, Тайвань и Малайзия на 1,9-3,5%.

Некоторые виды промышленного производства. В 1978 г. и в 1997 г. Китай производил стали 32 и 109 млн т, угля - 618 и 1,370 млн т, цемента - 65 и 510 млн т., электроэнергии - 256 (7-е место в мире) и 1,100 млрд квт час (2-е место).

Внешняя торговля. Общий объем внешней торговли за период с 1978 по 1997 гг. вырос с 20,64 млрд долл. до 325,06 млрд долл., передвинув КНР по данному показателю с 27 на 10 место.

Резервы иностранной валюты. В 1978 г. Китай владел резервами в сумме 167 млн долл., в 1997 г. она скачкообразно выросла до 139,9 млрд долл. (второе место в мире). К этому надо добавить, что аналогичные резервы Гонконга составляют 92,8 млрд долл. (третье место в мире).

Привлечение иностранного капитала. Движение иностранного капитала стало ощущаться только со второй половины 80-х годов, и его общая сумма достигла 348,35 млрд долл. в 1997 г. (из них прямые инвестиции - около 220 млрд долл.). В 1998 г. правительство утвердило 20 тыс. проектов с участием иностранного капитала и подписало контрактов на сумму 52,2 млрд долл. Прямые инвестиции составляли 45,6 млрд долл.54. По данному показателю Китай занимает первое место среди развивающихся государств и второе - среди развитых (на первом стоят США). Надо при этом иметь в виду, что 70% всего иностранного капитала приходится на специальный административный район (САР) Гонконг и Тайвань.

Уровень жизни. Уровень потребления китайцев за последние 20 лет рос на 7,3% ежегодно. Тем не менее, ВВП на душу населения составил в 1997 г. 733 долл. Это значительно ниже уровня развитых и индустриализующихся государств.

Такова динамика экономического развития Китая. В результате, в настоящее время, на начало 1999 г., Китай занял по главному агрегативному показателю - ВВП - 7-е место в мире (для информации: Россия занимала 12-е место).

54 Beijing Review, № 15, Apr. 12-18, 1999.

Надо иметь в виду, что многие предпочитают использовать категорию РПС-PPP (реальная покупательная способность - purchasing-power parity). При таком варианте подсчета ВВП КНР сразу подскакивает почти до 3 трлн долл., и тогда Китай становится 2-й экономической державой мира с 1995 г. Один из авторов, со ссылкой на американские источники пишет, что "ВВП КНР в 1987 г. (?) составлял 97% от ВВП США…. Сейчас китайский ВВП вдвое больше американского"[55].

Чтобы больше не возвращаться к методике РПС, надо учитывать следующее. Во-первых, Мировой банк начал пользоваться этой методикой, главным образом, из-за КНР, чтобы "показать", что Китай не "развивающаяся страна", а вполне развитая, и потому ей не полагается соответствующих льгот при займах и прочих аналогичных вспомоществованиях. Во-вторых, и это более важно, РПС имеет значение с точки зрения внутриполитической стабильности, поскольку эта категория хорошо отражает уровень жизни в стране. Другими словами, эта категория является полезной для анализа других проблем. В международном плане имеет значение "номинальная масса", отражающая сравнительное место экономического потенциала страны.

Китай по данному индикатору занимает, повторяю, ныне 7-е место в мире. По прогнозам, сделанным, в том числе специалистом по сравнительной экономике Ангусом Мэддисоном, даже при снижении ежегодного темпа роста ВВП до 5,5%, ВВП КНР достигнет уровня ВВП США в 2015 г.[56]. Это означает, что если в начале реформ, с 1978 г., ВВП Китая составлял 5% от мирового ВВП, а в 1998 г. - 10%, то к 2015 г. он достигнет 17% мирового ВВП[57].

К ВВП КНР необходимо добавить и ВВП Гонконга, а также ВВП Макао, который в 1999 г. "соединится" с материком. Плюс совокупный экономический потенциал хуацяо в ЮВА, который, по разным подсчетам, составляет от 550 до 700 млрд долл. При таком добавлении, имея в виду при этом динамику их роста за последующие 15 лет, можно предположить, что общая совокупная китайская доля в

55 А.Н.Анисимов. PAX AMERICANA НЕ СОСТОИТСЯ. - Национальные интересы, 1998, № 1, с.42.

56 Colm Foy and Angus Maddison. China: a world economic leader? - Observer, #215, January 1999. - Internet. Подр. о прогнозах экономического развития КНР см. : Angus Maddison. Chinese Economic Performance in the Long Run. OECD, 1998.

57 The Economist, October 24th 1998, p. 23.

мировом ВВП будет равна порядка 22-25% (нынешняя доля США). Совершенно очевидно, что такая доля соответствует уровню сверхдержавы.

Наращивание экономической мощи КНР даже при указанном сокращении темпов экономического развития может превратить эту державу в ядро панкитайского анклава, интеграционно связанного на первых порах со всеми странами АСЕАН, где сильны позиции хуацяо. На следующем этапе существует большая вероятность интеграционной увязки этого анклава с экономиками двух Корей. А в дальней перспективе, не исключено, и с Японией.

Противниками подобной панкитайской интеграции по естественным причинам являются США и Япония, откровенно добивающиеся "открытой интеграции АТР", например, в рамках АТЭС[58]. И хотя на данный момент Пекин, заинтересованный в иностранных инвестициях и во внешнеторговых связях с теми же США и Японией, не возражает против "открытой интеграции", но со временем, по мере складывания интеграционной зоны вокруг Китая, он вынужден будет предпринять меры по защите интеграционного комплекса, в том числе и с использованием военных инструментов политики. И в этом вопросе не надо питать никаких иллюзий.

Надо просто учитывать некоторые законы международных отношений. Любой складывающийся интеграционный экономический комплекс порождает два взаимосвязанных явления: бурный экономический рост и стремление защитить экономические интересы военными средствами. Этот тезис наглядно подтверждается системами военной защиты в Европе (НАТО - Общий рынок) и в Северной Америке (механизм американо-канадского военного сотрудничества - НАФТА). Не является исключением и Китай. Совершенно естественно, что он будет наращивать свой военный потенциал в соответствии со своими военными программами и доктриной наци-

58 Некоторые считают, что именно в рамках АТЭС будет происходить экономическая интеграция. Я полагаю, что эта концепция в принципе не реализуема, точно так же, как и уже забытая концепция Тихоокеанского сообщества. Во-первых, уже само словосочетание "открытый регионализм" - этот нонсенс. Регионализм - не может быть открытым, иначе он не "регионализм". Во-вторых, невозможна подлинная экономическая интеграция стран, расположенных на таких удаленных друг от друга громадных расстояниях, разделенных к тому же водными пространствами. Если, конечно, не путать понятие экономической интеграции с понятием экономической глобализации (или интернационализации).

ональной безопасности[59]. Именно на это и нацелена программа модернизации военного потенциала КНР, в которой упор делается на ядерно-стратегическое оружие и ВМС[60]. Безусловно, темпы и масштабы военного строительства будут зависеть не только от внутренних ресурсов страны, но и общего контекста международной обстановки. Но как бы там ни было, военный потенциал КНР, по прогнозам тех же американцев, может оказаться сопоставимым с потенциалом США к середине XXI века[61].

В любом случае КНР превращается в полноправного участника геостратегической игры в XXI веке по масштабам, адекватным значимости США.

Хорошо это или плохо? Ответ на этот вопрос зависит от идеологической позиции ответчика. Российские демократы, уповающие на торжество капитализма в России и, следовательно, экономически, политически и идеологически ориентирующиеся на Запад, однозначно отвечают: плохо. Плохо, дескать, не только для мира, но и для России. Некоторые, как, например, А.Д. Богатуров, даже предлагают некие варианты "мягкого сдерживания" КНР при опоре "на поддержку США и их партнеров", поскольку Китай "потенциально остается источником самой серьезной геополитической опасности для России"[62].

Российские ученые левой ориентации, наоборот, в возвышении Китая видят возможность формирования антиамериканского фронта, исходя из стратегических противоречий между КНР и США. В таком ключе, например, пишет известный китаист А.Г. Яковлев[63].

---

59 Подр. см.: О. Арин. Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. М., 1997, с. 290-313; его же, Восходящий Китай: стратегия безопасности КНР и место России во внешней политике Пекина. - НГ-Сценарии, №2, февраль 1999, с. 15. Chinese Views of Future Warfare./ Collection by M.Pillsbury. Institute for National Strategic Studies, 1997. - Internet.

60 See: David Paul Benjamin. SEA POWER IN SOUTHEAST ASIA. USA, 1996.- Internet. Swaine Michail D. The Role of the Chinese Military in National Security Policy-making.Rand, 1998. - Internet.

61 Подр. см. Exploring U.S.Missile Defense. Requirements in 2010:What are the Policy and Technology Challanges? Wash.:IFPA, April 1997. - Internet.

62 А.Д. Богатуров. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). М., 1997, с. 294, 285.

63 А. Яковлев. Россия и Китай в строительстве нового мирового порядка. - ПДВ, 1998, №6.

У меня нет, однако, намерений, в данной статье анализировать различные подходы российских ученых. Это будет сделано в другом месте. Здесь же уместнее будет остановиться на реакции американцев, поскольку такой ход событий, прежде всего, затрагивает великодержавный статус именно США.

Реакция США на возвышение КНР

Среди американских ученых также нет однозначной позиции относительно будущей роли КНР на международной арене. Есть немало ученых, которые допускают вероятность превращения Китая в сверхдержаву. Не меньше и тех, кто скептически относится к возвышению "тигра". Аргументами у них являются фиксация множества проблем в КНР, которые, как они надеются, не позволят этой стране "дотянуть" до статуса сверхдержавы. В принципе и оптимисты, и пессимисты правы, каждый по-своему.

Действительно, если существующие в Китае проблемы примут характер острых противоречий, например, между городом и деревней, богатыми и бедными, центром и провинциями, а самое главное, между социалистической надстройкой и смешанным базисом, то может произойти резкая дестабилизация внутри страны, которая приведет ее к коллапсу, аналогично российскому. Если же китайское руководство сумеет разрешить существующие противоречия, тогда окажутся правы оптимисты поневоле ("поневоле" потому, что их также не радует вероятность возвышения КНР).

Но американские ученые и политики тем и отличаются, скажем, от российских ученых и политиков, что они просчитывают как "худшие" (возвышение Китая), так и "лучшие" (коллапс реформ) сценарии, так сказать, надеясь на "лучшее", но готовясь и к "худшему". Американцев отличает еще одна уникальная черта: они не полагаются на объективные законы и закономерности международных отношений (например, закономерность смены структур: гегемония - многополярность - биполярность). Они как истые мичуринцы "не ждут милостей от природы", а стремятся эту природу изменить в соответствие с собственными национальными интересами, не заботясь при этом об интересах других стран или народов.

Здесь я хочу сконцентрироваться на взглядах оптимистов, точнее, какие последствия они видят в возвышении КНР для интересов США, и какую политику в этой связи они должны проводить64.

В Докладе "Стратегические оценки", ежегодно публикуемом Университетом национальной обороны США65, сразу же утверждается, что КНР "стремится стать глобальной сверхдержавой" и распространить "свое влияние по всему земному шару". Подобные устремления Пекина являются вызовом для США и их союзников, поскольку в основе стратегии Китая лежит "национализм", к тому же, по мнению авторов, китайские лидеры играют в игру с "нулевой суммой" (т.е. выигрыш одного означает проигрыш другого).

Авторы выделяют три зоны непосредственного столкновения интересов между США и КНР. Первая связана с неизбежным устремлением КНР в районы Среднего и Ближнего Востока "за нефтью" вследствие скачкообразного роста энергопотребления экономикой Китая. Это приведет к конфронтации с уже обосновавшимися в этом районе США, Японией и другими индустриальными державами. К этому прогнозу можно добавить еще одну зону потенциальных противоречий между КНР и Западом из-за той же самой нефти и газа. Это - район Прикаспия и Средней Азии.

Следующую зону конфликта, по мнению авторов, формирует политика "многополярности", которую осуществляет Пекин. Ее суть заключается в стимулировании появления новых центров политики и усиления старых центров, что вкупе как бы снижает сверхдержавное значение американского центра. Ее проявлением являются попытки "дискредитировать" систему американо-японской безопасности, ослабить военные связи США со странами АСЕАН, укрепить "стратегическое партнерство" с Россией и странами Центральной Азии, усилить экономическое отношения с Европой, Ближним Востоком, особенно с Ираном, и Африкой.

Наконец, третьей, очевидной зоной столкновения является Тайваньская проблема.

Авторы оценок, признавая большие возможности Китая в деле экономического развития, вместе с тем не видят оснований для беспокойства по этому поводу вследствие скромного военно-стратегического потенциала КНР, возможности которого каче-

64 Официальная позиция Вашингтона относительно роли Китая в стратегии США изложена мной в четвертой части данной работы.
65 Strategic Assesment, 1997. Wash.:NDU, 1997. - Internet.

ственно не изменятся и к 2010 г. (В скобках следует напомнить, что по военно-стратегическому потенциалу КНР занимает 3-е место в мире после США и РФ). Отсюда делается вывод о том, что между КНР и США вряд ли произойдет военный конфликт до 2006 г. и даже до 2016 г. Однако за пределами этого периода уже однозначной ясности нет, поэтому "необходимо сделать все возможное, чтобы отвратить Китай от военно-стратегического соперничества с США". Это возможно на путях вовлечения КНР в диалоги по всему спектру международных проблем, как на двусторонней, так и многосторонней основе. То есть предлагается та же политика "вовлечения", которую и осуществляет нынешняя администрация Клинтона.

Под эгидой Университета национальной обороны существует Институт исследования национальной стратегии, публикации которого утверждаются президентом Университета (в настоящее время им является генерал-лейтенант Эрвин Дж Рокки /Ervin J. Rokke/). Оба этих учреждения тесно связаны с Пентагоном и другими внешнеполитическими ведомствами США. Поэтому сотрудники Университета и Института (зачастую это одни и те же люди) могут оказывать непосредственное влияние на действующих политиков и военных.

В 1998 г. Институт опубликовал книгу, в которой собраны выступления на одной из конференций, специально посвященной Китаю66. Участниками этой конференции был весь цвет американской китаистики, имена которых знает (или, по крайней мере, должен знать) китаевед любой страны (Н. Ларди, К. Нилер, Дж. Лилли, Р. Соломон, Р. Фишер, П. Годвин, М. Пилсбери, М. Нахт, Т. Робинсон и др.).

Все они убеждены в неизбежном усилении Китая, что, по их мнению, может оказать негативное воздействие на "национальную безопасность" США. Этот тезис обосновывается серией аргументов, в частности, бывшим послом США в Пекине Дж. Лилли. Ход его рассуждений следующий.

Он полагает, что, несмотря на официальную риторику Пекина ("не претендовать на гегемонию", "выступать против политики силы", "не вмешиваться во внутренние дела других стран"), в реальности Китай вовлечен в глобальную шахматную игру от Персидского залива до Корейского полуострова. Следовательно, китайская

66 Strategic Trends in China. Ed. by Hans Binnendijk and Ronald N.Montaperto.NDY/INSS, 1998. - Internet.

"зона активной обороны" затрагивает интересы США, что делает столкновение между державами неизбежным. Сама концепция "активной обороны" в изложении китайского генерала Ли Дзидзюня (Li Jijun) перед слушателями Национального военного колледжа США в изложении Лилли означает следующее: "<Активная оборона> включает стратегию ограниченной, высокотехничной войны со слабыми соседями на китайской периферии, особенно на прибрежной периферии. Интегральной частью этой стратегии является установление оборонной зоны вокруг центра (сердца) Китая, цепи островов и периметра, пролегающего от островов Спратли, через Тайвань и острова Сэнкаку и заканчивающийся на севере Кореи. Внутри этой "зоны активной обороны" Китай планирует стать доминирующей державой". Последнее, думаю, Лилли прибавил сам.

Со ссылкой на М. Пилсбери Лилли подчеркивает, что реализация китайской стратегии вполне может предусматривать атаки на американские спутники, платформы для "Стелс" и на авианосцы. Такая стратегия означает кардинальное изменение в китайской истории и стратегической мысли, означающие переключение внимания с материкового врага (имеется в виду враги с Севера) на морских врагов (намек на морскую державу, т.е. США).

В этой связи Лилли предлагает видоизменить официальную политику "вовлеченности" Китая на политику "балансирования между вовлеченностью и сдерживанием". (Кардинальное видоизменение в преддверии возвышения КНР). Последнее предполагает наращивание военных сил США в регионе ВА, включая размещение систем ПРО, против чего выступает Пекин. Самое же примечательное в следующем абзаце. "Соединенные Штаты должны сделать все, чтобы стимулировать перефокусировку внимания Китая с морей на внутренние районы Азии (азиатский хартланд). Если политика США окажется успешной и Китай снизит уровень своих ожиданий, связанных с морской стратегией, это восстановит традиционные источники богатства и угроз во внутренней Азии".

Если отбросить словесную эквилибристику, присущую американскому дипломату, то окажется, что он всего-навсего советует Вашингтону заставить Китай направить острие своей обороны против России, т.к. никакого достойного стратегического соперника у Китая на севере Азии, кроме России, нет. Тем самым, восстанавливается "историческая", а значит и традиционная вражду двух стран.

Обращает внимание, сколь похожи эти рассуждения на "умозаключения" А.Д. Богатурова.

Российская тема в контексте отношения США с КНР углублена другим участником диспута - Шерманом Гарнетом (Фонд Карнеги). В его выступлении также можно найти немало оригинальных суждений. Так, Гарнет крайне скептически относится к возможности формирования китайско-русского стратегического альянса в будущем, что, естественно, не исключает наличия взаимных интересов между странами. Интерес России к КНР, по его мнению, вызван не антинатовскими или антизападными настроениями, а опять же исторической традицией, военными перипетиями, а главное, нынешней слабостью России в Азии. Пекин же исходит из чисто прагматических интересов, закрученных на трех темах: решение территориальных проблем, подключение к российским энергоресурсам и к возможностям импортировать оружие.

Территориальные проблемы практически решены, остаются последние две темы. Что касается энергоресурсов, то сотрудничество в этой области не может оторвать Россию и КНР от Запада по той простой причине, что реализация всех этих газонефтяных проектов не возможна без капиталов и технологий США и Японии, а также других развитых государств. Некоторый эффект на скрепление "стратегического партнерства" могут оказать продолжающиеся поставки вооружений Китаю. В целом же это партнерство будет иметь двусмысленный характер, поскольку сохраняется тенденция ослабления мощи России при усилении мощи Китая. То есть Россия может занимать только роль "младшего партнера" в данной связке, на что Москва даже по психологическим мотивами согласиться не сможет. Кстати, другой ученый, Т. Робинсон, обращает внимание на то, что Россия впервые за 150 лет оказалась слабее Китая. Он, естественно, имеет в виду, экономические потенциалы двух государств.

Слабость "стратегического партнерства" Гарнет видит и в том, что Россия фактически не в состоянии выполнить ни одного взятого на себя обязательства ни по одной из проблем, которые затрагивают стратегические интересы сторон. А посему, делает вывод американский ученый, российско-китайские отношения "не должны особо беспокоить Соединенные Штаты, т.к. Россия продолжает оставаться державой, сила которой в Азии продолжает уменьшаться".

Иного взгляда придерживается уже упоминавшийся Т. Робинсон. Он как раз с озабоченностью констатирует факт снижения внимания к связке "Россия-Китай" у политиков и даже у научной элиты США. Он согласен, что в краткосрочной перспективе действительно эти отношения существенно не повлияют на характер политики КНР и США. Однако в долгосрочной перспективе вследствие неизбежных изменений внутри России и Китая эта связка может кардинально видоизменить глобальную конфигурацию в системе международных отношений.

Тем не менее, в общих рекомендациях этого сборника подчеркивается: в настоящее время "китайско-российское стратегическое партнерство в 21 веке" не угрожает интересам США. "Эти связи носят тактический, а не стратегический характер". "Однако они могут усложнить отношения Вашингтона с обеими странами и представлять угрозу интересам США, если не осуществлять правильную дипломатию".

Заслуживает внимания анализ роли КНР в мире учеными из "Рэнд Корпорэйшн", мнения которых высоко оценивается как политиками-практиками, так и американской научной элитой (достаточно напомнить имя Фрэнсиса Фукуямы). В одной из работ этого Фонда описаны сценарии мировых конфликтов в XXI веке, одним из инициаторов которых может стать "шовинистический Китай"[67]. Авторы главы о Китае[68] утверждают, что тайваньская проблема может привести к "конфронтации и даже к военному конфликту с США и, возможно, с Японией" (р.75). К такому выводу их подталкивает китайская военная доктрина, включающая в себя концепции "локальных или ограниченных войн на основе высоких технологий" и "активной периферийной обороны" (р. 81). Хотя в ближайшей и среднесрочной перспективе (5-10 лет) военный потенциал Китая, несмотря на его модернизацию, не изменит стратегический баланс сил в СВА, в будущем ситуация может измениться в пользу КНР (р. 82). Спровоцировать конфликт могут и тайваньские лидеры, если вздумают провозгласить курс на "тайванизацию" (т.е. независимость Тайваня как суверенного государства). В таком случае "Пе-

67 Sources of Conflict in the 21st Century. Regional Futures and U.S.Strategy. Ed. by Zalmay Khalilsad and Ian O. Lesser. Rand, 1998.

68 В этой главе фактически излагаются взгляды Майкла Свэйна из его последней работы. См.: Swaine Michail D. The Role of the Chinese Military in National Security Policymaking.Rand, 1998.

кин неизбежно использует военную силу против Тайваня" (p. 85). Аналогичную провокаторскую роль могут сыграть и США, если они вернуться к политике "двух Китаев", увеличат поставки наступательного и оборонительного оружия, включая систему ПРО (p. 87). Короче говоря, в кратковременной перспективе (2000 - 2005 гг.) авторы ожидают обострение кризиса вокруг Тайваня.

В среднесрочной перспективе (2006 - 2015 гг.) допускается возникновение конфликтной ситуации между Россией и КНР вследствие миграции китайцев в районы Российского Дальнего Востока и Сибири (p. 91-92).

В долгосрочной перспективе (2016 - 2025 гг.) ожидаются конфликты из-за островов Спратли и трения вокруг Малаккского пролива.

Из всех трех сценариев наиболее опасным для США является первый, поскольку только он вовлекает Вашингтон в непосредственную военную конфронтацию с Пекином. Вывод авторов не трудно предугадать: надо вовлечь Китай в орбиту американской стратегии, заставив тем самым Пекин "играть по нашим правилам".

Ученых из Фонда наследия, крайне идеологизированных на консервативной почве, отличает прямота и однозначность. Такая позиция ни в коем случае не принижает их научных качеств. Все они профессионалы высшей пробы, каждый в своей области. Обычно Фонд публикует свои рекомендации в виде сборников каждый год под различными названиями. Эти сборники предназначены для действующих политиков высокого ранга вплоть до президента. Один из последних сборников специально посвящен Китаю[69].

Прежде всего, они исходят из базисного тезиса: "Поскольку мощь Китая усиливается, то по всей вероятности приоритеты Пекина приведут к конфронтации с Соединенными Штатами". Из этой посылки должна выстраиваться стратегия США в отношении КНР. Она состоит из ряда блоков, содержащих подробные рекомендации для политиков.

В блоке экономики главным требованием является интегрирование Китая в глобальную экономику. Это означает предоставление КНР членства в ВТО; аннулирование поправки Джексона-Веника в обмен на уступки со стороны Пекина (имеется в виду уступки в области прав человека).

---

69 Between Diplomacy and Deterrence. Strategies for U.S. Relations with China. Ed.by Kim R. Holmes & James J. Przystup. HF, 1997. - Internet.

Военный блок: категорически рекомендуется предотвратить нарушение нынешнего баланса сил в Азии в пользу Китая. В то же время выдвигается требование о взаимовыгодном сотрудничестве между Пентагоном и НОАК. Последнее расшифровывается как необходимость со стороны Пекина сделать доступным и открытым информацию о вооруженных силах и военных доктринах КНР. Иначе, сотрудничество между военными ведомствами должно быть сокращено. Один пункт данного блока гласит: "Предупредить Россию, Израиль и Европу об опасности вооружения Китая". Другими словами, чтобы названные государства прекратили продажу оружия КНР.

Между прочим, в другом документе Фонда - Проблемы 1998 г.[70], в аналогичном блоке утверждается необходимость "поддерживать превосходство ВВС США в Азии и дислоцировать там F-22" (p. 418).

В блоках по правам человека и внутренней политике Китая рекомендуется оказывать воздействие на Пекин в целях масштабного реформирования политической системы страны и стимулирования рыночной экономики. В Проблемах 1998 г. правительству США прямо указывается: "Содействуй экспансии частного сектора в Китае как средству уменьшения правительственного контроля" (p. 421).

Авторы Проблем 1998 г. подготовили на всякий случай ответ и на такой вопрос: является ли Китай врагом или угрозой Соединенным Штатам? Ответ: "Китай не является врагом Соединенных Штатов в том смысле, каковым был Советский Союз. …Однако действия Пекина могут угрожать интересам США, даже если Китай и не будет восприниматься как враг. Само собой разумеется, что Соединенные Штаты сохраняют военное превосходство в Азии, чтобы предотвратить агрессию и разместить систему ПРО в целях защиты Америки и ее союзников против увеличивающейся угрозы ракетных атак. Соединенные Штаты должны остановить передачу Китаем технологии и оружия, т.к. они несут опасность интересам США в регионах типа Ближнего Востока. Если Китай станет экспансионистским, США обязаны будут сдержать его; но до этого они должны отвратить Китай от такого пути" (p. 421-422).

---

70 Issues'98. The Candidate's Briefing Book. Ed. by Stuart M. Buttler and Kim R. Holmes. The Heritage Foundation. Wash., D.C., 1998.

В целом же сотрудники Фонда наследия, как и ученые Университета национальной обороны, требуют от нынешней администрации отказа от политики "вовлеченности", тем более "мягкой вовлеченности", предлагая взамен принять на вооружение концепцию "вовлеченности и сдерживания", которая, на их взгляд, сможет более эффективно нейтрализовать негативные аспекты возвышения КНР на мировой арене.

Из всего сказанного следует, во-первых, что США допускают вероятность превращения КНР в сверхдержаву. Во-вторых, такой статус Китая несет угрозу безопасности США не только в районе Восточной Азии, но и на других участках мировой политики, например, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. В-третьих, нынешняя официальная политика "вовлеченности" Китая в мировую стратегию США должна быть дополнена политикой "сдерживания", прежде всего в вопросах военной безопасности. В-четвертых, США должны более энергично вторгаться во внутренние аспекты политики Китая с целью изменить социалистический характер общества в пользу рынка и демократии, т.е. в пользу капитализма. (Эта тема здесь затронута вскользь, но американцы ей придают ничуть не меньшее значение, чем внешнеполитическим аспектам китайской политики).

Суммируя, можно сказать, что США всеми имеющимися у них средствами будут стремиться тормозить процесс превращения Китая в сверхдержаву, иначе говоря, в самостоятельный центр мировой политики глобального масштаба с тем, чтобы сохранить за собой статус единоличного лидера-гегемона.

Под силу ли американцам такая задача, покажет будущее. По крайней мере, большинство ученых остерегаются отвечать на этот вопрос, ссылаясь на массу переменных в этом большом прогностическом уравнении. Я же рискну это сделать, опираясь на некоторые закономерности международных отношений, в которые я, в отличие от американцев, верю, поскольку некоторые из них сам же и формулирую.

Что век грядущий нам готовит?

Для начала просто напомню, что Китай уже был сверхдержавой. Я имею в виду подзабытый многими факт о том, что в 1750 г., если придерживаться современной терминологии, на страны Третьего

мира (в то время это были в основном Китай и Индия) приходилось 73% промышленного производства, а на государства Западной Европы (около 20 стран без России и Восточной Европы) - чуть более 20%. В 1830 г. соотношение хотя и изменилось, но не столь значительно: 60 и 30%[71].

Несмотря на подобную сверхдержавность, Китай не представлял угроз ни для одного государства мира, т.е. Китай не проводил гегемонистской политики. После колонизации Китая руководители страны в основном отбивались от великих держав, упорно борясь за независимость своей страны. В конце концов, китайским коммунистам это удалось в 1949 г. Те военные конфликты, в которые был вовлечен Китай в конце 60-х и в конце 70-х годов, носили пограничнo локальный характер и не имели в своей основе стратегической направленности. Был момент, когда маодзэдуновский Китай пытался распространить в мире идеологию маоизма, однако эта политика практически была прекращена при самом Мао Дзэдуне.

В нынешних же доктринах национальных интересов и безопасности Китая, сформулированных под воздействием взглядов Дэн Сяопина, отсутствуют как претензии на мировую гегемонию в геостратегическом плане, так и намерения распространять опыт Китая или "китайские ценности" по всему миру. КНР, в отличие, скажем, от тех же США, не стремится расширить свое "жизненное пространство" (lebensraum) ни в экономическом, ни в военно-политическом смыслах. Все спорные проблемы, включая территориальные, Китай предлагает решать за столом переговоров, а не с помощью военной силы. Примером таких успешных переговоров служат, кстати, и договоренности по границам с Россией. Все это естественно, поскольку главной стратегической задачей КНР вплоть до середины следующего века является экономическое развитие страны и доведение жизненного уровня своих граждан до среднемировых показателей.

Все это означает, что понятия "сверхдержавности" и "гегемонии" не обязательно должны совпадать, они не являются синонимами. Таковыми они предстают только в капиталистической системе координат, поскольку эта система по своей природе построена на праве сильного. Нынешняя агрессивная политика США - это не прихоть Клинтона или других лидеров стран НАТО, бомбардирующих беззащитную Югославию. Это закономерное проявление сути капи-

71 The Economist (The Global Economy) October 1st 1994, p. 9.

тализма, который готов уничтожить любого противника, выступающего против его сторонников.

Американцев не устраивает сверхдержавность КНР и по другой причине. Она простая. Китай, несмотря на капитализацию своей экономики, все-таки является социалистическим государством. И если это государство станет таким же сильным как Америка, это опровергнет идеологические установки всего капиталистического мира. Опровергнет их аксиому, что, дескать, только капитализм, только "демократические ценности" являются основой для успешного развития. Пример поражения социализма в СССР явно померкнет на фоне успехов экономического развития в КНР. И этот момент беспокоит Запад, прежде всего США, в значительно большей степени, чем военные программы Пекина. Именно поэтому американские ученые требуют от Вашингтона активнее вмешиваться во внутренние дела Китая с тем, чтобы подтолкнуть его руководство к "демократическим" преобразованиям на западный манер.

Если допустить, что Пекин пойдет у них на поводу, то можно ожидать два исхода. Один - успех капитализации=демократизации надстройки**.** Тогда "сверхдержавность" Китая не так будет страшна, поскольку можно будет утверждать, что она стала-де возможной, благодаря усвоению китайским обществом западных ценностей в надстройке и в базисе. Второй исход, вероятный на 100%, - разрушение Китая. За аналогией ходить далеко не надо. Россия перед глазами. Это самый желательный вариант для США и всего Запада. В этом случае их теоретики будут говорить и писать о том, что дело не в "ценностях", а в том, что китайские руководители слишком осторожно внедряли эти ценности в китайское общество. Короче, приведут весь набор аргументов, которыми они объясняют неудачи капиталистических реформ в России.

Китайское руководство прекрасно отдает себе отчет в пагубности "западных ценностей" для своей страны. Отсюда весьма жесткое противодействие собственным прокапиталистическим диссидентам. Отсюда же жесткая реакция на давление со стороны любителей "прав человека" в США.

Подчеркиваю еще раз. Успех социалистического Китая в деле превращения в сверхдержаву явится самым больным ударом по капиталистическому Западу.

Теперь о теории многополярности. Официальный Пекин стремится к многополярности, обозначая нынешнюю систему междуна-

родных отношений как доминирование "одной сверхдержавы с множеством других сил"[72]. В своей практической политике, и в этом американцы правы, Китай стремится по возможности утвердить или усилить различные полюса или потенциальные центры силы. В Пекине, видимо, убеждены, что многополярная система, с одной стороны, умаляет значение глобального гегемона, т.е. США, с другой - создает благоприятную международную обстановку, в которой царит мир и справедливость.

В таком подходе кроется, на мой взгляд, стратегическая ошибка. История международных отношений свидетельствует о том, что многополярность является самой неустойчивой системой, в рамках которой происходит больше всего войн и конфликтов. Этот тезис можно было бы подтвердить историей Европы на протяжении десятка веков. На этот тезис работает и история конца XIX - начала XX века. В этот период, пока центры империалистической силы (Англия, Франция, Германия, США и Россия) бились за колонии за пределами своих государств, они находили точки соприкосновения для сотрудничества в самой Европе. Но как только периферия была поделена на сферы влияния, все их внимание сконцентрировалось на Европе, в которой сохранялись недоделенные зоны влияния (проливы, Балканы, Саарская область, части Польши и Украины и т.д.). Вся система многополярности начала рушиться в пользу блоковости в преддверии грандиозной схватки.

Теоретически многополярная система может быть устойчивой при равных силовых возможностях центров. Но, в соответствии с законом неравномерного развития государств, практически такого идеального состояния быть не может. Обязательно кто-то вырывается вперед. И тут начинает работать закон силы, который гласит: **как только государство достигает уровня экономической мощи и военного потенциала, адекватного мощи и потенциалу ведущих государств мира, оно требует для себя нового статуса, означающего на деле соответствующей доли сфер мирового влияния**. Поскольку старые великие державы обычно противятся подобным требованиям, то приобретение такой сферы влияния обычно возможно только путем разрушения старой структуры взаимоотношений, включая и соответствующую ей систему безопасности.

---

72 См. Beijing Review, № 9-10, March 1-14, 1999. - Internet.

Необходимо подчеркнуть, что этот закон работает в системе капитализма. Он прерывает свое действие в системе мирового социализма. Но поскольку до мирового социализма нам пока далеко, то под его действие попадают и социалистические государства, хотя, как говорится, не по своей воле.

Теперь вернемся к Китаю. Хотят того в Пекине, или не хотят, но Китай в перспективе обречен на конфронтацию с США. И к этому его будут толкать сами американцы, зачастую и не желая этого.

Нынешняя Америка, упоенная своим могуществом, не раздумывая идет на любые акции давления даже с применением военной силы в отношении любой страны, которая, по мнению Вашингтона, ущемляет национальную безопасность США. При этом надо иметь в виду, что зона национальной безопасности этой державы распространяется на весь земной шар. Подобными акциями Вашингтон сам взращивает антиамериканские настроения по всему миру, стимулируя тем самым формирование антиамериканского блока. В силу закона неравномерного развития государств Китай становится лидером этого блока. Очевидно, что к нему присоединятся не только страны Третьего мира и некоторые страны Ближнего Востока и Южной Азии, но и страны, обиженные США, или по иным соображениям, например, геостратегического характера.

Так или иначе, но этот антиамериканский блок, который, скорее всего, начнет формироваться во второй четверти следующего века, превзойдет по совокупному экономическому потенциалу западный блок, возглавляемый США. В военном же отношении он достигнет стратегического паритета. В результате к середине XXI века восстановится системная биполярность.

Конфронтация между блоками не обязательно должна вести к военному столкновению (т.е. к мировой войне), хотя локальные войны не исключены. Конфронтация, скорее всего, будет происходить на экономических и политических фронтах, и выиграет ее тот блок, экономика которой окажется исторически перспективной.

Другими словами, структура системы международных отношений будет меняться от нынешней одноплюсности через кратковременную многополярность к системной и довольно длительной биполярности. Я сознательно не обозначаю временные рамки структурных фаз, поскольку они могут существенно поменяться в результате смены нынешней общественно-политической системы в России.

Общий вывод: Китай, вне зависимости от его нынешних отношений с Западом, в том числе и с США, обречен возглавить антиамериканский фронт не только в результате превращения в сверхдержаву, но в немалой степени и "благодаря" тем же американцам.

Япония: комплексные экономические мероприятия

21 сентября 1998 г. МВФ объявил, что главная опасность для мировой экономики заключается в том, что Япония "может не справиться с финансовыми проблемами." Подобная озабоченность вызвана весьма серьезной ситуацией, возникшей в японской экономике, прежде всего в ее финансовом секторе. По данным английского журнала "Экономист", плохие долги японских банков составляют ориентировочно 30% ВВП Японии, резко сократился японский экспорт на восточно-азиатских рынках (на 45%), безработица подскочила до уровня выше 4% (а если придерживаться американо-европейских стандартов подсчета безработицы, то этот уровень будет соответствовать 8-10%), а ВВП в 1998 г. понизится на 2%[73].

Анализ причин подобной ситуации широко представлен во множествах публикаций, причем наиболее спокойная тональность характерна, как ни странно, японским авторам[74].

Япония в отличие от США не рассматривает свои экономические проблемы через призму концепций экономической безопасности. Это означает, что в Токио причины экономических неурядиц усматривают не в происках внешних врагов, а просчетах и ошибках самой Японии, т.е. собственного правительства и руководителей банков и компаний.

И все же, процесс выхода из критической ситуации на этот раз имеет два специфических момента, которые раньше не наблюдались в практике страны.

Раньше поисками мер по выходу из критических ситуаций обычно занималось правительство в сотрудничестве с основными экономическими организациями типа Кэйданрэн. На этот раз активное участие в решении проблем принимает, во-первых, правящая партия - ЛДП, предлагающая свой вариант выхода из финансового кризиса, во-вторых, и это впервые в истории Японии, все оп-

73 The Economist 26 Sept. - 2 Oct. 1998. - Internet

74 Для примера см.: Акио Кавато. Горе от переизбытка или застой по-японски. Национальная служба новостей. 21 августа 1998 г.

позиционные партии, включая КПЯ, объединились вокруг лидера ДПЯ (Демократическая партия Японии) Наото Кана и совместно выступили со своими рекомендациями в парламенте.

Второй момент, также необычный для Японии, связан с тем, что впервые в предложенном ЛДП "Комплексном плане финансового оздоровления" зафиксирован пункт, гласящий: "В процессе решения проблем обанкротившихся банков необходимо сделать так, чтобы менеджеры не брались на поруки, а уходили в отставку, а их деятельность стала бы предметом расследования в соответствии с гражданским и уголовным кодексом, а акционерам были возмещены потери"[75].

Очевидно, что подобная практика крайне необходима для России, в которой виновники финансового кризиса не только не понесли никакого наказания, но даже и не выявлены.

Со второй половины 1997 г. и в первой половине 1998 г. японским правительством был принят ряд программ, среди которых уместно упомянуть "Big Bang" - программа реконструкции финансовой системы Японии, а также более общую программу под названием "Комплексные экономические мероприятия", утвержденную 24 апреля 1998 г. На последней есть смысл остановиться чуть подробнее.

Ее общая цель выражается в трех задачах, призванных вернуть японскую экономику на путь скорого восстановления и создание здорового экономического общества с высоким потенциалом в 21 веке. Это потребует:

1) Реализацию решительных мер, направленных на повышение внутреннего спроса благодаря инвестициям в социальную инфраструктуру и сокращению налогов.

2) Решительных действий в сфере реформ по экономической структуре. Вышеупомянутые меры по расширению внутреннего спроса должны состоять из долгосрочных структурных реформ в целях улучшения базовых условий японской экономики. Экономические меры должны включить регулятивные реформы, чтобы усилить активность частного сектора и увеличить инвестиции на социальную инфраструктуру, которые являются обязательными в 21 столетии.

3) Решение проблем плохих займов, которые препятствуют эко-

75 Comprehensive Plan for Financial Revitalization (Second Report), July 2, 1998. - Internet

номическому восстановлению.

Основываясь на вышеупомянутой концепции, правительство осуществит следующие комплексные экономические мероприятия. Принимая во внимание размеры финансового бремени экономических мероприятий, налоговых сокращений и инвестиций в социальную инфраструктуру центральными и местными органами власти, предполагается потратить в целом около 12 трлн иен, в то время как сумма всех проектных расходов будет более 16 трлн иен, самая большая в истории. Закон о финансовой реконструкции будет пересмотрен решениями Конференции по финансово-структурной реформе. В несколько более развернутом виде программа Комплексных экономических мероприятий представлена Министерством иностранных дел Японии через Интернет следующим образом (ниже - перевод с английского):

I. Основная цель

Диагноз: Японская экономика стагнирует и этот процесс становится все более серьезным из-за последствий коллапса мыльной экономики и неблагоприятных условий как дома, так и за рубежом.

⇩

Чтобы приостановить этот процесс,
необходимо затратить в целом более 16 трлн иен (124 млрд долл., 3,2% ВВП),
а финансовые расходы должны составить около 12 трлн иен (93 млрд долл., 2,4% ВВП

Эти меры должны:

- стимулировать внутренний спрос и реформы по структуре экономики;

- внести вклад в оздоровление и стабилизацию экономики Восточной Азии с помощью оздоровления японской экономики.

II. Повышение качества социальной инфраструктуры и сокращение налогов (12 трлн иен)

(1)

Улучшение социальной инфраструктуры действительно необходимые в 21 веке:	7,трлн иен ($61 млрд)
С упором на:	
охрану окружающей среды	1,6 трлн иен ($12,4 млрд)
информацию, телекоммуникацию, науку и технологию	1,0 млрд иен $7,8 млрд)
социальное обеспечение, медицину и образование	1,0 трлн иен ($7,8 млрд)
крупномасштабное сокращение налогов, чтобы создать эффективный спрос немедленно:	Более 4 трлн иен ($31 млрд)
временное сокращение налогов (индивидуальный подоходный налог и налог на жилье)	4 трлн иен ($млрд)
Политически ориентированное сокращение налогов (налоговые кредиты на инвестиции и строительство жилья)	Около 300 млн иен ($2,3 млрд)
денежные пособия	300 млрд иен ($2,млрд)

⇩

Экономический эффект от бюджетных вливаний - 2% номинального ВВП

(2) Для того, чтобы внедрить эти фискальные мероприятия, необходимо внести дополнения в Закон о фискальной структурной реформе.

(3) Пересмотреть налоги на корпорации и подоходные налоги:

Налоги на корпорации:

- налоги на корпорации должны быть установлены как можно быстрее в течение трех лет на уровне других стран.

Подоходные налоги и налоги на жилище:

- должен начаться комплексный пересмотр этих налогов.

(4) Другие мероприятия

Запланировать расширение общественных работ в 1998 ф. г.:

- более 81% общественных работ должно быть запланировано в первой половине финансового года (наибольший уровень за всю историю).

Использовать Частную финансовую инициативу (PFI) для стимуляции частного сектора в развитии инфраструктуры.

III. Содействие экономической структурной реформе

(1) Содействие экономической структурной реформе начать с дерегулирования: - определить сроки внедрения дерегулирования;

- культивировать деятельность капитала-рисковых предприятий;

- поддерживать мелкий и средний бизнес;

- гарантировать стабильную занятость;

- гарантировать внедрение финансовой реформы “Big Bang”.

⇩

Установление гибкой и творческой экономической структуры, соответствующей потребностям изменения

(2) Окончательно решить проблему плохих долгов:

- должен быть создан специальный комитет по проблемам плохих долгов;

- проблемы (продажи) земли и кредитов (на землю) должны решаться на базе предоставления дополнительной земли и активизации трансакций по покупке земли.

IV. Помощь азиатским странам

Поддерживать азиатские страны, столкнувшихся с экономическими проблемами; выделить для них 700 млрд иен ($5,4 млрд):

- поддержать финансирование торговли, увеличить займы по линии ОПР для содействия структурным экономическим реформам азиатских стран, поддержать программы человеческого развития;

- стимулировать мероприятия в отношении социально-уязвимых слоев;

- выделить Индонезии 600 тыс. т риса.

Отдельные мероприятия для поддержки азиатских стран

1. Поддержка финансирования торговли на основе "двухэтапных займов" Экспортно-импортного банка Японии.

2. Поддержка экономических реформ путем установления системы специальных процентных ставок в условиях чрезвычайного положения для правительственных иеновых кредитов с быстрым возвратом издержек.

3. Поддержка программ развития человеческих ресурсов, таких как подготовка кадров и отправка специалистов.

4. Поддержка в целях обеспечения таких потребностей как продовольствие и медикаменты (500 тыс. т риса в счет правительственного займа и 100 тыс. в качестве безвозмездной помощи).

По расчетам Агентства экономического планирования, принявшего наиболее активное участие в данной программе, реализация названных мероприятий приведет к росту экономики на 2% в следующем ф. г.[76].

* * *

Приведенная выше программа после апреля 1998 г. подвергалась различным уточнениям и корректировкам под контролем всех зна-

76 Comprehensive Economic Measures. MOFJ. - http://www2.nyyca.com:8010/infomofa/po;icy/economy/measure98/measures.html.

чимых госинститутов и общественных партий.

На данный момент преждевременно давать оценки эффективности принятых программ, поскольку они рассчитаны на три года. Кроме того, их успех или неуспех в немалой степени будет зависеть от общей экономической ситуации в мире, и даже не столько в Восточной Азии, сколько в Европе и особенно США.

Для России же предпринимаемые в Японии экономические мероприятия по выводу страны из финансово-экономического кризиса поучительны в том смысле, как они доводятся до широких слоев населения. Японцы в деталях осведомлены о всех программах правительства, включая детали финансирования по всем направлениям. Это позволяет японскому правительству находить взаимопонимание и поддержку со стороны населения.

Япония: концепция "евразийской" дипломатии

Концепция "евразийской дипломатии" Японии получила широкое распространение в связи с выступлением бывшего премьер-министра Японии Рютаро Хасимото 24 июля 1997 г. перед представителями Ассоциации предпринимательских организаций.

Российские международники и политики, отстаивающие теорию "Евразии", усмотрели в данной речи как бы подтверждение собственных взглядов на исключительную роль евразийского континента как особого геостратегического пространства в мировой политике.

Оставляя в стороне разбор данной "теории" в ее российской интерпретации, следует иметь в виду, что, говоря о "Евразии", Хасимото по сути дела вел речь о "Шёлковом пути" в Европу, который пролегает через Китай, страны Центральной Азии и Прикаспийского региона. Россия на этот "путь" никак не попадает. Вместе с тем, упоминание региона вокруг Каспия весьма примечательно. Как сказал Хасимото, "Япония имеет глубоко укоренившуюся ностальгию по этому региону, вызванную славой дней Шёлкового пути". Все это означает, что нефть и газ Прикаспия превращает этот район в один из важнейших участков внешней политики Японии, причем здесь можно ожидать тесное японо-китайское взаимодействие, могущее идти вразрез "большой игре" США.

Хотя в самой речи Хасимото, а затем в "Голубой книге" МИД за 1998 г. говорилось о необходимости крепить более тесные связи с КНР, КР, Россией именно в контексте "евразийской дипломатии", на самом деле появление данного термина обязано, прежде всего, вниманию, которое Токио начал уделять энергетическим ресурсам Прикаспия.

Действительно, в своей практической политике Япония активизирует связи со странами Центральной Азии и Закавказья (Азербайджан, Грузия), что самым негативным образом скажется на ее отношениях с Россией.

Во-первых, включение Японии в игру на новом геостратегическом пространстве объективно ослабляет роль России в совокупной внешней политике стран региона.

Во-вторых, Япония теряет интерес к развитию энергетических проектов на территории России, в частности, к проекту Ковыктинского месторождения близ Иркутска, разработка которого планировалась при участии японских инвестиций. В печати уже неоднократно сообщалось, что японские компании предполагают отдать предпочтение проектам в Казахстане и в Туркмении.

Наконец, в-третьих, главным актором во всей этой "евразийской дипломатии" является динамичный Китай, а не Россия. Достаточно просмотреть все официальные внешнеполитические документы за последние десять лет, чтобы убедиться в том, что России отводятся низшие строчки в иерархии внешнеполитических приоритетов Токио. В этом есть логика, которая отражает а) продолжающийся спад торгово-экономического сотрудничества между нашими странами; б) ослабление военной мощи России на Дальнем Востоке; в) продолжающееся ухудшение экономической ситуации в районе Российского Дальнего Востока.

Сказанное не означает, что Россия вообще сброшена со счетов японской внешней политики. И дело не только в еще сохраняющемся относительно крупном военном потенциале нашей страны на Дальнем Востоке или в стремлении "вернуть" "северные территории". На Россию, как ни покажется странным, "работает" китайский фактор. Очень многие в Японии, как на официальном, так и академическом уровнях, полагают, что Китай через некоторое время действительно станет главной угрозой не только японских, но американских интересов в Восточной Азии. Именно на этот момент намекают официальные документы, в которых все чаще и чаще стало употребляться выражение "непредсказуемость и неопределенность ситуации в АТР". В неофициальных публикациях эта "неопределенность" увязывается с текущей ситуацией на Корейском полуострове, а в стратегическом плане - с непредсказуемым поведением КНР.

Поэтому Япония, с одной стороны, постоянно проявляет "беспокойство" относительно военно-технического сотрудничества России с Китаем, с другой, исходя из того, что Китай может оказаться "угрозой" и для самой России (что, кстати, разделяется некоторыми и нашими специалистами), прощупывает варианты для взаимодей-

ствия с Россией на перспективу в плане противодействия подобной угрозе. Именно в таком ключе можно оценить заключение авторами одного из важных "Обзоров", в котором обращено внимание на то, что в ходе визита в Японию в мае 1997 г. министр обороны И. Родионов признал необходимость тесных американо-японских связей. “Эта позиция может быть истолкована как взгляд на японо-американские отношения в качестве противовеса будущему возвышению Китая, и как политическая позиция в расчете на экономическую поддержку со стороны Японии”77.

Япония действительно находится в сложном положении. Под боком - мощно развивающийся Китай, а также сильная, по стандартам Японии, в военном отношении Россия. Соединение двух держав в “стратегический альянс”, хотя сейчас рассматривается как маловероятный исход, но гипотетически возможный. Соответственно, цель Японии (равно как и США) заключается в том, чтобы, как минимум, предотвратить подобный "альянс", как максимум, сформировать некое военно-политическое тройственное взаимодействие против потенциальной "китайской угрозы" - вариант, напоминающий игру Японии и США вокруг КНР против СССР в 70-е годы. Реализация подобных планов, безусловно, зависит от слишком многих переменных. Среди них одна из наименее предсказуемых - Россия.

77 East Asian Strategic Review 1997-1998. Summary. National Institute for Defense Studies. Tokyo, 1998, p. 28. - Internet.

Японоведы, китаеведы, востоковеды

(краткие характеристики)

В общественном сознании россиян сложилось убеждение, что человек, обладающий какой-нибудь ученой степенью, является ученым. Да и сами "остепененные", по крайней мере, многие из них, тоже считают себя учеными. Нередко можно слышать, как новорожденный кандидат наук, выступая на какой-нибудь конференции, говорит: "Я, как ученый, считаю…". На самом деле, даже не каждый академик является ученым. В то же время человек без всякой степени может быть ученым. Например, Ф. Энгельс не имел докторской степени, однако, как ученому-обществоведу, ему не было равных в XIX веке, кроме Маркса.

В данной книге не место подробно раскрывать тему "ученый - не ученый"[78], но чтобы читателю в какой-то степени были понятны мои характеристики востоковедов, я коротко, без детальных обоснований, выскажу некоторые соображения на этот счет.

Ученый - это человек, открывший законы или закономерности природы или общества. Великость ученых зависит от их масштаба. Гениальный ученый совершает открытия, влияющие на ход развития всего человечества (Платон, Аристотель, Ньютон, Лейбниц, Гегель, Маркс, Эйнштейн). Талантливый ученый открывает (в основном) законы в рамках какой-либо одной научной дисциплины (Ом, Ампер, Фарадей, Лобачевский, Менделеев, Павлов, Фрейд, Смит, Рикардо, Кейнс). Способный ученый совершает открытия в узкой сфере какой-либо из научных дисциплин (их много).

С определенной натяжкой к ученым можно отнести также класс людей-изобретателей, которые придумывают нечто такое, что отсутствует в природе или обществе.

В рамках Российской академии наук, по крайней мере, в области общественных наук работают научные сотрудники. Ученых среди них наберется максимум процентов пять. Значительно больший

78 Хотя однажды мне пришлось анализировать данную тему в статье "Власть и наука, или как аукнется, так и откликнется". См. Пульс реформ. Юристы и политологи размышляют. М.: Прогресс, 1989, сс. 109-131.

процент (где-то около 10-15%) приходится на специалистов: это те исследователи, кто обладают знаниями по изучаемому предмету. Кандидат наук обычно владеет знаниями по весьма узкому кругу явлений. Он значительно шире для доктора наук. Остальные - околонаучные работники. Это бесценная армия паразитов и разных уклеек при науке. Их "бесценность" двояка. Во-первых, в самом прямом смысле этого слова: они ничего не стоят, а во-вторых, по материальному объему затрат государства на обеспечение жизнеподдержания этой армии прожорливых около-науко-приживал, будь они кандидатами или докторами наук.

Что касается званий член-корреспондентов и академиков, в российских условиях они обычно даются за бюрократические достижения директорам институтов и их замам. К науке эти звания, за редким исключением, почти не имеют отношения (надеюсь, что в естественных науках картина несколько иная). Вообще-то директор института и ученый - вещи несовместимые по той простой причине, что ученый никогда не сможет стать бюрократом, к чему вынуждает директорская должность. Знаю это по собственному опыту.

Особую настороженность должны вызывать различные ученые степени и звания у действующих политиков. Все они, уверен, "липовые" кандидаты и доктора. Ко мне, к примеру, неоднократно обращались с предложением за немалые суммы написать докторские диссертации для такой категории лиц. Но это уже отдельная, так сказать, криминальная тема, требующая отдельного анализа. Важно только, чтобы читатель зафиксировал для себя, что сложился постоянно действующий механизм "остепенения" политиков, о чем весьма робко начали писать в печати.

Одним из признаков отличия ученого от неученого является то, что первый строит свой анализ на базе понятийно-категориального аппарата, второй - на уровне слов и терминов. В первом случае процесс познания, или, если придерживаться гегелевской терминологии, погружение в предмет осуществляется через последовательную триаду разум-рассудок-разумный рассудок (или рассудочный разум). На последнем этапе происходит слияние познающего и предмета, т.е. акт познания, другими словами, открытие закона бытия предмета или явления. Во втором случае работает принцип здравого смысла, который позволяет описать явление, но не понять его сущность. В таком ключе, в частности, пишутся почти все работы в области современного китаеведения и японоведения. Среди

нынешних российских японоведов-международников только трое работают на понятийном уровне. В то же время их значительно больше среди международников невостоковедов, поскольку многие из них прошли школу освоения теории международных отношений, например, в секторе покойного В. Гантмана в ИМЭМО, в Центре международных исследований МГИМО, а также у А.В. Сергиева (к сожалению, тоже покойного) в МИДе. У меня нет намерений перечислять их имена, но не могу не удержаться, чтобы не назвать одно выдающееся имя - Э.А. Позднякова - автора классического труда в 2-х томах: "Философия политики" (М., 1994), которую советую изучить всем нашим востоковедам.

И еще два слова о терминах журналист и публицист.

Разница заключается в том, что публицист - это тот же научный работник, который пытается в средствах массовой информации в популярной форме изложить ту или иную идею, до этого выношенную на основе научного исследования. Между прочим, одним из выдающихся публицистов первой половины XIX века был гениальный поэт Гейне (кстати, он имел степень доктора юридических наук и был одним из немногих, кто понял Гегеля).

Журналист же пишет свои статьи или книги по принципу: что вижу, то пишу, т.е. на основе поверхностного взгляда на те или иные явления. Журналистика - это жанр, отражающий текущую реальность как можно в более понятной для среднего читателя форме. Журналисту некогда копаться в глубинах темы, поскольку ему приходится писать практически обо всем. Поэтому даже яркие журналисты не в состоянии проникнуть в суть общественных процессов. Не потому что они глупы, а потому что таков их жанр. Хотя на фоне общей массы серых ученых, некоторые наиболее выдающиеся журналисты могут показаться очень "учеными".

Я надеюсь, что у меня появится возможность более подробно изложить свой взгляд на нашу общественную науку. Здесь же ограничусь краткими портретами-характеристиками некоторых знакомых мне востоковедов, к которым рекомендую отнестись не слишком серьезно. Я не называю их настоящих имен в надежде на то, что их узнают по характеристикам.

Авелев	Востоковед-академик. Научную карьеру сделал при социализме, политическую - при капитализме. Типичный представитель российской науки. Законов не от-

	крыл.
Альраф	Презренный японовед-мечтатель. Презирает многих японоведов, мечтает перестать быть японоведом.
Алгорский	Японовед-демократ. Демократам повезло.
Борин	Японовед-философ. Умудрился остаться незаметным как в японоведении, так и в философии.
Бурлина	Японовед-борец. Борец против подонков. Подонки торжествуют.
Буков	Японовед-генерал. В японоведении - ефрейтор.
Бутчеров	Китаевед-академик. Академик получился, ученый - нет.
Владимиров	Японовед, журналист, администратор. Администратор убивает в нем журналиста, журналист японоведа. Единственное, что нельзя в нем убить - это глупость.
Думке	Японовед-бюрократ. Он - скорее бюрократ, чем японовед. Но еще скорее - просто мерзавец.
Зесрам	Японовед – этнический еврей, агностик, параноик. Помешался на передаче островов. Пациент Кащенко.
Иваненко	Японовед-начальник. Начальник лагерей японских военнопленных.
Иринова	Дочь официального японоведа. Цветет, как дочь.
Коврамов	Японовед-дурак. Стал доктором наук, т.к. никто не решился тягаться с ним в дурости.
Кубов	Атээровец-вояжер. Научное кредо - всю жизнь без строчки.
Левяков	Китаевед. Яки лев.
Леонова	Японовед-женщина. С Еленой Прекрасной сближает имя, со многими японоведами - отчество.
Минос	Японовед с весом. Вес – около центнера.
Мипянко	Удивительный японовед. Удивляет хорошим отношением ко мне.
Мосин	Японовед-дипломат. Язвенник: любит язвить. В подлости замечен не был. В науке тоже.
Ниигатов	Сначала - австралолог, затем индолог, наконец - атээровец. В мире науки не известен. Пробавляется на японских харчах.
Никулов	Востоковед-дипломат. Редкий случай: порядочный человек.

Плевко	Японовед-филолог, ставший японоведом политологом. Лучше бы оставался филологом.
Раков	Австралолог. Отличительная черта: убивает "мягкостью". Ну, прямо "англичанин".
Рёмин	Японовед. Его я, правда, не читал. Думаю, что он напоминает Дякова, которого я тоже не читал.
Ровчуг	Как бы японовед. Помешался на англичатине. «Ментально» больной. Лечение не подлежит.
Ротанес	Официальный японовед застойного периода. Продолжает в нем пребывать.
Серян	Японовед-администратор. Японию любит больше, чем Россию. Внешняя примета: очень мудрое лицо.
Стопадзе	Японовед-дипломат. Наиболее выдающаяся черта - подлость. Наиболее подходящее место - виселица.
Таранкин	Китаист-философ. Начальник. Член. Еслибист.
Тай	Японовед-экономист. Экономит даже на мыслях.
Туров	Из японоведа сделался АТР-болтуном. Болтает в пользу США.
Тышев	Неувядающий японовед. Свидетельством служит молодая жена.
Усагин	Японовед-экономист. Любит Японию и деньги. Японцы платят.
Цевич	Японовед, возвысившийся благодаря серому окружению.
Целис	Преуспевающий японовед, считающий себя гением. Японцы согласны.
Щукина	Женщина-японовед. Как японовед не известна, как женщина - тоже.
Язнер	Японовед-экономист. Оказался иудой.

Учитель, ученый, гражданин

К 70-летию Александра Григорьевича Яковлева

Обычно авторы юбилейных статей пытаются дать объективный анализ творческого пути того или иного ученого, определить его место и роль в науке, другими словами, дать объективную оценку вклада в ту или иную научную область. Я не стремлюсь к объективности. Более того, я субъективен и пристрастен. А.Г. Яковлев - мой Учитель.

Учитель - это тот, кто чему-то учит и это "чего-то" остается на всю жизнь.

Ремесло, которому обучил меня Александр Григорьевич, - анализировать, мыслить.

Приехав варягом в Москву покорять столицу в качестве "ученого" и защитить "широчайший спектр своих познаний в какой-нибудь" аспирантуре, я натолкнулся на фамилию Яковлева, который в то время был зав. сектором в Институте Дальнего Востока АН СССР. Он согласился стать моим руководителем, предупредив, правда, что по предложенной теме уже "погорело" несколько аспирантов. Меня это не смутило, и я уже в первый год начал выдавать один опус за другим, "громя" всех бывших и настоящих ученых и исследователей по моей научной теме. "Молодец,- говорил Александр Григорьевич, прочтя очередной опус, - отнеси и это в туалет. Проблем не видишь".

Дело в том, что аспиранты международного профиля обычно начинают свои научные карьеры с тематик по двусторонним отношениям, например, японо-китайских, или китайско-американских, которые очень легко описать. Мой же "треугольник" КНР-СССР-Япония плюс США являл собой клубок с многосторонними связями, анализ которых требовал выявления проблем, а не описаний. Но в то время я не мог понять, как выделить или высветить "проблемы". Александр Григорьевич, видя мою беспомощность, потребовал все бросить и заняться чтением всевозможных теорий международных отношений и внешней политики. Кроме того, он связал меня с А.В. Сергиевым, в то время ведущим специалистом по системному подходу в экономике, и я целый год ходил к Сергиеву на се-

минары в МИД. Почти два года аспирантского времени ушло на осваивание всевозможных теорий, в том числе и различных вариантов теории многополярности, после чего я, наконец, усвоил, что означает постоянное требование Яковлева вычленить "проблемы". Это позволило, в конце концов, за три месяца написать довольно непростую для начинающего исследователя диссертацию.

Стремление научить своих учеников мыслить, а не просто "делать" диссертацию - одна из особенных черт Яковлева-учителя. И с ней смыкается другая - готовность помочь мыслящим молодым людям, особенно не со стандартным типом мышления или с необычным подходом в исследованиях. В этой связи вспоминается такой случай. Однажды, где-то в начале 80-х годов, я привел к нему молодого человека с просьбой помочь в устройстве на работу в ИДВ (сам я работал в это время в ИМЭМО). В качестве "аргумента" этот парень представил рукописную монографию "Проблемы формализации теории внешней политики и международных отношений". Идея заключалась в том, чтобы на основе разработанных этим человеком методов попытаться пропрогнозировать поведение Китая на мировой арене. Хотя Александр Григорьевич был далек от этих математических методов (речь, прежде всего, шла о теории размытых множеств), однако идея ему понравилась. Он пытался убедить руководство Института взять этого парня на работу. Этим парнем был в то время безработный, а ныне - космонавт Ю.М. Батурин. К сожалению, тогдашнее начальство ИДВ, кстати, также как и начальство ИМЭМО и Дипакадемии, не оценили представленную работу и не взяли его на работу. Между прочим, подходы на основе теории размытых множеств весьма активно используются в США в различных прогностических программах. Об этом я пишу только для того, чтобы подчеркнуть, что Яковлев не из тех ученых, который цепляется за один какой-либо уже освоенный подход или метод в науке: он открыт для всех методов и новаций, для любых заключений, которые могут расходиться и с его собственными суждениями.

Яковлеву-учителю я благодарен и за то, что он учил меня изучать свое дело, а не "правилам игры" в науке, отстаиванию клановых или групповых интересов, которые обычно втягивают в академические склоки и разборки и от которых зависят посты, звания и должности.

О А.Г. Яковлеве как об ученом коротко и афористично однажды

сказал директор ИДВ РАН М.Л. Титаренко - “вдохновитель новых идей”. Позволю себе добавить: не только вдохновитель, но и “производитель” новых идей.

Меня постоянно смешит, когда какой-нибудь научный сотрудник, только что защитивший кандидатскую диссертацию, бьет себя в грудь и говорит: Я как ученый считаю... Многие не понимают, что человек может быть хоть трижды доктором или академиком, но не быть ученым. Потому что ученый - это не должности, не степени, не звания. Ученый - это призвание. И призван он видеть то, что не видит никто, кроме него. То есть ученый - это человек, вскрывающий или открывающий новые явления в обществе и в природе.

Специфика *ученого-обществоведа* заключается в том, что он субъективен. Субъективен в том смысле, что все его открытия окрашены в мировоззренческие цвета, а значит идеологизированы. Идеология не только определяет сам характер открытий, но и направление использования этих открытий. Нет деидеологизированных ученых, по крайней мере, обществоведов, точно также нет и деидеологизированных общественных явлений. Уже само опровержение данного постулата является идеологией. (Не место здесь доказывать это, просто сошлюсь на несколько имен, разделяющих такую точку зрения: Гоббс, Спиноза, Маркс, Вебер и, между прочим, наш крупный теоретик Э. Поздняков).

А.Г. Яковлев в этом смысле являет собой яркого и откровенного идеологизированного ученого, приверженца социалистической идеологии.

Но для начала небольшая информационная справка. В науку Александр Григорьевич пришел в 1950 году после окончания Московского института востоковедения. Был и аспирантом, и мнс, и снс. В 1964-1991 гг. возглавлял сектора в Институте народов Азии, Институте мировой социалистической системы, Институте Дальнего Востока АН СССР; в 1971-1988 гг. - отдел в Институте Дальнего Востока; с 1989 г. по настоящее время он главный научный сотрудник ИДВ, руководит проблемной группой. А. Г. Яковлев подготовил девять аспирантов и докторантов. Он - профессор, кандидат экономических и доктор исторических наук, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РСФСР. Александр Григорьевич широко известен не только у нас в стране, но и за рубежом: в Китае, США, в Южной Корее.

О работоспособности ученого свидетельствует около 460 науч-

ных и публицистических работ (общий объем более 400 а. л.), в том числе 270 публикаций (250 п. л.), а также более 200 материалов закрытого и полузакрытого характера (около 150 а. л.).

Надо иметь в виду, что сферой научного внимания А.Г. Яковлева в последние тридцать лет была внешняя политика КНР. Совершенно естественно, что эта тема была крайне политизирована и идеологизирована. Это означало, что ни один ученый не мог игнорировать общие политические и идеологические установки, определяемые "наверху". Но это не означало, как сейчас многие считают, что ученые, в том числе китаеведы-международники, писали только так, как указывали "сверху". Дело в том, что на установки из недр аппарата ЦК мы сами оказывали немалое влияние через те самые справки и материалы, которые не подлежали открытой публикации. Поэтому анализ внешней политики той или иной страны, равно как и оценки общей международной обстановки, главным образом сводились к тому, чтобы выявить те факторы и обстоятельства, которые препятствуют реализации внешней политики СССР, нацеленной на обеспечение наших национальных интересов. С этой точки зрения международная деятельность КНР на протяжении многих лет представлялась нам как деструктивная, разрушающая единство социалистического лагеря и тем самым усиливающая позиции наших противников, в первую голову США.

В то же время некоторые ученые - китаеведы не снимали ответственность за негативные процессы в системе международных отношений и с Советского Союза. Среди этих немногих "некоторых" был и А.Г. Яковлев. У меня под рукой оказалась копия справки - "Предложения в связи с долгосрочным планированием политики СССР в отношении Китая"....1965 г. (!), подготовленной Александром Григорьевичем. Я не поверил своим глазам, когда уже в самом начале справки прочел: "...наши прежние представления об основах подхода к Китаю как в межпартийной, так и межгосударственной областях, в значительной мере были ошибочными и неизбежно должны были привести к серьезным осложнениям". В то время, когда КНР развернула атаки на СССР, в справке пишется: "Усиление Китая неизбежно, неотвратимо. ...В свете этого наша стратегическая линия в отношении него должна ясно и недвусмысленно выражать понимание его основной национальной цели и стремление искренне содействовать превращению КНР в подлинно великую современную державу". Не могу удержаться, чтобы не отметить и такую

фундаментальную посылку, которая сохраняет актуальность по настоящее время. Уже тогда было немало разговоров о возможности "американо-китайского сговора" против СССР. В ответ Яковлев писал, что "КНР не может изменить свою антиамериканскую ориентацию... , поскольку у КНР и США слишком много конкурирующих интересов в районе Тихого океана и ЮВА". Не многие китаисты в то время могли позволить себе подобные рекомендации, направляемые в адрес ЦК.

Среди опубликованных работ А.Г. Яковлева особое место занимает двухтомная монография "КНР и социалистический мир" (М.:ИДВ, 1981), на которой хотелось бы остановиться поподробнее

В этом фундаментальном труде автор как раз и показал, с одной стороны, эволюцию китайской внешней политики за 30 лет, с другой - по каким направлениям и каким важнейшим проблемам Китай наносит наибольший ущерб интересам социализма, интересам Советского Союза. Сегодня многие ученые, особенно из демократического лагеря, могут упрекнуть А.Г. Яковлева в том, что тогдашние оценки были неверны, что они были крайне заидеологизированы и более того, что подобные работы, наоборот, провоцировали антисоветизм Пекина. Такого типа упреки можно рассматривать или в качестве заблуждений, или как сознательный отказ от защиты национальных интересов Советского государства.

Я уже оговаривал, что политики нет без идеологии, а идеологии вне политики - аксиома, известная со времен Гоббса, которая, к сожалению, не была усвоена М. Горбачевым. Реализация "нового мышления " с деидеологизированной внешней политикой явилась одной из причин крушения СССР.

Однако работа А.Г. Яковлева не ограничивалась чистой идеологией, которая была присуща многим китаистам-международникам, просто описывающим "антисоветский курс Пекина". Главное достоинство яковлевского труда заключалось в постановке новых для того времени теоретических проблем в контексте теории международных отношений и методов их изучения. Он единственный среди китаеведов-международников стал применять системный подход, точнее одну из его разновидностей, структурно-функциональный анализ для изучения китайского феномена в системе международных отношений. Этот метод позволил критически пересмотреть теорию социалистических международных отношений, которая до Яковлева пребывала в безмятежном состоянии гармонии в соответ-

ствии с официальной наукой. Например, в работе утверждалось, что при наличии **базисного единства** в социалистических странах в случае неверного понимания соотношения интернационального и национального в социалистической системе может произойти **политическое** размежевание по ряду серьезных внешне- и внутриполитических проблем. Это вело и могло привести к противостоянию того или иного социалистического государства всей системе (Албания, Югославия). Когда же политика определяется претензиями на гегемонию, как это случилось в то время с КНР, возникает **биполярность** внутри социалистической системы. Дифференциация внутри системы, справедливо полагал А.Г. Яковлев, порождает различные типы отношений между социалистическими государствами. В этой связи, советовал Яковлев, важна продуманная политика среди "нейтралов" в советско-китайской конфронтации, которых надо не отдалять от себя, а наоборот, использовать с точки зрения приобщения Китая к "социалистическому ядру".

На то время была очень важна мысль, что "... линия социально-экономического раскола частично перестала совпадать с линией политического размежевания между двумя системами", и это служит основой для констатации политической биполярности в социалистическом мире.

В монографии фактически предлагалось отказаться от прямолинейных зависимостей между базисом и надстройкой, внешней и внутренней политикой, по-новому ставился вопрос о национализме и социализме, наконец, утверждалась возможность биполярности даже внутри социалистической системы. Хотя аналогичные проблемы несколько ранее ставились Н.А. Симония на материалах стран третьего мира, А.Г. Яковлев в их постановке опирался на китайскую практику.

Ценность данной, равно как и других работ А.Г. Яковлева заключалась в том, что на основе анализа китайского фактора в теорию международных отношений привносились новые идеи и новые подходы. Это в свою очередь ломало догматические взгляды упрощенного марксизма на теорию и практику социализма, которым следовали руководители "партии и правительства".

Лет за десять до публикации упоминавшейся монографии академик РАН В.С. Мясников, давая оценку другой работе А.Г. Яковлева, говорил, что "сегодня мы с вами не можем оценить этот труд; нужно время, не знаю сколько, чтобы эти материалы, эти многочис-

ленные теоретические положения, впервые сформулированные, както отстоялись в нашем представлении, стали более привычными, чтобы мы могли свободно ими оперировать и вводить в практику".

Надо сказать, что в отличие от академика Мясникова подобные теории и теоретические положения редко замечались китаистами-эмпириками, а если и замечались, то выводы, которые Яковлев делал на основе своих теорий, довольно часто встречались в штыки. Причина такого неприятия заключалась и заключается в том, что не только многие китаеведы, но и вообще многие востоковеды-международники мало знакомы с теориями международных отношений. Это означает, что большинство из них работает на уровне слов, в лучшем случае - терминов, и крайне редко (фактически единицы) на уровне понятий и категорий. Как минимум 90% научной литературы - это описание событий в стиле: что вижу, то пишу. Именно эта категория ученых наплодила горы литературы о несуществующим "Азиатско-тихоокеанском регионе", именно они пишут об "интеграции", например, между Австралией, Индией и ЮАР, не понимая, что такое "интеграция" и чем она отличается от "интернационализации", именно они в качестве "центров силы" могут поставить в ряд организации АТЭС, НАФТА с Западной Европой, они же могут в кучу свалить понятия силы и мощи, места и роли и т.д.

Вместе с тем, как уже я сказал выше, есть очень небольшая группа ученых в востоковедении, которые исследуют явления на понятийно-категориальном уровне, превращая свои исследования в науку. Среди них и А.Г. Яковлев.

В настоящее время на деятельность того или иного ученого оказывает громадное влияние разделение нашего общества фактически на два лагеря. Одни связали свою жизнь с капиталистическим путем развития России, следовательно, духовно и идейно сроднились с Западом, с западно-капиталистическими ценностями, другие - те, кто не приемлет эти ценности, кто видит выход России из стратегического тупика, куда загнал нашу страну капитализм, на путях обновленного социализма, на путях отстаивания национальных интересов России. Гражданская позиция А.Г. Яковлева выражается в его работах 90-х годов, которые концептуально выстраиваются в антизападном, антиамериканском ключе.

Во многих своих публикациях последних лет Яковлев отстаивает идею биполярности как наиболее оптимального и устойчивого ми-

ропорядка, возможного на базе консолидации всех антиамериканских сил в мире. В этой связи большое значение он придает взаимодействию между Россией, КНР и Индией, как первоначальной структуре создания противодействующего полюса.

У этой позиции есть много противников, и среди них известный китаевед Л. Делюсин. Не очень давно он опубликовал статью, в которой подверг резкой критике вышеупомянутую идею "научного сотрудника Института Дальнего Востока профессора А.Г. Яковлева" (журнал "Азия и Африка сегодня", 1998, № 7).

А.Г. Яковлева он относит к той категории "национал-патриотов", которые "требуют не спускать глаз с США и Европы" и которые, естественно, "тоскуют по социалистическому прошлому" и предлагают "делать ставку на антиамериканские настроения китайцев", в конечном счете, выдвигая идею альянса с КНР против США. Конечно же, все это осуждается, а в качестве контраргументов приводятся цитаты наших западников (М. Салтыков-Щедрин, Л. Толстой), предостерегавших от отрицательного отношения к европейской культуре. Кроме того, со ссылками на журналиста из "Известий" (?!) цитируются слова китайских генералов о том, что Китай не станет разменной картой в торге между Россией и НАТО. Наконец, напоминается, что и официальный Пекин не стремится к военно-политическому альянсу с Россией.

Подобные "аргументы" я мог бы очень просто "разбить" контрцитатами, например, из работ Н. Данилевского или К. Леонтьева, а также десятками высказываний многих китайских генералов о неизбежности столкновения стратегических интересов КНР и США. Кроме того, я бы напомнил господину Делюсину официальную доктрину национальной безопасности КНР, в которой противодействие глобальному и региональному гегемонизму, т.е. США и Японии, признается одной из важнейших стратегических задач Пекина. Но цитаты ничего не доказывают и не решают. Определяющим является процесс развития международных отношений, который имеет свою историческую логику и закономерности, анализ которых позволяет высветить ход исторических тенденций. Эти тенденции выявляются с помощью различных теорий. Например, Теория длинных циклов (или волн), разработанная американцами Дж. Модельски и У. Томпсоном, очень неплохо объясняет закономерности гегемонизма на протяжении последних 2-х тысяч лет до середины следующего столетья. В США ныне получает популярность Теория

сложности, призванная на базе физических теорий хаоса и порядка объяснить мировые тенденции (М. Уодроп, С. Левин, Дж. Глейк и др.).

В России же и КНР наибольшее распространение получила уже было подзабытая теория многополярности, которую, как известно, на официальном уровне отстаивает и Москва, и Пекин. Своему возрождению она обязана утвердившейся единоличной гегемонии США в мире, что не устраивает ни Россию, ни Китай. Сторонники теории многополярности в обеих странах уповают на то, что окрепшая КНР, а в перспективе и возрожденная Россия, вместе с другими "полюсами" воссоздадут многополярную конструкцию международного сообщества, в котором все будут равны, конфронтация сменится добрососедскими отношениями, а взаимодействие между государствами будет определяться главным образом взаимными экономическими интересами. Никакой идеологии, сплошная любовь всех со всеми. В нашей стране основными поборниками этой теории является демократический лагерь ученых, кто искренне, а кто с корыстью верящих в гуманные внешнеполитические цели Запада вообще, США в частности. Правда, американцы, как нарочно, постоянно разрушают эти иллюзии то войной против Ирака, то бомбардировками Афганистана и Судана, то своей "неконструктивной" экономической политикой в отношении России.

США и не скрывают своего негативного отношения к этой многополярности. Достаточно почитать любые стратегические программы Вашингтона, где прямо и однозначно утверждается претензия на единоличное лидерство в мире. Для этого у него есть основания, поскольку совокупный военно-экономический потенциал и политический вес США ощущается в любой точке земного шара.

Естественно, подобная ситуация не устраивает многих, однако выход из него предлагается не только на путях многополярности (это просто иллюзия), но и на путях формирования мощного антиамериканского блока, что могло бы привести к биполярной системе международных отношений. Сторонником последнего варианта как раз и является А.Г. Яковлев. Теоретически это обосновывается тем, что именно биполярность, а не многополярность, является наиболее устойчивой структурой международных отношений, и именно биполярность реально ограничивает господствующую деятельность США на мировой арене. Наконец, именно биполярность дает возможность в более полной степени реализовывать собственные

национально-государственные интересы второго полюса. Наиболее перспективным началом в деле формирования такого полюса является, по мнению Яковлева, наполнение политическим содержанием формулировки о “стратегическом партнерстве” между КНР и Россией, к которому может присоединиться в последующем Индия. Правда, говоря о желательности такого типа взаимодействия, Яковлев сомневается в его возможности при нынешней системе власти, ориентирующей Россию на капитализм.

Хотя у меня несколько иной взгляд на все эти вещи, но я согласен с Яковлевым в главном: что из всех систем международных отношений - гегемония, многополярность и биполярность - последняя является наиболее устойчивой, а значит наиболее поддающейся контролю и упорядочению против хаоса, который царит ныне в международных делах. Хотел бы добавить еще один момент: Яковлев рассматривает биполярный мир не просто как желательный, но и как неизбежный, что бы ни говорили нынешние политические деятели в России и КНР. И эту неизбежность взращивать будут сами США своим гегемонистским поведением в мире.

Наши демократы, в том числе и в научном мире, еще почувствуют, если уже не почувствовали, американские ценности на собственной судьбе. Лет десять назад я с не меньшим рвением, чем нынешние демократы, отстаивал капитализм в России. Но, имея опыт проживания даже в лучшей капиталистической стране, в Канаде, не как заезжий гость-профессор, а как житель этой страны, я десятки и сотни раз вспоминал своего учителя, поражаясь, как он был прав, когда пытался внушить мне, насколько западные ценности совершенно несовместимы с русским умостроем. Более того, они враждебны нашей культуре. Считать иначе означает не знать ни Запада, ни России.

В моих глазах Александр Григорьевич Яковлев - человек, который является не только моим Учителем, крупным Ученым китаеведом, международником, но и Гражданином России. И я искренне желаю ему здоровья и творческой энергии, появления новых работ на благо России и отечественной науки.

70 лет - это, конечно, немало. И все-таки, еще не вечер!

В урезанном виде опубликовано в журнале "Проблемы Дальнего Востока" (1998, № 6).

Часть III. Россия:

проблемы безопасности

О Концепции национальной безопасности России: абракадабра, или сапоги всмятку

В свое время известный немецкий социолог - Макс Вебер - подверг острой критике режим Вильгельма II, точнее абсолютную некомпетентность политической элиты страны, возложив на нее ответственность за катастрофические последствия внешней и внутренней политики Германии в 1905-1918 гг. Мне, воспитанному на марксистских теориях, подобная критика не казалась очень серьезной: причины крушения Германии представлялись более фундаментальными. Однако, когда мне пришлось заняться анализом политики Хрущева, Брежнева, Горбачева и, наконец, Ельцина, я вспомнил Вебера и начал с большим почтением относится к теории "элит", другими словами, к субъективным факторам в политике, которые, как часто демонстрирует практика, могут исковеркать, искорежить и даже опрокинуть объективные факторы. По крайней мере, на какой-то исторический период времени. Достаточно в этой связи представить, что на месте Горбачева оказался бы Дэн Сяопин, а на месте последнего, наоборот, - китайцы, не пугайтесь, - Горбачев. Не сомневаюсь, что от Китая остались бы сейчас "рожки да ножки", а Россия... Впрочем, ладно, мечтать не вредно.

В очередной раз я убедился в правоте М. Вебера, изучив два документа: Послание по национальной безопасности президента РФ Федеральному собранию от 13 июня 1996 г. и, в особенности, Концепцию национальной безопасности Российской Федерации, опуб-

ликованную в Российской газете 26 декабря 1997 г. И тот, и другой документы, судя по тексту, составляли одни и те же люди, так сказать, команда президента. Я не знаю, кто входит в эту команду, но у меня такое ощущение, что она состоит или из отъявленных дураков, или сверхизощренных умников, играющих под дурачка. В качестве затравки приведу такой их опус из Послания президента. Там отмечается: "С точки зрения **мировоззренческой** Россия - хранительница многовековой духовной традиции" (выд. *президентом*). Поставьте вместо слова Россия любую другую страну: Китай, Японию, Францию и т.д., окажется, что все они "с точки зрения мировоззренческой" являются хранительницами многовековой духовной традиции. Ну не бред ли? Пустая фраза. Но это еще цветочки.

Сборная солянка всего и вся

С самого начала недоумение вызывает то, что авторы под шапку "национальная безопасность" втиснули по сути все проблемы внутренней и внешней политики России, охватывающие экономику, политику, оборону, культуру, идеологию, преступность и т.д. и т.п. В результате их документ превратился в "Текущие и стратегические проблемы и задачи Российской Федерации". Не случайно весь документ пестрит фразами, типа "важнейшими задачами являются...". Получился своего рода Отчет о проделанной, а точнее, о не проделанной работе правительства или президента за годы их правления. Если бы он был назван как Отчет, его еще можно было принять, по крайней мере, по форме (а содержании речь пойдет ниже). Однако они этот Отчет назвали Концепцией национальной безопасности, видимо, в подражании аналогичным документам США. Об этом свидетельствует даже терминология, неумело почерпнутая из лексикона американской политологии. Все эти "универсальные ценности", "вызовы", "устойчивое развитие" и даже сам термин "национальная безопасность". Но как всегда, попугайничая, явно переборщили, поскольку американцы не сваливают в один документ все виды безопасности, хотя и признают их взаимосвязь и взаимообусловленность. Они отдельно формулируют проблемы "экономической безопасности", "социальной безопасности" и "национальной безопасности", причем последняя обычно формулируется через известную триаду: экономика, политика, оборона с упором на обо-

ронную безопасность. Подобное размежевание им необходимо для того, чтобы четко обозначить лица или организации, ответственные за те или иные сферы безопасности. Если же все свалить в кучу, как в российском варианте, тогда невозможно выделить ответственных, т.е. ответственными становятся все органы власти, а значит никто конкретно.

Кроме того, в американских концепциях или доктринах национальной безопасности четко выделяются внешние и внутренние угрозы безопасности страны для того, чтобы населению было ясно, кто несет ответственность за возникновение угроз. Вызываются ли они действиями внешних сил или являются причинами непродуманной внутренней политики собственной администрации или определенных государственных органов.

Наконец, и это главное, документ о национальной безопасности призван определить внешние угрозы безопасности государства, а также средства их предотвращения, поскольку нация не может сама себе наносить угрозы. Кстати, когда американцы говорят "нация" в контексте безопасности, они имеют в виду государство, т.е. правильный перевод с английского словосочетания "national security" означал бы "государственная безопасность". Авторы же Концепции, возможно, сознательно оставляют неправильный перевод, поскольку в таком варианте - национальная безопасность России - они вбивают в голову людей, что, дескать, нация у нас едина, а, следовательно, единой должна быть и программа национальной безопасности. В реальности же нация у нас разбита на всяческие классы и слои, и цели у них могут кардинально отличаться от тех, которые сформулированы авторами Концепции.

Таким образом, даже с формальной точки зрения предложенная Концепция национальной безопасности не является тем документом, за который его пытаются выдать. С этой точки зрения он не поддается ни критике, ни анализу. Но если его воспринимать как Отчет о нынешнем состоянии России, ее проблем и способов их решения, то этот документ может быть любопытен по своему содержанию, по тем позициям, какие занимает президент и его окружение относительно широкого круга проблем как внутри страны, так и в ее отношениях с окружающим миром. И здесь мы обнаружим немало удивительного. Начнем с первого блока, который авторами озаглавлен следующим образом:

Начало гласит: "В настоящее время положение на международной арене характеризуется, прежде всего, усилением тенденций к формированию многополярного мира" - фраза, ставшая рефреном всех обобщающих речей нынешнего министра иностранных дел РФ.

С подобной фразой любой международник знаком где-то с конца 60-х годов, когда Япония стала второй экономической державой капиталистического мира и когда все без устали твердили о формировании трехполюсного мира в капиталистической системе: США-Япония-ЕЭС. То есть о многополярном мире толкуют уже лет 30, а не "в настоящее время". И твердить будут, по моим прогнозам, еще лет 15, пока Китай не восстановит полновесную геостратегическую биполярность в замен нынешней однополярности, т. е. единоличной американской гегемонии. А с точки зрения экономики в принципе "полярная система" не имеет смысла, поскольку мировой экономикой управляют не центры, а транснациональные банки и компании вместе с международными экономическими организациями, возглавляемыми теми же ТНК и ТНБ.

Теория же "многополярности" - это обычное убежище слабых или ослабевших государств, мечтающих занять "достойное место" в концерте великих держав, стращая мир своими потенциальными возможностями. Мир же на самом деле развивается не по законам демократии, а на основе закона силы в международных отношениях, который гласит: как только государство достигает уровня экономической мощи и военного потенциала, адекватного мощи и потенциалам ведущих государств мира, оно требует для себя нового статуса, означающего на деле соответствующей доли сфер влияния, что ведет к новому распределению сил через конфликты и войны. Этот закон вытекает из закона неравномерного развития капитализма. А капитализм признает только закон силы. Сами же авторы Концепции косвенно подтверждают эту простую аксиому, когда вынуждены констатировать: "На темпах и направлениях формирования новой структуры международных отношений будет сказываться и растущий разрыв между развитыми и развивающимися странами". И этот разрыв будет увеличиваться, что как раз и противоречит необоснованному оптимизму радетелей многополярности.

Еще менее он обоснован, когда авторы Концепции утверждают,

что будто бы созданы "предпосылки для демилитаризации международных отношений, укрепления права в урегулировании спорных межгосударственных проблем, уменьшилась опасность прямой агрессии против Российской Федерации". А через два абзаца те же авторы пишут, что "влияние России .... значительно снизилось" и одновременно указывают: "перспектива расширения НАТО на Восток является неприемлемым для России, поскольку представляет собой угрозу национальной безопасности". Где логика? Добавлю, расширение НАТО будет происходить и на севере, в Прибалтике, и на юге, в районе Каспийского моря.

Все эти "с одной и другой стороны" всего лишь означают, что авторы не в состоянии дать реалистичную оценку места и роли России в мире, не в состоянии они оценить и сам мир, тенденцию его развития. Вот такие специалисты у президента в команде.

Дальше-больше. Это уже в отношении оценок по внутренним проблемам. Авторы вынуждены констатировать кризисные явления в российской экономике: сокращение производства, усиление зависимости от импорта продовольствия, отток научных кадров за рубеж и т.д., о чем постоянно пишет оппозиционная печать. Все это слишком очевидно. Но почему-то авторы не указывают, по чьей вине все это произошло? Кто руководил страной в это время, когда на Россию обрушились все эти напасти, о которых они пишут.

Они правильно констатируют, что "не достигнуто общественное согласие" в стране. Не понятно только, почему оно должно быть достигнуто? Как можно достичь согласия с теми, кто довел страну до положения государств Третьего мира.

II. Национальные интересы России

Формулировки национальных интересов России и средства их реализации свидетельствуют о том, что авторы Концепции или абсолютно не понимают, в каком обществе они живут, или, наоборот, проявляют иезуитскую хитрость, с помощью которой хотят поддержать иллюзию у населения о том, что живут они в идеальном социалистическом обществе, которое власть имущие намерены еще больше улучшить. Судите сами.

Национальные интересы формулируются как совокупность "основных интересов личности, общества и государства". Интересы

личности "состоят в реальном обеспечении конституционных прав и свобод, личной безопасности, в повышении качества и уровня жизни, в физическом, духовном и интеллектуальном развитии". Ну, чем не социалистические задачи? Далее авторы уточняют: "Чрезвычайно важным является способность экономики обеспечить **всем гражданам** достойные условия и качество жизни, возможность реализации ими своих творческих сил, духовных запросов и материальных потребностей. Бедность как социальное явление должно быть исключено из жизни российского общества" (выделено мной). И т.д. и т.п. Но поскольку, как сообщалось в Послании президента, стратегический выбор России в экономике - рыночная экономика, т.е. капитализм, предполагается, что именно на основе капиталистической экономики будут реализовываться вышеназванные интересы личности.

Ну, чем не маразм? Хотел бы я знать, в какой такой капиталистической стране реализованы названные интересы личности? Нет ни одной, даже сверхбогатой страны капитализма, чтобы там не было бедных, или **всем** гражданам были обеспечены достойные условия и качество жизни. Это не возможно в принципе, поскольку капитализм никому ничего не должен обеспечивать. В капиталистической системе каждый имеет формальные возможности на самоустройство своей жизни, но не каждый этого добивается. В результате, в любой из стран капитализма, даже входящей в "золотой миллиард", есть и бедные, и нищие, и безработные. А то, что авторы обещают, в принципе возможно только при социализме.

Строить капитализм и одновременно обещать реализацию социалистических принципов могут или люди, не понимающие, в каком обществе они живут, или сознательные лжецы, стремящиеся убедить население в том, что на основе капиталистической экономики можно построить социалистический рай. Но разве своей деятельностью нынешнее государство на основе "рынка и демократии" не показало реальные способности капитализма только приумножать бедность и уничтожать даже элементарные возможности для выживания большинства российского населения.

Вся эта болтовня о национальных интересах России наглядно проступает и в следующем опусе: национальные интересы России в информационной сфере нацелены на решение таких задач как, "защита национальных духовных ценностей, пропаганда национального культурного наследия, норм морали и общественной нравствен-

ности". Цинизм этой фразы просто не знает границ: почти все программы ТВ и радиовещания, а также большинство буржуазных СМИ, пропагандируют отбросы западной культуры.

Среди внешнеполитических интересов упоминается необходимость упрочить "позиции России как великой державы - одного из влиятельных центров многополярного мира". Не знаю, на что Россия влияет в мире, но знаю, что крошечный Гонконг, когда там зашкалило на биржах, тут же повлиял на российскую экономику, простимулировав отток капитала из России. На болтовню о "России, как великой державе", кажется, уже перестали реагировать все.

III. Угрозы национальной безопасности Российской Федерации

Эта часть не менее уникальна, чем предыдущая. Авторы признают: "Кризисное состояние экономики - основная причина возникновения угрозы национальной безопасности Российской Федерации. Оно проявляется через существенное сокращение производства, снижение инвестиционной и инновационной активности, разрушение научно-технического потенциала, стагнацию аграрного сектора, расстройство платежно-денежной системы, уменьшение доходной части федерального бюджета, рост государственного долга". Они уже указывают на "увеличение удельного веса населения, живущего за чертой бедности, расслоения общества на узкий круг богатых и преобладающую массу малообеспеченных граждан, усиление социальной напряженности". И причинами этого, помимо распада СССР, являются "провалы национальной и экономической политики... в России".

Именно так. Вопрос только в том, кто ответственен за распад СССР и эти "провалы" и угрозы? Кто "управлял" экономикой и политикой в эти годы? Разве не Ельцин и его команда? Разве не Черномырдин с "молодыми реформаторами"? И получается, что все "угрозы", перечисленные в данной главе, созданы, инициированы и спровоцированы нынешним руководством страны. А раз так, не оно ли представляет самую главную угрозу национальным интересам России и российскому народу? Неужели авторы не понимают этого? Понимают, но рассчитывают на то, что этого не понимаем мы, продолжая держать нас за безмозглое стадо баранов. И для этого, к

сожалению, у них есть основания.

IV. Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации

Нет смысла комментировать эту часть, поскольку вся она состоит из "надо", "следует", "должны". Все это - болтовня. Ничего из этих "надо" и "следует" не получится, поскольку в России воссоздан государственно-монополистический капитализм, который развивается по законам, вскрытыми Лениным, а не по реляциям президента и его команды. Углубление этого варианта развития на российской почве однажды ввергло Россию в первую мировую войну с последующим хаосом и тремя революциями. В современных условиях он ведет к неизбежному распаду России, к вымиранию русского населения, к расширению пропасти между богатыми и бедными, к обнищанию иванов и степанов и обогащению "строителей" капитализма любой национальности в России. И так будет продолжаться до тех пор, пока очередная революция не сметет нынешних правителей, не вернет Россию на путь социализма.

А пока нынешний правящий класс пребывает в нахальном самодовольстве. Ему действительно удалось оболванить немалую часть населения, создав у него иллюзию о возможностях улучшения их жизни и способности нынешних правителей защитить национальные интересы России. И все же судьба у этого класса не завидная. Помимо всего прочего и потому, что его элиту составляют некомпетентные, неграмотные люди, не способные даже сформулировать концепцию национальной безопасности страны. А впрочем, что ждать от временщиков?

Февраль 1998 г.

Каспийский регион - нарождающийся узел международных противоречий

1. Особенности геополитической ситуации в Каспийском регионе

Район Каспийского моря превращается в стратегическую зону глобального значения с весьма реальной перспективой превратиться в очаг международной напряженности по остроте, возможно, превосходящий Ближневосточный регион. На первый взгляд подобная перспектива вызвана громадными запасами углеводородного сырья, по оценкам, уступающим только Сибирским и Ближневосточным месторождениям. Действительно, для большинства стран и ТНК именно экономический фактор является главным стимулом вовлеченности в Каспийскую зону в целях доступа к новым источникам энергоресурсов (для одних - в силу экономической необходимости, для других - в целях ослабления односторонней зависимости от ближневосточной или российской нефти). В то же время существует группа стран, для которых значение данного региона не ограничивается чисто экономическими факторами, а представляет политический и военно-стратегический интерес.

Сверхостроту будущей ситуации в регионе придает ряд обстоятельств, который и определяет специфику района Каспийского моря в мировой политике. Среди них наиважнейшими являются следующие.

Первое. Регион становится зоной повышенного внимания одновременно Севера и Юга, Востока и Запада. За этими географическими названиями стоят такие страны или группы стран: с Севера - Россия, с Юга - страны Ближнего и Среднего Востока, включая Пакистан и Афганистан, с Востока - Япония и КНР, а также некоторые государства АСЕАН (в частности, Индонезия и Малайзия), с Запада - почти вся Европа, плюс США и Канада. Это редкий случай в мировой политике, когда в одной зоне одновременно перекрестились оси Север-Юг, Восток-Запад. Хотя уже более 30 государств и десятки ТНК вовлеклись в те или иные формы сотрудничества в реги-

оне, ситуацию в регионе будет определять небольшое количество государств, а точнее не больше пяти.

Второе. Специфику региону придает тот факт, что объектами "игры" являются бывшие советские республики Центральной Азии и Кавказа, рассчитывающие утвердиться в качестве полноправных независимых государств. Это крайне трудная задача, учитывая разрушенную и ослабленную экономику, а также неустоявшиеся общественно-политические системы, многие из которых исламизированы. Все вкупе делает их весьма податливыми в различного рода манипуляциях.

Третье. Особенность региона заключается и в том, что в силу геостратегического расположения в район Каспийского моря вовлечены две крупные региональные державы - Иран и Турция, находящиеся по разные стороны "баррикад" в отношениях с США. Первая - их стратегический противник, вторая - стратегический партнер по НАТО. И та, и другая страна стремится к региональной гегемонии как на Ближнем и Среднем Востоке, так и в районе Каспийского моря, используя, помимо всего прочего, различные варианты мусульманства. Тем самым, даже взаимоотношения между этими двумя государствами формируют один из сложных узлов противоречий в регионе.

Четвертое. Вовлеченность Японии и КНР в данную зону придает крайне сложный для анализа и прогнозов контекст всей совокупности взаимоотношений, особенно в четырехугольнике США-Россия-КНР-Япония.

Пятое. Хотя в **"игре"** на Каспийском плацдарме задействован весь Запад, основным игроком, без сомнения, есть и будут США. Причем, не сама по себе нефть и газ будут интересовать Вашингтон (это - скорее всего весьма удачный повод), а возможности вписать регион в зону своих национальных интересов для утверждения единоличной гегемонии.

Шестое. Для России, даже, может быть, в большей степени, чем для США, район Каспийского моря важен не столько с ресурсных позиций, сколько как район геостратегической значимости с точки зрения национальной безопасности на юге страны. Сверхважность этого направления становится очевидной, если учесть нашу стратегическую уязвимость на Дальнем Востоке в силу превосходящего военно-политического и экономического потенциала связки США-Япония, стратегической бреши на Севере (особенно после принятия

стран Прибалтии в члены НАТО) и на Западе - в связи с подступами НАТО непосредственно к границам России. Остается пока **"не закрытым"** южный фланг, т.е. Центральная Азия и Кавказ. Однако и здесь есть большая доля вероятности вскрытия этой линии безопасности, если не предпринять превентивные контрмеры.

В результате, главная особенность региона заключается в том, что почти все факторы, воздействующие на ход событий, работают против России. Следовательно, задача российской внешней политики сводится к тому, чтобы предотвратить надвигающийся слом линии безопасности на Юге или хотя бы нейтрализовать наиболее разрушительные факторы ущерба этой безопасности.

II. Характеристика политики прибрежных стран

Азербайджан.

Стратегическим интересом Азербайджана является утверждение себя в качестве независимого, прежде всего от России, регионального лидера во всей зоне Каспийского бассейна. Стимулом для подобных претензий являются не только запасы нефти, но и самое выгодное геостратегическое расположение Республики. В качестве инструмента реализации данной стратегии выступает взаимная заинтересованность вместе с США и их союзниками **"оторваться"** от России. Разработка нефтяных месторождений и вывод нефти на мировые рынки должны обеспечить экономический фактор независимости и процветания азербайджанской экономики. Хотя некоторые тактические действия Баку могут рассматриваться, а зачастую и рассматриваются в Москве, как отвечающие взаимным интересам, на самом же деле они не должны вводить в заблуждение. Подобные действия осуществляются или в силу экономической целесообразности на данный момент, или в силу тактической игры в интересах большой стратегии. Реальное отношение Азербайджана к России необходимо оценивать не по официальным речам Г. Алиева, а исходя из логики общей стратегии, которая не обязательно выносится на поверхность. Вместе с тем, антироссийскую направленность в действиях Азербайджана очень легко проследить по публикациям во внутренней печати. В частности, в газете **"Зеркало Баку"** (от 8 ноября 1997 г.) Россия прямо обвиняется в подготовке вооруженных групп, например, из националистического движения лезгинов

Садвал и союза российских мусульман, а также в манипулировании лидерами армянских секретных служб против Азербайджана.

Общая идея аналогичных статей и выступлений официальных лиц, особенно в моменты их нахождения за рубежом на Западе, прежде всего в США, заключается в демонстрации противодействия Москве в деле укрепления своей независимости и суверенитета.

Однако Азербайджан, попадая в эпицентр внимания многих стран, одновременно находится в самом сложном положении в том смысле, что ему крайне трудно выбрать оптимальное поведение или решение в условиях перекрестных интересов столь разнородных государств как США-Россия, Иран-Турция, Грузия-Армения и т. д. Слабость собственной экономики сковывает маневренность дипломатии Г. Алиева. В то же время следует ожидать, что при тупиковых или патовых ситуациях Азербайджан, в конечном счете, будет выбирать линию, отвечающую интересам США. И никто не должен питать иллюзий на этот счет.

Казахстан.

С осени 1997 г. Казахстан стал склоняться к азербайджанской модели “нефтяной дипломатии” с присущей ей антироссийской направленностью. Помимо общей идеи этой дипломатии - держаться подальше от России, у Казахстана есть одна особенность: ее китайский аспект. Именно “китайский фактор” делает взаимоотношения с США не столь однозначными, какими они складываются у Баку. Известно весьма настороженное отношение Вашингтона к “китайскому нефтепроводу”. Дело в том, что КНР купила контрольные пакеты акций (по 60%) двух крупных нефтедобывающих компаний - "Актюбинскнефть" (три нефтяных месторождения) и "Узеньмунайгаз" (крупнейшее в РК после Тенгизского месторождение углеводородов Узень). Тогда же было заявлено, что Китайская национальная нефтегазовая корпорация (КННК) заключила соглашение на строительство трубопровода Актюбинск-Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР с ответвлением на юг - в Иран (через Туркмению). Формально именно этот “иранский аппендикс” больше всего не нравится американцам. На самом деле “китайский контекст” не вписывается в общую стратегию безопасности США в данном регионе.

В отличие от Азербайджана, однозначно склонившегося к Западу, Казахстан находится в более сложном положении. Ему приходится играть с тремя стратегическими игроками: США, КНР и Россия. И здесь необходимо учитывать не только геополитику текущего дня, но и геостратегию наперед лет в 20-30. Неизвестно, какая конфигурация сложится к тому времени.

Туркменистан

Некоторое время Ашхабад занимал выжидательную позицию относительно транспортировки нефти и газа. После прекращения с марта 1997 г. поставок природного газа на Украину и Кавказ (по инициативе Газпрома) обсуждались различные варианты прокладки газопровода через Афганистан, Пакистан и Индию, а также через территории Ирана и Турции в Европу. Однако после того как "иранский путь" был заблокирован Вашингтоном, и в отсутствие инициатив из Москвы, Ашхабад принял решение действовать с опорой на Запад. Визит С. Ниязова в США (в конце апреля 1998 г.) положил конец колебаниям. Подписанные там 15 документов свидетельствуют о том, что отныне Туркменистан намерен полагаться и рассчитывать, прежде всего, на США. Дело не только в том, что туркменский президент согласился на рассмотрение в качестве возможного маршрута для газа через Азербайджан и Грузию, а также подписал соглашения о "стратегическом альянсе" с англо-американскими нефтяными компаниями. Главное в том, что С. Ниязов потерял веру в возможность и желание России плодотворно, не ущемляя интересов Туркмении, сотрудничать со своей бывшей республикой. Это послужило причиной постоянно повторяемой Ниязовым фразы о том, что "каждая независимая страна имеет право делать выбор маршрутов поставок и реализовывать свои национальные природные ресурсы". Другими словами, Россия фактически толкнула Туркмению на позиции Азербайджана и Казахстана относительно решения всей совокупности проблем по модели, наносящей ущерб национальным интересам России.

Иран

Позицию Ирана по широкому спектру проблем в районе Каспийского моря можно рассматривать как наиболее соответствующую национальным интересам России.

Иранские аналитики полагают, что ранее мирная международная обстановка вокруг Каспийского моря усложняется в результате "прямого или косвенного вовлечения внерегиональных держав, чьи особые "западные" перспективы отдают их специфическим ароматом"[79].

Тегеран в целом позитивно оценивает развитие своих отношений со всеми прикаспийскими государствами, отвергая приписываемые ему намерения навязать свой вариант "исламского фундаментализма". В раскрутке такого имиджа, считают в Иране, заинтересованы именно те державы, которые сами стремятся к внедрению в регион.

Тегеран полагает, что наличие громадных запасов нефти и газа (по его данным, они равны: нефть - 59,2 млрд баррелей, газ - 57,1 трлн куб м) требуют пересмотра правовых норм их эксплуатации, однако до этого необходимо придерживаться Ирано-Советских договоров 1921 и 1940 гг. Тем более, подчеркивают иранцы, что ООНовский документ от 6 октября 1994 г. подтвердил их действие до тех пор, пока не будут подписаны новые соглашения.

Иран подчеркивает, что поскольку члены Содружества, включая страны Центральной Азии и Кавказа, подтвердили Декабрьскую декларацию 1991 г., принятую в Алмати, значит они должны следовать всем соглашениям и договорам, подписанным бывшим СССР. Поэтому попытки разделить Каспийское море на множество территориальных зон или попытки прибрежных государств расширить свой территориальный суверенитет в море явятся нарушением международных правил, и поставят под угрозу коллективные интересы стран Каспийского моря.

Иран настоятельно требует совместных усилий по выработке новой законодательной базы для деятельности на Каспии, исходя из заботы о сохранении рыбных запасов, экологической чистоты и безопасности добычи нефти и газа. Причем постоянно оговаривается, что в этом процессе должны участвовать только прибрежные страны, поскольку вмешательство внерегиональных государств неизбежно осложнит выработку соответствующих документов.

Тегеран предлагает создать коллективный орган - Организацию по сотрудничеству в Каспийском море (The Caspian Sea Cooperation Organization - CASCO), которая должна работать над проблемами, ведущими, в частности, и к таким желательным результатам: 1) сдерживать гонку вооружения, 2) обеспечивать безопасность транс-

79 Amu Darya, v.1, № 2, Summer&Fall, 1996. - Internet.

портировки нефти и газа на базе контроля многосторонних сил, 3) рентабилизировать все расходы по добыче и транспортировке энергетических ресурсов.

Тегеран полагает, что район Каспийского моря должен сохранить статус демилитаризованной зоны в долгосрочной перспективе. В таком подходе, безусловно, заложена антиамериканская и антинатовская направленность внешней политики Ирана, однако она не может не быть оценена высоко, имея в виду намерения США через Турцию натоизировать регион.

Общая позиция Ирана заключается в том, чтобы все проблемы, связанные с развитием района Каспийского моря, предпочтительнее решать через международные организации типа предложенного CASCO, и/или Организацию экономического сотрудничества (Economic Cooperation Organization - ECO), куда входят 10 стран (Иран, Пакистан, Турция, Афганистан, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан).

Во множестве иранских публикаций подчеркивается, что введение доктрин "баланса сил" или "баланса интересов" в контекст международных отношений в районе Каспийского моря привнесет собой обычное соперничество не только между крупными державами, но и втянет в эти "игры" все государства региона. В качестве примера обычно приводится опыт Персидского залива и Средиземного моря.

Тегеран постоянно подчеркивает, что Ирано-Российские отношения являются фактором стабильности, помимо всего прочего, и потому, что Иран и Россия придерживаются "более или менее общих взглядов" на региональные проблемы. В этой связи обращается внимание на то, что многие западные обозреватели пытаются представить эти отношения как "соперничество в недавно рожденных республиках Центральной Азии". Как свидетельствует практика, такого типа "предсказания" не оправдались.

Что же касается эксплуатации нефти и газа, то для России и Ирана существует база для непротиворечивого сотрудничества. Имеется в виду, что Иран объективно заинтересован в строительстве сети транспортных путей как на Севере (т.е. на российской территории), а Россия заинтересована в строительстве аналогичных путей на юге (т.е. на иранской территории). Такая сеть позволит России через Центральную Азию выходить на Южную Азию, Китай, Японию и вообще на Дальний Восток, а также в зону Персид-

ского залива. В то же время Иран может воспользоваться северными путями для выхода на Север и в Европу.

Ясно, что в вышеизложенном подходе Ирана, с одной стороны, заложена антиамериканская направленность ее политики, с другой - забота о собственных национальных интересах. Объективно и тот, и другой аспекты совпадают с интересами России.

Проблема же заключается в том, что ни у Ирана, ни у России, ни у прикаспийских государств нет достаточных средств для реализации предлагаемых вариантов. А это в свою очередь снижает цену "иранской карты" для всех государств-реципиентов, озабоченных текущей политикой, направленной главным образом на "вышибание денег".

Однако для таких стран как Россия и Китай, которые волей-неволей втянуты в большую геостратегическую игру, Иран является одним из важнейших факторов, использование которого позволяет менять конфигурацию соотношения сил в отношениях как с Западом в целом, так и с США, в частности.

III. Основные интересы стран Запада и Китая

США - главная угроза национальным интересам России

Для всех должно быть очевидным, что США являются главным субъектом в регионе, деятельность которых ориентирована на формирование структурированной системы, соответствующей стратегическим интересам Вашингтона, которые однозначно формулируются в категориях мирового лидерства. В Докладе Совета национальной безопасности США "Стратегия национальной безопасности в новом веке" (май 1997 г.) сказано: в зону энергетической безопасности США "входит Каспийский бассейн с потенциалом нефтяных запасов в 200 млрд баррелей". Однако значение бассейна имеет более широкий контекст, на что четко указал сенатор Сэм Браунбэк: "США имеют колоссальные интересы в Каспийском бассейне, в странах Центральной Азии и Южного Кавказа, которые его окружают. Это - зона жизненной политической, экономической и социальной важности Соединенных Штатов"[80]. В рамках доктрины

80 Sam Brownback U.S. Economic and Strategic Interests in the Caspian Sea Region: Policies and Implications. - CASPIAN CROSSROADS MAGAZINE Volume 3, Issue No.2, Fall 1997. Internet. Кстати, Сэм Браунбэк - член сенатского Комитета по меж-

национальных интересов США термин "жизненно важный" по своей значимости уступает только термину "фундаментальные интересы". В аналогичном ключе значение Каспийского региона определяет другой конгрессмен - Марк Гейдж, обвиняющий Москву "в манипулировании новыми независимыми странами в Средней Азии, пытаясь подвязать их к энергетическому экспорту через трубы, контролируемые Россией"[81].

В 1997 г. тема Каспийского региона попадает в такой важный документ как "Трансформация обороны национальной безопасности в 21 веке" (декабрь 1997 г.), подготовленный группой высокопоставленных специалистов по национальной обороне в дополнение и в развитие Доклада У. Коэна "4-й оборонный план" (май 1997 г.). В порядке дополнения к докладу Коэна, авторы документа предлагали внести следующее: "Географические реальности предъявляют большие требования к потенциальным возможностям силы. Например, поскольку нефтяные и газовые месторождения в Центральной Азии обладают стратегической ценностью, нам необходимо запланировать использования силы на больших расстояниях, значительно дальше от берегов и существующих баз"[82]. Предложение: в рамках Объединенного командования предлагается создать "Центральное командование, сфокусированное на нефтяных источниках Персидского залива и Каспийского моря, и которые должны расшириться за счет включения в зону его ответственности Туркменистана, Узбекистана, Казахстана, Киргизии и Таджикистана"[83].

Таким образом, абстрактно-теоретические разговоры о значимости региона в начале 90-х годов перешли на уровень реальной экономической политики середины 90-х годов. И точно также теоретические разговоры о военно-стратегической значимости региона конца 90-х годов перейдут в практическую военную политику США в первой декаде следующего века.

В настоящее время осуществляется обкатка политических, военных и стратегических аспектов значимости региона, которую ведут

дународным отношениям, а также подкомитета по внешнеэкономической политике, экспорту и торговле.

81 Mark Gage. Heritage Lectures, #607, April 6, 1998. - Internet.

82 Transforming Defense. National Security in the 21st Century. Report of the National Defense Panel. Wash.D.C. December 1997, p.13.

83 Ibid., p.73.

профессиональные специалисты по указанным проблемам в наиболее значимых американских центрах, университетах и институтах. Сам список вовлеченных говорит сам за себя. Это - Фонд наследия, Рэнд Корпорэйшн, Центр национальной безопасности Хадсоновского института (Вашингтон), Институт национальной стратегии Университета национальной обороны, Совет национальной безопасности (Белый дом), Совет национальной обороны (Пентагон), Центр по международной безопасности и контролю за разоружением (Стэндфордский университет), Центр политической безопасности (Вашингтон) и т.д.

Усилиями прикаспийских активистов начали издаваться специализированные журналы по проблемам Каспийского региона, среди них журнал “Каспийский перекресток”, “Каспийское обозрение” и др., в которых обкатываются те или иные идеи освоения региона, почти все имеющие антироссийскую заостренность.

В набирающее силу “прикаспийское ядро” входят весьма авторитетные в прошлом и настоящем деятели Америки, многие из которых имели и имеют отношение к военным, военно-политическим и военно-стратегическим структурам США. К примеру, в это “ядро” входят: бывшие министры обороны Дик Чейни и Уильям Перри, бывший начальник штаба Джон Сунуну (при Буше), недавний помощник Клинтона по вопросам СНГ Койт Блэккер, бывший министр финансов Ллойд Бенстен, упоминавшийся сенатор Сэм Браунбэк и конгрессмен Марк Гейдж, известный Зб. Бжезинский, группа высокопоставленных сотрудников ЦРУ и др.

Необходимо так же иметь в виду, что “куратором” каспийского направления во внешней политике США является вице-президент А. Гор. Следовательно, в случае его победы на последующих президентских выборах (по оценкам некоторых экспертов, у него весьма большие шансы стать следующим президентом) Каспийский блок станет ключевым звеном в стратегии США в начале следующего века.

Какие же цели и задачи ставят США в районе Каспийского моря?

Естественно, различными кругами они определяются поразному, но объединяет их всех одна стратегическая идея, многократно озвученная Клинтоном, - закрепить нынешнее лидерство США в мире, в том числе и в Каспийском регионе. Наиболее лако-

нично для данного региона эти цели сформулировал сенатор С. Браунбэк: содействовать тому, чтобы "государства Каспийского бассейна стали сильными, независимыми, жизнеспособные экономически и суверенны политически"[84]. Для чего это надо США? Сенатор отвечает:

Во-первых, эти страны являются главной сдерживающей силой против распространения Ираном в северном направлении антизападного экстремизма.

Во-вторых, принимая во внимание объемы запасов нефти стоимостью в 4 трлн долл., инвестиции США в этот регион могут ослабить зависимость страны от импорта из неспокойного Персидского залива и могут стать альтернативой иранским источникам нефти.

В-третьих, усиление рыночной экономики вблизи России и Китая смогут положительно повлиять на эти две страны на их каменистом пути к свободе (считается, что у нас с КНР этих свобод не существует - О.А.).

В-четвертых, эти страны, многие из которых способны обладать ядерным оружием, находятся на переднем крае в деле распространения оружия массового разрушения.

В-пятых, этот регион дает возможность распространить свободу и идеи демократии, что позволит им после многих лет борьбы с коммунизмом установить демократические правительства и создать условия для развития плюралистических обществ, включая религиозную терпимость.

Обращает на себя внимание то, что только один пункт имеет непосредственное отношение к экономике. Все остальное - политика и "война".

Более уточненный список целей приведен в работе Поля Хенца (в соавторстве с Эндерсом Уимбашем), возглавляющим Рабочую группу по национальностям внутри СНБ. Среди них красноречивыми являются следующие цели США:

- помогать новым государствам Центральной Азии сформировать свои политические системы и экономики, обращая особое внимание на Узбекистан и Казахстан;

- содействовать восточно-западной экономической интеграции региона от Черного моря до Китая. Включить в это интеграционное пространство Россию как равную, но не привилегированную

84 Sam Brownback. Ibid.

неоимпериалистическую державу. Россия должна очень сильно потрудиться в деле развития нового типа отношений в регионе.

- признать роль "Кавказа" как энергетического запасника в 21 веке, помочь Азербайджану в эксплуатации нефти и газа и поддержать Грузию в качестве главного транспортного пути по перекачке нефти на мировой рынок из Азербайджана и Центральной Азии;

- скоординировать американские отношения с Арменией таким образом, чтобы они вписались в американские стратегические цели и реальные национальные интересы[85].

В еще более откровенной и резкой антироссийской форме цели США определяются представителями Фонда наследия, которые предлагают рассматривать "российское государство" как "угрозу Соединенным Штатам, Западу и самому русскому народу". Эта идея прозвучала в выступлении одного из ведущих специалистов Фонда - Ариеля Коэна - на конференции, организованной Фондом в январе 1998 г., в которой принимали участие такие официальные лица, как Стефан Сестанович[86], конгрессмен М. Гейдж и другие ведущие эксперты США.

Конечно, надо учитывать, что на данный момент на официальном уровне Россия не рассматривается в качестве "стратегического врага", поскольку в стратегии безопасности США в XXI веке России уготовлена ординарная роль "средней страны". Но в случае ее претензий на особый статус, она тут же переходит в разряд "rogue state", что на американском политическом жаргоне означает враждебное для США государство типа Ирака, Ливии, Ирана и им подобных.

Начавшееся переосмысление роли и места России в мире происходит под влиянием полного разочарования нынешней властью осуществить демократические реформы при одновременных попытках претендовать на один из полюсов многополярного мира - концепция, рассматриваемая как враждебная стратегии США на сохранение и утверждение единоличного лидерства в мире. Все это дает основание американцам занимать более четко выраженную

85 Paul B. Henze and S. Enders Wimbush. AMERICAN MIDDLE EAST POLICY: THE NEED FOR NEW THINKING CASPIAN CROSSROADS MAGAZINE Volume 2, Issue No.3, Winter 1997. Internet.

86 Стефан Сестанович - чрезвычайный посол и специальный советник М. Олбрайт по новым независимым государствам в Госдепартаменте США.

антироссийскую линию по всем азимутам мировой политики, в том числе и в районе Каспийского моря.

Если суммировать все цели США, определенные в официальных и академических материалах, то они, в конечном счете, сводятся к следующим немногочисленным задачам:

- используя заинтересованность стран Центральной Азии и Кавказа в привлечении иностранных инвестиций, взять под контроль их экономики и политику, одновременно готовя почву для встраивания этих государств в свою систему безопасности, возможно, и через механизм НАТО;

- свести до минимума "российский фактор" в регионе, игнорируя экономические и военно-стратегические интересы России;

- использовать доминирование США в регионе для манипулирования странами Центральной Азии и Кавказа против влияния Ирана и Ирака.

Американцы прекрасно отдают себе отчет в подлинных целях и действиях России в регионе. Они вместе с тем уверены, что Россия не в состоянии реализовать свои цели по следующим причинам.

Во-первых, у России просто нет ни финансовых, ни экономических возможностей в целом реализовать свои цели.

Во-вторых, в недрах российской политической и экономической элиты существуют группы, отстаивающие собственные интересы, не совпадающие с общими национальными интересами российского государства, что облегчает "игру" США за доминирование в регионе.

В-третьих, они крайне низко оценивают способность нынешнего руководства в принципе реализовать те или иные задачи или уже существующие договоренности со странами Прикаспия, ссылаясь при этом на результаты реформ за последние 5-6 лет.

Как совершенно справедливо отмечает бывший высокопоставленный сотрудник ЦРУ (отвечавший за Ближний Восток и Южную Азию), а ныне работник Рэнд Корпорэйшн Грэхом Фуллер, "российская тактика, особенно в Каспийском регионе, сработана плохо и возможности у России здесь уменьшаются"[87].

В качестве примера они приводят также высказывания, суждения и оценки российской стороны о перспективах строительства

87 Graham Fuller. Geopolitical Dynamics of the Caspian Region. - CASPIAN CROSSROADS MAGAZINE, v.3, #2, Fall 1997. - Internet.

нефтепровода Баку-Грузия-Джейхан, из которых следовало, что это невозможно в силу дороговизны, нерентабельности и т д. Принципиальная договоренность Азербайджана, Грузии и Турции (апрель 1998 г.) о выборе именно этого пути по прокачке основной массы нефти опровергла российские прогнозы и одновременно показала, сколь далеки от реальности взгляды российской стороны на ситуацию в данном регионе. Такой просчет свидетельствует о том, что в российских кругах не понимают одной вещи: главное в американской стратегии - не экономические интересы, а именно стратегические. США готовы заплатить любую цену ради утверждения своего лидерства в регионе.

Китай.

Хотя основные геостратегические "игры" в XXI веке КНР будет вести в Восточной Азии, тем не менее, интересы экономической, даже скорее энергетической, безопасности предполагают более глубокое втягивание этой страны в районы Ближнего Востока и Каспийского моря. Причем в первом случае в силу уже утвердившихся отношений Китай оказался в связке с Ираном и Ираком, т.е. со стратегическими противниками США. Не случайно последние рассматривают КНР как одну из дестабилизирующих факторов в регионе. Глубокое втягивание Пекина в казахскую нефть, а в перспективе, не исключено, и в туркменский газ, превращают данное направление для Китая в стратегически значимое из-за планируемого резкого увеличения энергопотребностей, как следствие динамично развивающейся китайской экономики. Все это ведет к тому, что КНР явится одной из основных игроков в районе Каспийского моря, интересы которого фактически не совпадают ни с одной внерегиональной страной. Китай, оттягивающий нефть на себя и действительно заинтересованный в ее добыче, представляет конкуренцию западным компаниям, но окажется союзником Японии, которая может использовать нефтепроводы, идущие на Китай, для перекачки собственной доли нефти. На этой почве возникают весьма сложные отношения в четырехугольнике КНР-США (Запад)-Япония-Россия, например, за заказы по строительству самого нефтепровода, финансируемые КНР. В наибольшем выигрыше оказывается Казахстан и другие сопричастные к проекту страны Центральной Азии. Это один из самых сложных узлов взаимоотношений, на который будут

накладываться после ядерных взрывов в Индии индийский и пакистанский факторы.

К какой стороне склонятся Казахстан и Китай, зависит от степени стратегической близости этих двух стран с Россией и Западом. И хотя с коммерческой точки зрения выбор очевиден, но он не столь очевиден с позиции политических и геостратегических перспектив.

Дипломатическое искусство России как раз и состоит в том, чтобы убедить Казахстан учитывать общие долгосрочные геостратегические интересы обеих стран, а не сиюминутные выгоды. Анализ этого узла осложняется тем, что Китай ведет стратагемную игру, рассчитанную, как минимум на 50 лет, в которой США однозначно являются его стратегическим противником. Данный блок взаимоотношений настолько сложен, что даже официальный Вашингтон не может однозначно определить позицию в отношении КНР на каспийском участке, поскольку не в состоянии оценить ни характер ущерба, ни суть выгод от наличия китайского фактора в данном регионе.

IV. Основные интересы неприбрежных стран Каспийского региона

Грузия.

Позиция Грузии объективно однозначно противоречит интересам России. Она заинтересована в прохождение нефтепровода по грузинской территории в сторону Турции, укреплении тесных связей со странами Запада, особенно с США, в выводе российских войск из Абхазии. Об этом часто пишут грузинские авторы на страницах журнала “Каспийский перекресток”, где они обвиняют Россию во всех неурядицах на Кавказе. Особо следует отметить, что впервые между Турцией и Грузией прошли совместные военные учения “Кавказская Амазония-98” в акватории черноморских портов Поти и Батуми. Они проходили в рамках подписанного 15 апреля 1998 г. в Тбилиси “Меморандума о взаимопонимании в вопросах военного сотрудничества между Минобороны Грузии и Генштабом ВС Турции”. В этом меморандуме была зафиксирована идея “стратегического” военного партнерства между Тбилиси и Стамбулом. И это только начало. Следует ожидать, что в недалеком времени США при согласии Турции и Грузии начнут размещать на постоянной

основе в Черном море свои военные корабли, а также эскадрилью военно-транспортных самолетов на одном из аэродромов Грузии.

Это первые ласточки, извещающие о том, что Грузия будет одной из первых кавказских стран-претендентов на членство в НАТО.

Турция

До некоторого времени Турция находилась как бы на задворках западного альянса, хотя она и является членом НАТО. Европейцы в особенности с большим подозрением относились к этому союзнику, который к тому же имеет "печальную" историю демократии в своей стране. Ситуация изменилась после развала СССР и возникновения нефтяного бума в Центральной Азии и на Кавказе. Эти события значительно повысили ценность Турции в нарождающейся геостратегической игре, прежде всего, в глазах США.

Известно, что Турция, несмотря на свое мусульманство, является светским государством (церковь отделена от государства), т.е. является моделью, которая сознательно противопоставляется исламскому фундаментализму Ирана. В Вашингтоне хорошо понимают, что если влияние Ирана на страны Центральной Азии и в Азербайджане может нести антиамериканские настроения, то влияние Турции, наоборот, разрушая местный фундаментализм, привносит прозападные модели развития. В США не случайно заговорили о том, что "Турции необходимо сыграть этническую (=мусульманскую) роль", лишенную антиамериканизма.

Надо иметь в виду также и то, что, несмотря на историческую трагедию 1915 г., у Турции налажены относительно конструктивные отношения с той же Арменией, которые, правда, могут быть разрушены в любой момент из-за поддержки Стамбулом Баку в Карабахском вопросе.

Однако более фундаментально Турция развивает отношения с Грузией, что облегчает им сотрудничество в строительстве нефтепроводов, пролегающих по территориям указанных стран, например, до той же Супсы, а оттуда по железной дороге в Центральную Анатолию. А это опять же отсекает Иран и Россию от "большой" нефти.

Влияние Турции на события начинает ощущаться в реальной политике. Напомню, в сентября 1995 г., когда обсуждался вопрос перегонки "ранней нефти" из Азербайджана, тогдашний премьер-министр Турции, госпожа Тансик Чиллер угрожающе заявила ба-

кинским эмиссарам: "Ни одна капля нефти не пройдет через Босфор, если Турция проиграет конкурс за раннюю нефть азербайджанского нефтяного проекта"[88]. В ответ AIOC пошел на компромисс: разделил 5 млн т нефти (предполагаемые поставки в год) на две части: одну часть решили пропускать через Россию, другую - через Грузию при спонсорстве Турции. Такое решение было объявлено, как "великая победа турецко-американской дипломатии" (там же).

Усиление значимости Турции подтверждается и тем фактом, что по ее инициативе в 1992 г. была создана Организация экономического сотрудничества на Черном море (the Black Sea Economic Cooperation Organization), куда вошли Турция, Россия, Азербайджан, Армения, Грузия, Украина, Болгария, Румыния, Албания, Греция. Хотя перечень стран не вселяет оптимизма в способность этой организации решать какие-либо серьезные проблемы (все они находятся в состоянии экономического кризиса), однако сам факт ее формирования играет на усиление престижа Турции.

После принципиальной договоренности с Баку о прокладке трубопровода до Джейхана в апреле 1998 г. следует признать, что Турция становится ключевым “игроком” в борьбе за каспийскую нефть. Но именно этот фактор может вызвать консолидацию всех антитурецких сил в регионе, причем и на территории самой Турции, активизируя, например, борьбу курдов за независимость.

Другими словами, тенденция усиления роли Турции в регионе в соответствии с законом силы в международных отношениях неизбежно будет вести к перераспределению сфер влияния, обычно оборачивающихся военными столкновениями с другими субъектами региона. Речь идет не только об арабах и персах, но и о Кипре и Греции.

V. Складывание нового международного узла противоречий

Ажиотаж вокруг энергетических ресурсов Каспийского моря дал толчок для формирования военно-политического узла противоречий, создающего одну из опасных конфликтных зон в мировой политике, которая уже получила международное название - *южная*

88 The Financial Times, Sept. 13, 1995.

дуга нестабильности. В принципе уже не имеет значения реальный или перспективный энергетический ресурс региона. Важен повод. Особенно для США. Не случайно ЦРУ, также как и министерство энергетики США для того, чтобы обосновать "стратегическую важность региона" для безопасности США постоянно завышают реальные запасы углеводорода в Каспийской зоне. На самом деле, по уточненным данным, они значительно меньше пропагандируемых лидерами стран Центральной Азии и Кавказа, а кроме того, и трудно реализуемые с точки зрения их освоения и транспортировки[89]. Но, повторяю, важны не запасы, а зацепка для расширения зоны влияния США на мировой арене.

Действия основных акторов в регионе ведут к оформлению блоковой конфигурации в прикаспийской зоне мировой политики. По мнению одних, на одной стороне сгруппируются Россия, Иран, Армения и, возможно, Туркменистан, на другой - США, Турция, Азербайджан, Грузия и все более склоняющийся к ним Казахстан[90]. По мнению других, Россия, Армения, Иран, Пакистан, Болгария будут противостоять Турции, Азербайджану, Казахстану и Грузии, опирающихся на поддержку США и Запада[91]. В данном случае не важно, какая конфигурация сложится в реальности. Главное то, что начался процесс выявления союзников и противников в грядущей конфронтации. Причем специфика данного региона состоит в том, что если военные столкновения в Персидском заливе не препятствовали добыче нефти и насыщению ею капиталистического рынка, то в районе Каспийского моря аналогичные столкновения окажут самое негативное влияние на хозяйственную деятельность прикаспийских стран. Главным образом потому, что два основных стратегических противника, США и Россия, объективно, хотя и по разным причинам, более заинтересованы в замораживании всех проектов, нежели в их реализации. Столь же объективно на эту тенденцию будут работать и политико-экономическая нестабильность в самих странах Прикаспия. Необходимо учитывать и такой немаловажный фактор как этнические и религиозные противоречия

89 Об этом см. серию статей под названием "Блеф". - Expert, May 18, 1998.
90 См.: НГ-Содружество, 22 апреля 1998 г.
91 Larisa Ruban. Growing Instability in the North Caucasus: A Major Threat to Russian Regional Security. - CASPIAN CROSSROADS MAGAZINE, v.3, #2, Fall 1997. - Internet.

между Азербайджаном и Арменией, Азербайджаном и Ираном, Арменией и Турцией. Как уже говорилось, весьма сложный клубок противоречий закрутится между КНР-США-Россией в зоне Казахстана и провинции Синьцзян.

В какой-то момент все названные факторы будут в большей степени определять ситуацию в регионе, чем причина - энергетические ресурсы - породившая их. В этой связи необходимо помнить, что война США во Вьетнаме и наше "вхождение" в Афганистан были вызваны намерениями держать под контролем нефтяные шельфы Южного Вьетнама и энергетические и минеральные ресурсы Афганистана.

VI. Разработка комплекса мер по защите приоритетных интересов России в регионе.

Прежде всего, необходимо выработать общую стратегию внешней политики в Каспийском регионе как часть Доктрины национальных интересов и безопасности России в XXI веке. Иначе, политика Российской Федерации сохранит нынешние черты хаотичности, инертности и межведомственной несогласованности.

В рамках этой Стратегии необходимо четко указать, что Каспийский регион представляет для России зону национальных интересов, которые будут защищаться всем арсеналом политики национальной безопасности, вплоть до применения военных средств.

Стратегия должна состоять из трех крупных блоков: экономика, политика и безопасность. В каждом из этих блоков оговариваются интересы России, цели, угрозы, меры их пресечения и желаемые результаты.

На базе этой Стратегии формируется механизм реализации поставленных целей с четким указанием *ответственности* конкретной организации за выполнение конкретной цели.

Поведение России на других участках международной деятельности не должно противоречить стратегическому курсу в районе Каспийского моря. Нельзя, например, одновременно, поставлять оружие Кипру и "ублажать" премьер-министра Турции "приманками" экономического сотрудничества; разрабатывать проект газопровода по дну Черного моря до той же Турции и вместе с тем вы-

ступать против прокладки нефтепровода по дну Каспийского моря. Другими словами, надо четко для себя уяснить, кто является стратегическим союзником России, а кто является стратегическим противником. Попытки “ладить со всеми” всегда в мировой политике оборачивались провалом. Поэтому с учетом нынешней реальности необходимо придерживаться ясной позиции относительно Азербайджана и Армении, активизировать “иранское” направление, попытаться перехватить инициативу в Казахстане и еще не совсем потерянном Туркменистане. Проводить жесткую линию на военное доминирование в Каспийском море.

Российское руководство должно понимать, что в системе капитализма нет взаимовыгодных интересов между слабыми и сильными государствами. *Сильный* всегда выжимает максимум возможного из *слабого*. Этому учит мировая практика, особенно практика внешней политики США.

Март 1998 г.

В капкане "Евразии"

Идеи евразийства в настоящее время раскручиваются с двух противоположных позиций. С американской она подвергается атаке со стороны некоторых международников, прежде всего З. Бжезинского, как некой концепции, противоречащей национальным интересам США. С российской стороны, напротив, ее отстаивает группа ученых, которая усматривает в ней своего рода новую идеологию, способную объединить Россию и заодно спасти весь мир. Причем, если в США идея евразийства мало кого волнует за исключением ее приверженцев, то в России она вызывает ожесточенные дискуссии, представленные, например, в сборнике Фонда Горбачева, который вел исследовательский проект "Загадки Евразии: Россия в формирующейся глобальной системе"[92]. Поскольку идеи Евразии, так или иначе, смыкаются с политикой России в Восточной Азии, есть смысл проанализировать, что они из себя представляют. В качестве основных протагонистов возьмем З. Бжезинского и М.Л. Титаренко. Последний дает к этому повод своей книгой "Россия лицом к Азии" (М.: Республика, 1998), воспринятая многими как апология евразийства. С нее и начнем.

Еслибизм по-титаренковски

Следует сразу же оговорить, что книга не является научным трактатом, а представляет собой сборник докладов, прочитанных на международных конференциях. Признаком не научности этой работы служит отсутствие понятийного аппарата и даже терминологической четкости. Автор, например, уравнивает такие явления как АТЭС с ЕЭС и ВТО (с.63), основными странами СВА являются у него Китай, Япония и США (!) (это все равно, что сказать будто, к примеру, основными странами Африки являются ЮАР, Нигерия и США) и т.д. Другими словами, - это сборник политических речей, нацеленных на пропаганду некоторых идей, прежде всего, идеи евразийства. Повторяю, поскольку эти идеи являются популярными в некоторых академических кругах России, рассмотрим, как она представляется одному из ее идеологов.

92 См.: Россия в Евразии. Москва: "Апрель-88", 1998.

М.Л. Титаренко объявляет "новую Евразию" (есть еще "старое" евразийство 20-х годов, есть еще "старее" - второй половины 19 века) "новой парадигмой". Он объявляет: "Евразийство - это предвестник основы будущего нового мирового порядка планетарных межцивилизационных отношений, обеспечивающих экологию культур и цивилизаций, сохранение этнического и цивилизационного многообразия" (с.24). Далее: *"...евразийство может стать не только идеологией российского обновления, новой парадигмой возрождения России, но и дать пример новых идей межцивилизационных отношений в постиндустриальном, информационном обществе (курс. Титаренко).*

Новое евразийство позволяет не только укрепить внутреннюю идентичность национального самосознания русского народа, но и гарантировать бесконфликтность межцивилизационных отношений сотрудничества между всеми народами и их культурами на просторах России, а также углубление культурного сотрудничества и взаимодействия с проживающими в других странах соотечественниками, обеспечив их цивилизационную идентичность" (сс. 26-27).

Честно говоря, подобные пассажи напоминает мне международные разделы очередного отчетного доклада ЦК КПСС, безопеляционно утверждавших, что советское общество идет в авангарде всего человечества, посему соотношение сил в мире неуклонно меняется в пользу сил социализма, мира и прогресса.

В каких заоблачных высотах надо витать, чтобы не видеть, что нынешняя Россия демонстрирует явления прямо противоположные тому, что декларирует Титаренко. Как может страна дать пример "новых идей межцивилизационных отношений в постиндустриальном, информационном обществе", если она сама скатилась в доиндустриальную эпоху, Итернетом пользуется горстка людей, а большая часть населения не имеет даже компьютера. О каком углублении культурного сотрудничества с проживающими в других странах соотечественниками можно говорить, когда государство не может профинансировать культуру в собственной стране, не говоря уже о том, что не может договориться с народами, проживающими на территории самой России, например, с чеченцами. И т.д. и т.п.

Какой фантазией надо обладать, чтобы написать такое: "Близость и определенное родство российского евразийства с цивилизационными системами ценностей Китая, Японии и Кореи, а также США создают в перспективе широкие благоприятные предпосылки

для многостороннего сотрудничества и медиаторской роли России в преодолении политических, экономических и межцивилизационных трений, которые, судя по всему, неизбежно будут нарастать и порой приобретать острый характер в связи с борьбой за гегемонию и лидерство в АТР между США, Японией и Китаем" (с.75). Кому, спрашивается, нужна эта "медиаторская" (почему, кстати, не написать "посредническая"?) роль России, которая не может справиться со своими экономическими и этническими проблемами, не выполняя таких элементарных функций, как выплата зарплаты своим бюджетникам.

В таком же ключе автор расписывает благости для России от реализации проектов по Тумангану и "Кольцо Японского моря", которые и через 10 лет после их возникновения продолжают находиться в состоянии обсуждения и споров.

М. Титаренко может возразить: да, сейчас все это утопия, но вот если мы примем на вооружение концепцию евразийства, то все это может оказаться реальностью. Сделаем такое допущение. Возникает только один вопрос: а что же такое это евразийство?

Читая рассуждения сторонников Евразии (например, Б.С. Ерасова, Г.А. Югая, А.А. Язьковой и многих других), я так и не понял, что это такое. Может быть, г. Титаренко поможет?

По его мнению, евразийство - это идеология, которая "может объединить под общим знаменем и правых, и левых, и прогрессистов, и консерваторов" (с.15). Далее следует, что она, эта евразийская идеология, может абсолютно все. Такой сверхуниверсальной идеологии мир действительно еще не видел. В чем ее такое всесильное волшебство? Оказывается, в национальном характере русской нации, вбирающей в себя "соборность, доброту, чуткость к горю других, готовность поделиться последним" (с.19)93. Что ж, в корнях русского народа, не исключено (хотя я сильно сомневаюсь),

93 М. Титаренко не бесполезно было бы прочитать хотя бы несколько книг авторов с Запада, которому он предлагает строить "евразийский мост". В частности, книгу Даниеля Ранкора-Лаферьера - одного из редких американских авторов, в тонкостях знающего русский язык и много общавшегося с русскими. Он на основе тщательного изучения трудов российских мыслителей и писателей дает совершенно противоположную оценку национальным чертам "русского народа", главная характеристика которого фиксируется в названии работы. - Daniel Rancour-Laferriere. The Slave Soul of Russia. Moral Masochism and the Cult of Suffering. NY and London: New York University Press, 1995.

подобные качества еще сохранились. Но я их что-то не замечал у находящихся у власти политиков, олигархов, гос. бюрократов, в том числе и у самого автора названных слов. А посему у меня создается такое ощущение, что вряд ли можно примирить и объединить миллионы людей с ельцинистами-березовцами, голодных шахтеров и учителей с "новыми русскими". Но в любом случае, причем здесь евразийство?

У М. Титаренко, как и у его приверженцев, постоянным рефреном звучит тезис о том, что мы, русские, дескать, слишком зациклились на Европе, при этом игнорируя азиатскую культуру. Он даже книгу назвал - Россия лицом к Азии. Раз так, то получается, что, мы должны повернуться к Европе задом, если все-таки признать, что у России одно лицо, а не два.

На самом деле, мы эту Азию никогда не игнорировали и о ней знаем ничуть не меньше, чем азиаты о нас. Но опять же, причем здесь евразийство? Любая культура формируется под воздействием влияния и Запада, и Востока. Но оттого, что те же японцы переняли немало элементов европейско-американской культуры, это не сделало их евразийцами, или турок, перенявших немало у Европы, тоже не превратило в евразийцев. Они как были, так и остались японцами и турками. Почему же нам, русским, надо превращаться в евразийцев?

Я согласен, что у России - особый путь, но чем мне помогает замена слова российский на евразийский?

М. Титаренко постоянно сетует, что мы еще экономически "не интегрированы в АТР", а слишком обращены на Европу. И это, дескать, тоже отдаляет нас от Азии. А для того, чтобы быть настоящими евразийцами нам надо скорее интегрироваться в этот мифический "АТР".

Действительно, в "АТР" мы не интегрированы и не интегрированы даже в СВА. И я выскажу крамольную для евразийцев мысль, что никогда и не будем интегрированы. Не потому, что мы игнорируем эти регионы, а потому что наши восточно-азиатские пространства не приспособлены для воспроизводства нормальной жизнедеятельности человека. Точно также, между прочим, как и северные территории Канады, которые не интегрированы не только в Азию или в Америку, но даже и в собственную экономику на юге. Если бы М. Титаренко не поленился или догадался проанализировать уровни хотя бы наших торговых связей Азии лет за двести (я

уж не говорю о связях интеграционного типа), он обнаружил бы удивительные вещи. Сделаем это за него.

Для начала современность. В 1997 г. на Восточную Азию падало всего лишь около 10% российского экспорта и около 6% импорта, в то время как доля только одной европейской страны - Германии - в экспорте России была равна 7,8%, а в импорте - 12,7%. Если же брать всю Европу, то эти доли превысят 70 и 80% соответственно. Более того, динамика развития торговли за последние не то что 15-20 лет, а за последние 200 лет не подтверждает пустопорожних утверждений, что "Азия" или ныне модный "АТР" занимают "все более весомое место в российской торговле". Не занимают и занимать не будут.

Напомню, что в 1802-1804 гг. (когда начался статистический учет внешней торговли России) на Азию (в то время под Азией понималась Средняя Азия и Персия) приходилось 10% экспорта и 17% импорта. К 1897 г. эти пропорции изменились в таких соотношениях: экспорт - 10,5%, импорт - 11%. То есть доля импорта даже упала за счет Европы и частично Америки[94]. Россия в силу множества причин была, есть и будет устремлена на Европу. Переломать эту устойчивую тенденцию можно было бы только в одном случае - сделать РДВ местом бурной экономической активности, наподобие Калифорнии. В ближайшем столетье этого, однако, не произойдет по самым прозаическим причинам: географии и климата, а отсюда и демографии. И плюс масса других причин, фактически являющихся следствием названных.

Можно и дальше продолжать критику евразийства в титаренковском исполнении, но в этом нет никакого смысла, поскольку он, несмотря на обилие слов вокруг этого выражения, так и не дал определения, что это такое. Такая таинственность, правда, присуща всем российским евразийцам. А это вынуждает меня сделать вывод о том, что евразийство по-российски - это еще один вариант еслибизма, т.е. очередная химера или фантом, или даже гадание на кофейной гуще, приносящая некоторые дивиденды ее сторонникам (точно также, как и астрологам и всяческим гадальщикам), но не имеющая ни практического, ни тем более научного содержания.

---

94 См. Россия: Энциклопедический словарь (на базе Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (тома 54 и 55). Л.:Лениздат, 1991, с. 329.

Евразийство по-бжезинскому и ответ Ю. Батурина и О. Доброчеева

В отличие от М. Титаренко З. Бжезинский в своих геостратегических построениях работает с термином Евразия на понятийном уровне, тем самым как бы претендуя на научность. Посмотрим, что у него из этого получилось. Но сначала небольшая предыстория.

В "НГ" (от 24.10.97) была перепечатана одна из статей З. Бжезинского ("Геостратегия для Евразии"), которая, несмотря на русофобский характер, не вызвала полемических ответов со стороны российских политологов-международников. И в этом нет ничего удивительного, поскольку откровениям американца по поводу неизбежной гегемонии США и незавидной участи России, по крайней мере, в обозримой перспективе, действительно нечего противопоставить. Более того, директор Института США и Канады, Сергей Рогов, в обширной статье, опубликованной в НГ-сценарии (№ 3, 1998) квалифицированно, на цифрах, подтвердил обоснованность геостратегического видения З. Бжезинского в части, касающейся России. В еще более научной форме это сделали Ю. Батурин и О. Доброчеев на основе "физического и макросоциального подхода", кстати сказать, метода, становящегося весьма популярным в России и известного в США как Теория сложности (The Theory of Complexity). Однако этот же метод позволил нашим ученым не согласиться с З. Бжезинским относительно будущего России "в долгосрочной перспективе", и поэтому их статью можно рассматривать как вариант полемики с американским политологом[95]. Полемический ответ Батурина и Доброчеева страдает тем же еслибизмом, хотя и в более наукообразной форме, чем это представлено у М. Титаренко.

Дело в том, что хотя Бжезинский и Батурин с Доброчеевым пользуются различными методами анализа, они прибегают к одинаковым ключевым терминам, т.е. играют на одном и том же понятийном поле. Я имею в виду главный термин, вынесенный в заглавия статей - Евразия и евразийская геополитика. Известно, что термин “Евразия” является одним из основных понятий "геополити-

95 Юрий Батурин, Олег Доброчеев. Россия - связующее звено Евразии и мира. НГ-сценарии, май 13б 1998. В тексте также использован первый, рукописный, вариант данной статьи, переданный мне Ю. Батуриным для ознакомления.

ки", ставшей весьма модной, почти научной дисциплиной в современной России. У меня нет намерений критиковать "геополитику" (в ней, конечно же, есть рациональные зерна), но я хочу сконцентрироваться на понятиях "Евразия и евразийство", с которых начинает свои прогностические рассуждения З. Бжезинский и которые являются отправной точкой "физического метода анализа" наших исследователей.

Евразия: фантом или реальность?

Так что же такое "Евразия"? З. Бжезинский пишет: "Евразия - это континент, на котором расположены самые устойчивые в политическом плане и динамично развивающиеся страны мира". В качестве опровержения я мог бы привести десятки стран "Евразии", лишенных приведенных качеств, но для примера сошлюсь всего на две: Россию и Индию. Что касается первой, то З. Бжезинский сам утверждает, что Россия - "политическая черная дыра". Вопрос: может ли "черная дыра" быть "политически устойчивой"? История второй страны - Индии - также почему-то не демонстрировала ни политической устойчивости, ни тем более "динамичного развития".

В этой связи совершенно глупо звучит, что на Евразию "приходится 75% населения Земли, 60% внутреннего валового продукта и 75% энергетических ресурсов. В целом потенциальная мощь Евразии превосходит мощь США". Эту идею подхватывают Батурин и Доброчеев. Спрашивается: можно ли сравнивать совокупный потенциал десятков разнородных стран Европы и Азии с потенциалом одной страны? Это сравнение из той же серии подсчета совокупного потенциала так называемого АТР: загоняют в этот "АТР" полмира, а потом говорят, что его потенциал превосходит европейский.

Далее: "Евразия - это суперконтинент земного шара, играющий роль своего рода оси". Каким образом пол земного шара может быть "осью" чего-то, мне совершенно не понятно.

Наконец: "Та держава, которая станет на нем доминирующей, будет оказывать решающее влияние в двух из трех наиболее развитых в экономическом плане регионах планеты: Западной Европе и Восточной Азии". После второй мировой войны СССР, как известно, был самой мощной державой "Евразии". Несмотря на это, в Западной Европе "решающее влияние" все-таки оказывали США, в

Восточной Азии... опять же США.

Таким образом, все определения "Евразии", по крайней мере, в исполнении З. Бжезинского, элементарно не подтверждаются исторической практикой, а значит они не верны в принципе. Следовательно, все последующие построения на основе евразийской концепции не имеют никакого аналитического смысла. Игра в модное словечко, которое не поддается понятийному определению. Не случайно наши авторы поневоле вынуждены были оговориться, что "Евразия = Европа + Азия". Но эта оговорка имеет тот же смысл, что и Еврафрика = Европа + Африка. Кроме географической констатации за такой формулировкой нет никакого содержания.

Является ли Россия Евразией?

Если для З. Бжезинского Россия представляется "политической черной дырой" Евразии, то для многих наших геополитиков, как уже говорилось выше, Евразия и есть Россия, то есть ни Европа и ни Азия, а некий синтез, нечто третье. Здесь нас ожидает еще один капкан. Действительно Россия географически расположена на территориях и Европы, и Азии. Но если следовать культурно-цивилизационному принципу, в соответствии с которым европейцы и азиаты - это определенные специфические типы цивилизаций, то россияне, не будучи ни теми, ни другими, не могут быть и евразийцами. Точно также как азиаты отличаются от европейцев, россияне отличаются от тех и других. Россияне - это тоже особый тип культуры, мышления и поведения, стоящие особняком от всех остальных типов. Поэтому мне абсолютно непонятен часто употребляемый термин "народы Евразии"; я таких народов пока не встречал. От того, что Турция частично расположена на территории Европы, турки не стали европейцами или евротурками. Так же и австралийцы или новозеландцы, входящие в так называемый "АТР", не стали азиатами, а остались типичными европейцами. Кроме того, термин Азия сам по себе с большим подвохом, поскольку в различных частях Азии живут столь отличные друг от друга "азиаты", что образуют различные типы цивилизации. Достаточно сравнить азиатов-арабов с азиатами-китайцами или азиатами-японцами. Разница, как между небом и землей. Более того, даже расположенные рядом китайцы и японцы по своему умострою, культуре и мировидению от-

личаются друг от друга больше, чем, скажем, китайцы от немцев.

Таким образом, в геополитическом смысле термины "Азия", а в еще большей степени "Евразия" представляют собой пустые понятия, т.е. не имеющие содержания.

Будущее России: конфедерация или целостность?

Теперь два слова о геостратегии. З. Бжезинский уже давно говорит о том, что с точки зрения геостратегических интересов США желателен распад России на ряд территорий типа Сибирской и Дальневосточной республик. Множество раз он говорил и писал о необходимости укрепления независимости бывших союзных республик, в частности Украины, а в связи с ажиотажем вокруг Каспийской нефти, в особенности Азербайджана и Узбекистана. Если исходить из стратегических интересов США, подобные рекомендации вполне логичны. Столь же логичными выглядят его рецепты по формированию "стратегических взаимоотношений между Америкой и Китаем". Он даже готов допустить гегемонию Китая в регионе (в Восточной Азии), одновременно "выводя" Японию за пределы региона в "мировую политику", чтобы предотвратить невыгодное для США японо-китайское противоборство за лидерство в Восточной Азии. Повторяю, резон в такой постановке вопроса для интересов Вашингтона есть.

Батурин и Доброчеев на основе своего анализа, деликатно "оспаривая основной тезис о конфедеративном будущем страны" (России), уверены в ее “устойчивости” или жизненном цикле в соответствии с “линейным размером государств в степени 2/3”. Этот вывод подтверждает, по их мнению, и многовековая история России. Я не знаю, как закон “площади” государств работает в случаях, например, с Японией, Францией, Англией, Испанией и т.д., площади которых в десятки раз меньше российской, хотя “время жизни” этих государств почти в два раза превышает “жизнь” России. Если же иметь в виду, что и “устойчивой”, т.е. целостным государством Россия стала только при Петре 1, (а до этого десятки разрозненных княжеств, затем “татаро-монгольское иго”, затем “собирание земли русской”, а затем вновь смуты), то оптимизм наших авторов можно рассматривать как попытку выдать желаемое за действительное.

И проблема “устойчивости” (целостности) или неустойчивости

(конфедерации) решается не на основе закона “площади”, а законов политики и политэкономии. Конкретно, это будет зависеть от того, какой строй утвердится в нашей стране. Если восторжествует капиталистический строй, то будут реализованы идеи З. Бжезинского. И вот почему.

История России свидетельствует, что как только в ней превалируют демократические формы правления, феодального или капиталистического типа, Россия оказывается рассыпанной, раздробленной. Вспомним период феодальной демократии между X-XIII веками, хаос после Ивана Грозного (конец XVI - середина XVII), период капитализации России с середины XIX (продажа Аляски), демократизация после 1905 г., приведшая к октябрю 1917 г. с потерей Финляндии и Польши. (Уверен, что последние "ушли" бы и без Октября). Наконец, самый разрушительный период - "демократии" Горбачева-Ельцина. В то же время, когда в России утверждалась диктатура царя или императора (Иван III, Иван IV, Петр I, Екатерина II), а затем "диктатура пролетариата" (Сталин) Россия расширялась и укреплялась.

Нынешний капиталистический путь, даже в случае его успеха, объективно ведет Россию к распаду или, по крайней мере, к экономической автономизации той же Сибири и Дальнего Востока, не говоря уже обо все большем удалении бывших союзных республик от России. И этот процесс стимулируется именно капиталистическим вариантом развития, поскольку капитализм предполагает высокую степень автономии экономических субъектов не только на уровне фирм или компаний, но и на уровне регионов, развивающихся не по указке из Центра, а по логике соответствия рыночным отношениям. В этом смысле "крепить" СНГ представляется такой же глупостью, как и удерживать в России ту же Чечню или другие регионы, нацеленные на выход из России. Закон рынка будет диктовать регионам крепить отношения с теми, кто больше "даст". А что может дать им нынешняя нищая Россия, то бишь Федеральное правительство? Уповать же на трансформацию нынешнего режима в сторону социал-демократического капитализма является очередной утопией, поскольку такой тип капитализма может работать только на малых территориях с громадным историческим опытом демократии. Этот тип практически не приемлем ни в России, ни в Китае.

Если же мы вновь вернемся к социалистическому варианту раз-

вития (естественно, в его модифицированной форме, близкой к китайскому варианту), тогда можно было бы согласиться с оптимизмом авторов. Поскольку жесткая социалистическая надстройка в сочетании с "мягким" базисом (смешанная экономика) сможет удержать страну от распада и сохранить контроль над стратегическими видами сырья и промышленности.

Только в этом случае Россия, говоря словами Батурина и Доброчеева, станет "центром притяжения" народов и Европы, и Азии, и даже самой Америки. Проблема в том, чтобы они "тянулись" к нам не как к объекту грабежа наших природных и экономических ресурсов, а как к равноправному субъекту экономического взаимодействия. Может быть, только тогда мы, наконец, сможем построить тот самый мост между Востоком и Западом, Восточной Азией и Европой, о которой время от времени толкуют неискоренимые оптимисты, верующие в будущее России.

Снова биполярность?

Между прочим, наиболее сильное возражение З. Бжезинскому наши авторы высказывают по очень важному пункту, о котором они не подозревают и сами. Этот пункт сконцентрирован в подзаглавии “Америка и Евразия, единство и борьба - геополитическая формула XXI века”. Внутри этой главки они пишут: “Политическая структуризация будет направлена в сторону американской интеграции с одной стороны и евразийской - с другой”. Они уточняют, что поначалу будет доминировать в этой связи Америка, на следующем этапе - “новое геополитическое образование на Евразийской платформе”.

Фактически они говорят о воссоздании биполярной системы международных отношений. И он действительно будет воспроизведен вопреки концепции многополярности, о которой мечтают утописты из ослабевших или еще не набравших силу государств. Но воссоздан не в форме Америка - Евразия, а Америка - Китай. Потому что реальный интеграционный процесс ныне разворачивается не на “евразийском пространстве”: Европа - Россия - Азия (на этой евразийской “оси” интеграцией и не пахнет), а в Восточной Азии, закручиваясь вокруг материкового Китая. Именно КНР становится той самой “черной дырой”, которая притягивает экономики

всех стран Восточной Азии, не говоря уже о чисто торговых и инвестиционных вливаниях других стран земного шара. Причем этот китайский интеграционный анклав системно идеологизирован, привлекая на свою сторону всех обиженных Америкой, прежде всего страны Третьего мира, но не только. Таким образом, складывается не просто экономический интеграционный комплекс в Восточной Азии с ядром в Китае, а именно стратегический полюс во главе с КНР, объективно противостоящий американскому. Именно поэтому так озабочен З. Бжезинский будущим Китая, нацеливая руководителей своей страны любыми путями, даже за счет Японии, предотвратить возможность превращения Китая во враждебное США государство. И правильно делает. Только вряд ли у него это получится. Поскольку международные отношения развиваются не по желаниям даже такого умного политолога как Бжезинский или "законам" геополитики, а на основе элементарных законов экономики, каждый день подтверждающих свою безоговорочную силу.

И последнее. Я хотел бы обратить внимание на одну вещь, по-моему, не отмеченную никем. Когда речь идет о долгосрочных или стратегических перспективах, у американских и российских ученых есть одна любопытная закономерность, отражающая разницу в типах мышления двух культур. Американец, в том числе и З. Бжезинский, обычно не верит в объективный ход истории, в какие-то там исторические закономерности. Именно поэтому он и "обходит вопрос о потенциальной реализуемости ... стратегии", - о чем то ли с удовлетворением, то ли с укоризной пишут наши авторы. В мышлении американца заложен ген творца событий и даже всей истории. Американец как истый мичуринец не ждет милости от природы; он творит и природу, и историю - историю во славу Америки. Он считает: надо сделать то-то и то-то: Россию поджать, Китай привлечь на свою сторону, Японию направить туда-то, а Европу туда-то и т. д.

Русский (в этом смысле он близок к китайцам), воспитанный на идеях исторических закономерностей и веры в "Рро-сссии-юю", полагает, что, в конечном счете, История предопределила России великую миссию, и поэтому, несмотря на нынешний кризис, голод и вымирание нации, мы не только выйдем из него победителями, но и спасем весь мир своей Духовностью или еще чем-то. И в этой великой исторической миссии на нашей стороне даже физические законы.

Мне кажется, нам пора перестать рассчитывать на объективные законы природы, которые-де все равно устроят светлое будущее России, и уповать на предначертания Всевышнего, определившего нам роль Третьего Рима, спасающего все остальное человечество от бездуховности.

Если мы не хотим оказаться под американцами или еще кем-то, нам надо действовать также как американцы. То есть не "уповать", не "рассчитывать", а именно действовать. Действовать хладнокровно и целенаправленно, без евразийских иллюзий и мистики, во имя России и российского народа.

Июнь 1998 г./ март 1999 г.

PS Эта статья поначалу предполагалась для публикации в журнале "Азия и Африка сегодня". Как мне сообщили, уже после редактирования она была снята главным редактором с печати по указанию М.Л. Титаренко, занимающего пост директора Института Дальнего Востока РАН. Это не удивительно, если иметь в виду, что контролируемый Титаренко журнал "Проблемы Дальнего Востока" осуществляет аналогичные "акции" против всех моих статей. Умострой этого господина Еслибиста никак не может свыкнуться с мыслью о возможности публичной критики начальников от науки.

Теория национальных интересов и национальной безопасности

Формулирование концепции национальной безопасности в принципе невозможно без определения национальных интересов, которые политика национальной безопасности призвана защищать. Методологически схема выработки Концепции национальной безопасности должна строиться из, во-первых, формулирования концепции национальных интересов, во-вторых, обозначения реальных и потенциальных угроз национальным интересам, и только после этого формулируется политика предотвращения или нейтрализации "угроз", т.е. политика национальной безопасности.

Чтобы понять функциональные роли национальных интересов и национальной безопасности, необходимо представлять всю цепь внешнеполитического процесса, которая в сжатом виде выглядит следующим образом.

Нижеизложенное - это очерчивание круга понятий, в которые встроены категория национальных интересов и безопасности без их теоретического обоснования.

* * *

Существуют два условия, которые составляют объективную потребность государства.

Во-первых, как и любая система, оно объективно "настроено", на самосохранение, т.е. на сохранение целостности, во-вторых, на то, чтобы эту целостность сохранить как можно дольше. В силу множества причин эти потребности реализуются, в том числе и за счет взаимодействия с внешней средой, проще говоря, во взаимодействии с другими государствами или международными субъектами. Но само взаимодействие требует *осознания* его необходимости и поэтому этот процесс *субъективен*. Его результат выражается в форме интереса. На философском языке это прозвучало бы как процесс субъективизации объективных потребностей общества. Несколько проще, **интерес** государства - это субъективная форма выражения объективных потребностей общества, которые в аккумулированном виде выражаются через интересы государства, т.е. они по сути дела являются **государственными интересами**.

Понятно, что эти интересы делятся на внутренние и внешние. Среди первых важнейшими является **стабильность и развитие** - два противоречивых явления, баланс которых делает систему=государство устойчивым, т.е. целостным. Далее я не буду касаться внутренних интересов, а только внешних, тем более что они в принципе проявляют себя фактически одинаково, только в разных политико-экономических пространствах.

Поскольку внешняя среда крайне неоднородна, то и интересы относительно каждого субъекта будут отличаться по содержанию. При всем этом, постоянными при взаимодействии с любым актором остаются фундаментальные интересы, каковыми во все времена и для всех государств являются 1) территориальная целостность, 2) независимость или политический суверенитет, 3) сохранение господствующего строя, т.е. политико-экономического режима, 4) экономическое развитие и процветание, которое в немалой степени зависит от взаимодействия с внешней средой.

К концу XX века к фундаментальным интересам стали относить **национально-культурную самобытность** страны - явление, которое на Западе обозначают термином "identity". Некоторые российские ученые позаимствовали его в форме слова "идентичность", например, нации, хотя слово идентичность в русском языке имеет другое значение (схожесть, например). Надо иметь в виду, что американцы последние два "интереса" обозначают термином "ценности", т.е. под капиталистическими ценностями они понимают рынок и демократию, а под самобытностью - американский образ жизни.

Помимо фундаментальных интересов и ценностей существуют *стратегические* и *тактические* интересы. Эти интересы динамичны, изменчивы, постоянно корректируемые в зависимости от складывающей международной обстановки. В конечном счете, их реализация предполагает расширить, увеличить, усилить объемы фундаментальных интересов. К примеру, расширить собственную территорию за счет территорий других субъектов, получить контроль над суверенитетом других субъектов мировой политики, навязать собственную систему правления, свои ценности другим, в конечном счете, в интересах своих фундаментальных интересов.

Но все это в теории, поскольку сам по себе интерес не воплощается в политике. Политика начинается тогда, когда интерес трансформируется в **цель**. Общее между интересом и целью заключается в том, что и то, и другое отражает объективные потребности общества, различие же коренится в том, что первое **осознается**, а второе предполагает субъективную **деятельность** через институциональные механизмы общества или госу-

дарства. Отсюда **цель - это интерес в действии.** Следовательно, внешняя цель выступает в качестве закона, определяющего характер деятельности и способ действия субъекта на мировой арене. Другими словами, цель воплощается в категории "деятельность", которая в свою очередь описывается цепочкой терминов "действие", "влияние", "взаимодействие", "объем отношений" и стоящей несколько особняком категорией "**активность**". Вся совокупность явлений, проявляющаяся через категорию "деятельность", называется внешней политикой. По своей же сути **внешняя политика** есть сознательная деятельность государства, направленная на достижение внешних целей в соответствии с национальными интересами страны.

Необходимо подчеркнуть, что транснациональные и межнациональные компании и банки, а также любые значимые в обществе акторы типа партий, также имеют свою внешнюю политику, иногда по воздействию на международную среду, превосходящую официальную политику страны, но их деятельность не имеет отношения к национальным интересам. У них свои интересы - скорее интернациональные. Причем, нередко их интересы расходятся с интересами их собственных стран.

Для того чтобы внешняя политика могла быть реализована, необходим соответствующий аппарат внешней политики, обычно состоящий из МИД, МО, Министерство внешних связей и т. д. Хотя по функциям каждый из этих институтов отвечает за одно направление внешней политики, однако на практике они очень часто взаимодополняют друг друга (а иногда и взаимно мешают). Однако главная их функция - реализовывать политику, в том числе и **политику безопасности**, конечная цель которой заключается, как минимум, в сохранении фундаментальных интересов и ценностей, как максимум, в беспредельном расширении их объема. В свою очередь политика безопасности дробится на множество политик безопасности в зависимости от их функциональной направленности и восприятия "угроз": политика военной, экономической, технологической, экологической, информационной, культурной и прочей безопасности.

Следует также учитывать, что все названные категории взаимосвязаны с другой цепочкой категорий, в которую встроена и внешняя политика. Это - мощь государства, его вес, который связан с категорией престижа, сама внешняя политика, с которой сопрягаются категории роли и силы государства. Через эту цепочку категорий определяются фактически соотношения экономического потенциала государства и его возможности реализовывать внешние цели. В свою очередь анализ всех этих соотно-

шений призывает категорию "восприятия", имеющую самостоятельное теоретическое направление, получившее название как теория восприятия (или в западном варианте - как перцепциология). Именно на этом уровне формулируются доктрины или концепции внешней политики, в том числе и национальных интересов и безопасности.

При этом надо учитывать разницу между доктриной и концепцией: первая является теоретико-пропагандистским обеспечением государственной политики, вторая - совокупностью взглядов и рекомендаций относительно того, какую политику государству целесообразнее проводить на тот или иной исторический момент. Были, например, доктрины Монро, Трумэна, Форда, но не было доктрин Моргентау или Дойча. У последних были концепции, теории национальных интересов и безопасности.

Экскурс в теорию был нужен, прежде всего, для того, чтобы "развести" категорию национальных интересов и политику безопасности. Эти категории отражают разные функции внешнеполитического процесса, который делится на две фазы: фазу формирования и формулирования внешней политики и фазу ее реализации в системе международных отношений. Категория интереса относится к первой фазе, безопасности - ко второй.

Итак, *интерес* - это категория политики, отражающая осознание (субъективизацию) объективных потребностей государства. Внешнеполитический интерес, т.е. национальные интересы вовне являются выражением общих и частных потребностей государства, вытекающих из его социально-политической природы, а также его места и роли в системе международных отношений.

Безопасность (национальная) - категория политики, означающая способы, средства и формы обеспечения национальных интересов государства как внутри страны, так и в системе международных отношений.

Безопасность (международная) - категория, отражающая такое состояние международных отношений, при котором обеспечиваются фундаментальные национальные интересы всех субъектов мировой политики.

Необходимо обратить внимание на разницу между национальной и международной безопасностью. Национальная безопасность - это **политика**, международная безопасность - это **состояние**.

Какое состояние международной безопасности предпочтительнее для той или иной страны, зависит от понимания собственных национальных интересов. Поскольку чаще всего эти интересы существенно отличается у

различных держав, то они и являются внутренними источниками "опасности", т.е. напряженности, конфликтов и войн на мировой арене.

Именно поэтому формулирование концепции национальных интересов и определение угроз этим интересам должно предшествовать выработке политики национальной безопасности.

1986 г.

Часть IV. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Человек есть то, что он сам думает о себе,
что о нем думают другие,
и что он есть на самом деле.
То же самое относится и к государству.
Автор

Введение

На протяжении всего XX века российские, затем советские, затем вновь российские политики, ученые, журналисты утверждали и не перестают утверждать, что "Россия - СССР - Российская Федерация" является Тихоокеанской державой и что Азия (Тихий Океан, Дальний Восток, АТР) является одним из важнейших направлений внешней политики государства. Наивысший пик внимания к "АТР" приходится на вторую половину 80-х годов, когда прозвучали знаменитые речи М. Горбачева во Владивостоке (1986 г.), затем в Красноярске (1988 г.), возвестившие о новых подходах Советского Союза в решении проблем в Азии. Если сами "новые подходы" были вызваны перестройкой внешней политики СССР на базе "нового мышления", то повышенное внимание именно данному региону объяснялось мировой популярностью "АТР", "которому принадлежит XXI век".

Советско-российские ученые также потрудились на поприще пропаганды азиатско-тихоокеанского века, убеждая и призывая руководителей страны включиться в "интеграционные" процессы региона. Нынешние лидеры страны с удовлетворением откликались на такие призывы. Например, Б. Ельцин уже в самом начале своего президентства заявил, что "Россия идет на Восток".

Так же, бывший министр иностранных дел А. Козырев, которого обвиняют в прозападной ориентации, первый зарубежный свой вояж совершил в августе 1992 г. на Форум АСЕАН, где заявил: “Двуглавый орел России с одинаковым интересом смотрит и на Запад, и на Восток. В этом и заключается миссия и ответственность великой евразийской державы”. Можно привести массу высказываний о значимости “АТР” для России и у нынешнего министра иностранных дел, а также бывшего председателя правительства РФ Е. Примакова.

Если же суммировать все заявления официальных лиц страны, а также выводы и заключения ученых относительно “АТР”, России и ее “азиатского направления”, то можно выделить ряд утверждений, характеризующих представления политико-академических кругов как на сам регион, так и на место и роль России в регионе.

Первое утверждение. Существует динамично развивающийся регион под названием **Азиатско-тихоокеанский регион** (АТР), где интенсивно происходит **процесс интеграции**.

Второе утверждение. Атээровское направление является одним из приоритетных направлений внешней политики России.

Третье утверждение. Россия сохраняет свою значимость в регионе как **великая евразийская держава.**

Четвертое утверждение. Ей (России) надо более интенсивно **интегрироваться в интегрированное пространство** АТР.

Все упомянутые утверждения, на мой взгляд, не имеют научного обоснования, а скорее представляют собой политическую риторику, вводящую в заблуждение как самих политиков, так и общественное мнение страны. Они закрепляют искаженное представление на сам регион, на место и роль России в регионе, что, в конечном счете, ведет к “затратной” внешней политике, истощающей и без того скудные ресурсы нашего государства. Напрашивается аналогия с внешней политикой СССР, руководители которого строили внешнюю политику на базе придуманных и желательных представлений, которые являлись одной из причин краха Советского Союза.

Мои исследования привели к иным заключениям, которые сводятся к следующему.

Во-первых, “АТР” как целостного экономического или политического региона не существовало, не существует и существовать не будет.

Во-вторых, соответственно, не может быть и "интеграционного процесса" в несуществующем регионе. Не существует такого процесса даже между странами Тихого океана и, к примеру, Восточной Азии, не говоря уже о странах Тихоокеанской Латинской Америки. Кто не согласен, пусть попробует доказать интеграцию между Вануату, Тонга, Папуа - Новой Гвинеи и, например, Мексикой или Южной Кореей.

В-третьих, интеграция как тенденция происходит **только** в районе Восточной Азии. Причем именно как тенденция, которая может быть прервана в силу причин, "работающих" против интеграции.

В-четвертых, атээровское направление не является одним из приоритетных направлений внешней политики России, и она не является участником интеграционного процесса в "АТР". Потенциально Россия может стать участником интеграционного процесса в зоне Северо-Восточной Азии (СВА), но только в случае скачкообразного экономического развития Российского Дальнего Востока (РДВ) (что в принципе невозможно) или трех его районов - Приморья, Хабаровского края и Сахалинской области (что в принципе возможно).

В-пятых, Россия не является **великой евразийской державой** в силу "отсутствия присутствия" в реальных экономических, политических и геостратегических пространствах Восточной Азии. Свое "величие" Россия пока сохраняет на уровне военно-стратегического баланса сил с США, на европейском направлении и в какой-то степени в районе Ближнего Востока.

Все утверждения, за исключением последнего пункта, доказаны мной в обширной монографии "Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. Восточная Азия: экономика, политика, безопасность" (М.: Флинта*Наука, 1997). Причем ни один из российских или зарубежных специалистов по "АТР" не оспорил моих доказательств на этот счет. За мной, правда, оставалось "евразийство России", которое также не имеет научного содержания. Этой теме посвящена специальная статья в сборнике.

В данной же работе мне хотелось бы добавить к упомянутой монографии по "АТР" последние статистические данные, а главное изложить взгляды американцев, японцев и китайцев на место и роль России в "АТР". Это не означает, что их взгляды отразят реальное место-и-роле-положение России. Но для нас важно знать, как они "укладывают" Россию в своих концепциях и доктринах внешней

политики в Восточной Азии. В свою очередь это позволяет строить свою "игру" в соответствии с нашими национальными интересами, а в более широком плане, выявить наши стратегические перспективы в действительно важном районе мира - в Восточной Азии.

Поскольку часто источником взаимонепонимания, вызывающего дискуссии среди исследователей, являются различия в толковании ключевых терминов, целесообразно заранее оговорить хотя бы некоторые из них.

Определение термина **место** зависит от поля или сферы исследования объекта: экономическое, геостратегическое или социальное. В экономическом поле **место** зависит от мощи государства, которую я определяю как совокупный экономический потенциал государства. В геостратегическом поле **место** определяется масштабностью воздействия государства на международную среду, т.е. оно может быть глобальным, региональным или локальным. В социальном поле **место** государства определяется формационной сутью государства, другими словами, является ли оно капиталистическим, социалистическим, феодальным. Хотя все эти понятия взаимосвязаны, однако каждое из них имеет и свою специфику.

Роль государства определяется ее внешней политикой, которая в свою очередь тесно связана с мощью государства, но не в прямо пропорциональных отношениях. История показывает, что мощь государства может быть громадной, а роль незначительной и наоборот.

Экономическая интеграция - это высшая форма интернационализации хозяйственной жизни, достигаемая в процессе соединения различных национальных экономик в единый хозяйственный комплекс, отличающийся своей специфической институциональной структурой и функционирующий на базе согласованной экономической политики как на межгосударственной, так и на наднациональной основе.

Экономическая интернационализация - это объективный процесс глобального экономического взаимодействия, главным образом в сфере торговли всех со всеми.

Восточная Азия /ВА/ (как географический термин): Северо-Восточная Азия (СВА) + ЮВА.

Глава первая. Россия и страны СВА: Проблемы и перспективы экономического сотрудничества

Торгово-экономические связи РФ со странами Северо-Восточной Азии

Анализ экономических позиций России в Восточной Азии по идее должен был бы охватывать широкий диапазон экономической активности, включая банковскую сферу, инвестиции, смешанные компании и т.д., т.е. те сферы, которые обычно заполняют державы, называющие себя "великими". Но поскольку названные области экономики в Восточной Азии не испытывают ощутимого воздействия России, приходится ограничиваться простой торговлей, которую осуществляют все государства независимо от своего размера или "величия". В таблице 1 и 2 (см. Приложение) даны взаимные удельные веса в экспорте и импорте всех стран Восточной Азии, в том числе и России на 1997 г.

Статистика показывает реальное положение России в регионе: ее удельный вес как в экспорте, так и в импорте стран региона, за исключением Монголии и КНДР, колеблется от 0 до 1,3% в экспорте и от 0 до 3% в импорте, что и определяет реальные торговые позиции России в Восточной Азии. Они сопоставимы с позициями таких слаборазвитых и малых стран как Макао, Монголия, КНДР, Лаос, Камбоджа, Вьетнам, Бруней. И значительно уступают не только таким торговым гигантам, как Япония, КНР, Южная Корея и Тайвань, но и основным странам АСЕАН.

Не вызывает оптимизма и торговая динамика России в Восточной Азии. В таблицах 3 и 4 (Приложение) она прослеживается на странах СВА, с которыми Россия ведет наиболее интенсивную торговлю. Даже с учетом того, что с 1985 г. по 1991 г. торговлю вела не Россия, а более обширный СССР, тем не менее, начиная с 1992 г. по 1997 г. данные таблицы указывают на падение доли России в экспорте Гонконга, КНР и Японии, стагнацию в экспорте с Тайванем и увеличение доли в экспорте только с Южной Кореей. При этом

надо иметь в виду, что эти доли варьируются между 0,1% и 1,3% (для Корейской Республики).

Доли же России в импорте стран СВА, хотя несколько и увеличились, за исключением КНР, однако столь незначительно, что не оказывали воздействия на общий уровень торговых отношений с названными странами.

В целом же динамика торговых позиций России, а точнее, отсутствие таковой, в торговле стран СВА свидетельствует о крайне незначительном месте России среди торговых партнеров. В определенной степени мы заметны только в импорте КНР с долей 3%. Другими словами, для большинства стран Восточной Азии Россия не является серьезным или даже ощутимым фактором в их экономике. С этих точек зрения мы почти там "отсутствуем".

Теперь посмотрим с другой стороны. В каких пропорциях "присутствуют" страны Восточной Азии в торговле России. Из таблицы 5 (Приложение) обнаруживаются две вещи: Гонконг, КНДР, КР, Монголия, Тайвань находятся на уровне ниже 1% от всего экспорта России, а две страны - КНР (4,7%) и Япония (3,5%) занимают заметные позиции в экспорте России. Проблема в том, что динамика - понижательная: с 7% до 4,7% у КНР, с 4% до 3,5% у Японии за период с 1992 г. по 1997 г.

В импорте же России та же самая картина, только понижательная тенденция у КНР и Японии еще более заметна: с 4,5% до 2,3% у первой, с 4,7% до 1,9% у второй (таблица 6, Приложение).

Иначе говоря, одно из основных направлений (атээровское) политики России, если брать чисто торговую сторону, не только уступает другим "основным" направлениям, но свидетельствует о его стагнации и даже "свертывании". Увеличение торговых партнеров за счет Гонконга, Южной Кореи и Тайваня не изменило эту тенденцию. По существу действительно важными торговыми партнерами из всех стран Восточной Азии, как и раньше, остаются Япония и КНР, экономические отношения с которыми также испытывают немало проблем.

При этом необходимо отдавать себе отчет в одной простой вещи. На Восточную Азию, которую продолжают называть в России "АТР", падает всего лишь около 10% российского экспорта и около 6% импорта, в то время как только доля одной европейской страны - Германии - в экспорте России 1997 г. была равна 7,8%, а в импорте - 12,7%. Если же брать всю Европу, то эти доли превысят 70 и

80% соответственно. Более того, динамика развития торговли за последние не то что 15-20 лет, а за последние 200 лет не подтверждает пустопорожних утверждений, что "Азия" или ныне модный "АТР" занимают "все более весомое место в российской торговле". Не занимают и занимать не будут.

Напомню, что в 1802-1804 гг. (когда начался статистический учет внешней торговли России) на Азию (в то время под Азией понималась Средняя Азия и Персия) приходилось 10% экспорта и 17% импорта. К 1897 г. эти пропорции изменились в таких соотношениях: экспорт - 10,5%, импорт - 11%. То есть доля импорта даже упала за счет Европы и частично Америки[96]. Россия в силу множества причин была, есть и будет устремлена на Европу. Переломать эту устойчивую тенденцию можно было бы только в одном случае - сделать РДВ местом бурной экономической активности, наподобие Калифорнии. В ближайшем столетье этого, однако, не произойдет по самым прозаическим причинам: географии и климата, а отсюда и демографии. И плюс масса других причин, фактически являющихся следствием названных.

Короче, реальность такова: Россия не является значимым актором в экономике Восточно-азиатского региона, точно также как и вся Восточная Азия, за исключением названных двух стран, не является весомым фактором экономики РФ.

Для того чтобы еще более ясно представить реальный статус “великой евразийской державы” необходимо сравнить ряд макропоказателей с другими державами Восточной Азии. Общее представление об этом дает таблица 7 (Приложение), из которой видно, что ВВП России не только ниже ВВП США, Японии и КНР, но даже ВВП Южной Кореи. А по общему объему торговли уступает даже Тайваню, Сингапуру, Гонконгу, Малайзии.

Столь слабые позиции России в Восточной Азии постоянно вынуждают изыскивать варианты и способы усилить место страны в этом регионе. Для некоторых наших политиков одним из вариантов представляется вхождение России в АТЭС. В послании президента Федеральному собранию от 17 февраля 1998 г. было даже сказано: “Подлинным прорывом на азиатском направлении нашей политики стал прием России в члены Азиатско-тихоокеанского сотрудничества (АТЭС). Это пример практической реализации тезиса об уни-

96 См.: Россия: Энциклопедический словарь (на базе Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (тома 54 и 55). Л.: Лениздат, 1991, с. 329.

кальной роли России как евроазиатской державы"[97]. Такая гипероценка нашего вхождения в АТЭС явно вызвана недопониманием роли и сути данной организации. Поэтому представляется целесообразным посвятить ей несколько страниц.

АТЭС - АРЕС (Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество - Asia-Pacific Economic Cooperation)

В момент создания АТЭС в 1989 г. в нее вошли 13 стран (на то время - асеановская шестерка, США, Канада, Япония, Австралия, Новая Зеландия и Корейская Республика). В 1991 г. в нее были приняты КНР, Гонконг и Тайвань (последний под названием Китайского Тайбэя), в 1993 г. - Мексика и Папуа Новая Гвинея, а в 1994 г. еще и Чили. На Ванкуверском форуме (ноябрь 1997 г.) было принято решение после принятия на следующий год в организацию России, Вьетнама и Перу объявить мораторий на прием новых членов до 2008 г. Таким образом, в ноябре 1998 г. в Куала-Лумпур (Малайзия) названные страны стали полноправными членами АТЭС, в результате их общее количество достигло 21.

АТЭС собирается ежегодно, обычно в ноябре, на министерские форумы, нередко с участием глав правительств, на которых оглашаются декларации и планы. С большой помпой, например, прошел форум в Сиэтле (ноябрь 1993 г.), на котором Б. Клинтон объявил о "Новом Тихоокеанском Сообществе". В отличие от говорильни в Сиэтле, последовавший за ним через год форум в индонезийском городке Богоре, недалеко от Джакарты, принял декларацию с конкретными задачами. Главная среди них - фиксирование даты открытия рынков на основе принципов "свободной и открытой торговли". Для развитых стран она обозначена 2010 г., для развивающихся - 2020 г.

Лейтмотивом всех деклараций являются несколько ключевых слов: "либерализация", "свободная торговля", "открытый регионализм" и "рыночная взаимозависимость", пропаганде которых посвящено чуть ли ни 99% "научной" литературы по "АТР".

---

97 Из послания президента Российской Федерации Федеральному собранию. - Россия на мировой арене. 17 февраля 1998 г. - Дипломатический Вестник, 1998, № 3, март, с. 4.

Короче, АТЭС, созданная по инициативе Австралии, США, Канады и Японии, призвана служить в качестве инструмента в деле либерализации торговли и инвестиций, прежде всего, в районе Восточной Азии.

Двусторонние переговоры, переговоры в рамках ВТО или на принципах Уругвайского раунда (предусматривающие различные компромиссы для его участников) не решают проблемы дефицита, крайне болезненные прежде всего для США. Именно поэтому Вашингтон большие надежды возлагает на АТЭС, который мог бы убрать все эти ненавистные барьеры. При этом надо иметь в виду, что когда речь идет о зоне АТЭС, американцы, так же как и канадцы, проявляют сверхповышенный интерес к либерализму. Когда же речь заходит о зоне НАФТА, то и США, и Канада неожиданно становятся глухими консерваторами.

Правда, есть свои хитрости и в АТЭС: все документы составлены таким образом, что каждый из участников этой организации может толковать их в соответствии со своими интересами и текущими задачами. К примеру, "гибко" можно интерпретировать фразу о "свободной и открытой торговле", в частности, как снятие или снижение "пограничных барьеров", т.е. таможенных тарифов и официальных нетарифных барьеров. Уверенно можно предсказать, что Япония, КНР, Корейская Республика и Тайвань "вовремя" не отменят барьеры на ввоз сельскохозяйственных товаров, поскольку это не просто торговая проблема, а проблема экономической безопасности страны.

Все сказанное выше нашло отражение в ходе форума в Маниле (22-23 ноября 1996 г.). На нем, так же как и на предыдущих встречах, шла борьба сильных против слабых. Первые - США и Канада - требовали отмены таможенных тарифов как можно в более короткие сроки, последние не безуспешно сопротивлялись.

Официально таможенные процентные надбавки на ввозимые товары в 1996 г. выглядели следующим образом: Австралия - 5,00, Бруней - 1,98, Канада - 1,60, Чили - 11,00, Китай - 23,00, Гонконг - 0,00, Индонезия - 13,40, Япония - 4,00, Корейская Республика - 7,90, Малайзия - 9,00, Мексика - 9,80, Новая Зеландия - 5,70, Папуа Новая Гвинея - н.о., Филиппины - 15,57, Сингапур - 0,00, Китайский Тайбэй (Тайвань) - 8,64, Таиланд - 17,00, США - 3,40.

В рамках Манильского плана действия для АТЭС (МПДА) были утверждены ряд документов, среди них - Индивидуальный план

действия для каждого члена АТЭС. Этот план был принят, несмотря на попытки Б. Клинтона добиться отмены тарифов к 2000 г. на очень важные с точки зрения интересов американского бизнеса товары. На этот раз речь шла, прежде всего, о компьютерах, полупроводниках и телекоммуникационной технологии (их общая продажа в год достигает около 500 млрд долл.). Это не просто коммерческие товары, а своего рода инструменты воздействия на любую страну, его население через ИНТЕРНЕТ и другие аналогичные средства связи.

В соответствии с Индивидуальным планом каждая страна сама определяет время снижения или отмены пошлин на те или иные товары. Скажем, если Австралия собирается снизить средние таможенные тарифы до 4,8% к 2000 г., то Тайвань только до 5% на 65% импортных товаров и только к 2010 г. Индонезия предполагает снизить их от 0 до 10%, не оговаривая номенклатуру товаров. КНР намерена средние тарифы уменьшить с нынешних 23% до 15% к 2000 г., а Филиппины - до 5% к 2004 г. за исключением "чувствительных сельскохозяйственных продуктов". Малайзия вообще ничего конкретного не обещает, а Южная Корея указывает снижение тарифов на некоторые конкретные товары, в частности, суда (без указания цифр), по выпуску которых она занимает второе место в мире после Японии. Сама Япония свою готовность твердо следовать "усилению многосторонней торговой системе" заволокла таким туманом, что невозможно понять до каких уровней она собирается снижать тарифы на упомянутые товары, включая текстиль, сталь и цветные металлы.

Что же касается КНР, Индонезии, Малайзии, отчасти Южной Кореи, то их поведение вполне обосновано, поскольку подставлять неподготовленную экономику для "встречи" с асами империалистической экспансии было бы, как минимум, преждевременно и безответственно перед национальными интересами собственных стран.

В принципе функция АТЭС как раз и состоит в том, чтобы предотвратить регионализацию экономик Восточной Азии, сделать их открытыми для всего мира, другими словами, для ТНК, ТНБ, МНК и МНБ США. В этом заинтересованы и Австралия с Новой Зеландией, Сингапур, а также некоторые правящие капиталистические элиты стран-членов АТЭС, по крайней мере, некоторых из них, как, например, Филиппин. Конечно, процесс давления с их стороны будет продолжаться, и под либерализацию так или иначе

будет попадать все большее количество товаров. Однако ее темпы все-таки, скорее всего, будут определяться "отстающими" (Индонезией, Китаем, Малайзией).

Как уже отмечалось, на Куала-Лумпурской встрече Россия была принята в члены АТЭС. Причем, благодаря КНР, США и Японии. Большинство стран выступило против принятия России в эту организацию, среди них Австралия, Новая Зеландия, Сингапур, Филиппины, Мексика, Чили. Хотя главными причинами их противодействия выступал аргумент весьма слабых экономических позиций России в регионе, на самом деле причины глубже. Эти страны понимают, что слабая Россия, принятая в АТЭС “благодаря” прежде всего США и Японии, будет проводить их линию, которая часто расходится с “линией” большинства стран АТЭС. Поддержка же России Китаем связана с тем, что Пекин рассчитывает на поддержку Москвы как раз в деле противодействия связке США-Япония, имея в виду долгосрочную стратегию борьбы в Восточной Азии.

В реальности эта организация, также как и множество аналогичных региональных организаций, не играет существенной роли в экономическом развитии региона. К примеру, она крайне пассивно отреагировала на финансовый кризис осени 1997 г., сама застигнутая врасплох этим кризисом. АТЭС представляет собой один из множества рычагов США и Японии в реализации собственных экономических интересов, не совпадающих с интересами государств Восточной Азии. Ярчайший пример - Индонезия, которая, несмотря на внешний динамизм, являет собой компрадорскую экономику с полунищим населением.

Участие России в АТЭС может иметь только негативные последствия, особенно для районов Дальнего Востока. Вынужденная следовать правилам этой организации, ей придется полностью открыть рынки, куда устремятся опытные американские, японские и китайские компании. Тем самым восстановится ситуация начала XX века, когда почти вся экономика Российского Дальнего Востока контролировалась иностранцами. Из-за слабости же экономики нынешней России мы не сможем воспользоваться “открытием” восточноазиатских рынков. Нелишне еще раз напомнить, что наша доля даже в торговых операциях со странами “АТР” в среднем колеблется от 0 до 1, максимум, 2% от их общей торговли.

Выгоды же от вступления в АТЭС могут получить только несколько десятков бюрократов от различных министерств, которые

будут "обязаны" участвовать в рабочих группах (их около 10), а также на министерских встречах (ежегодно около 5-6), демонстрируя знаменитое российское ИБД (иллюзию бурной деятельности). Это и есть продолжение затратной внешней политики, когда гос.расходы не покрываются доходами, о чем свидетельствует не только Федеральный бюджет, но и бюджеты почти любого министерства.

Торгово-экономические отношения с конкретными странами СВА

Теперь более подробно остановимся на торговых партнерах России: Японии, КНР, МНР, КНДР и КР.

Япония

Если судить по количеству визитов высокопоставленных деятелей двух государств в обе стороны, то можно предположить, что российско-японские отношения переживают невиданный бум. За последние семь лет было подписано больше деклараций и различных контрактов экономического характера, чем за предыдущий советский период с 1956 по 1991 гг. Несмотря на это, реальный объем торгово-экономического сотрудничества неуклонно понижается. Причем, не только на фоне истории советско-японских экономических отношений, но и на фоне других зарубежных государств, действующих в России в настоящее время. Для многих журналистов, научных экспертов и политиков этот феномен не понятен, о чем свидетельствуют их призывы в адрес Японии "не отставать" в освоении российского рынка от других зарубежных стран, например, США, Германии и т.д. На самом деле в выжидательной и неторопливой позиции Японии в отношении России нет никакой загадки: она соответствует общей логике экономической деятельности этой страны за рубежом. И дело здесь не в проблеме "северных территорий".

Дело в том, что для западных государств, особенно для США и Германии, экономические интересы в России подчинены политическим и геостратегическим интересам. Первые, по крайней мере на данный момент, - вторичны, вторые - первичны. Стимулирование

"рыночных реформ" и углубление демократии в России требуют "экономических жертв", которые предполагается в стратегической перспективе окупить сторицей.

Японию же все эти "демократические реформы" волнуют меньше всего; больше она озабочена реальной экономической отдачей от своего взаимодействия с Россией. Только под давлением тех же США и Германии Япония вынуждена поддерживать линию "7" на стимулирование демократизации в России, с неохотой согласившись на допуск России в "клуб семи", в АТЭС, на пересмотр сроков уплаты долгов России в рамках Парижского клуба и т.д. В целом же Япония озабочена не столько демократией в России (тем более что у нее у самой отличное от Запада представление на демократию), а стабильность, под каким бы флагом: капиталистически-демократическим или социалистическим она не была достигнута. Поскольку стабильности до сих пор нет (что в японском понимании означает также не выплачиваемые в срок долги и отсутствие четкой законодательной и налоговой системы), Япония осуществляет свою деятельность по принципу "малых шагов", состоящих из серии мероприятий небольших масштабов.

Среди них создание японских центров в ряде городов России (в Москве, Хабаровске, Владивостоке), небольших финансовых организаций типа Дальневосточного регионального предпринимательского фонда (совместно с Европейским банком развития и реконструкции) для стимулирования малого и среднего бизнеса, оказание гуманитарной помощи и пр.

В общем-то, в русле политики "малых шагов" можно оценивать и ряд соглашений экономического характера, подписанных премьер-министром Японии Кэйдзи Обути в ходе визита в Москву в ноябре 1998 г. Их было всего четыре. Первое фиксировало выделение 800 млн долл. кредита в рамках 1,5 млрд долл. кредита ЭИБ, обещанного еще в начале нынешнего года. Второе утверждало программу под названием "Японо-российское партнерство ради реформ". На ее реализацию предполагается выделить 100 млн долл. на расширение "интеллектуального и технического" сотрудничества. Третье соглашение предусматривает создание Японо-российского центра по обмену молодежи (так называемый Центр Обути-Ельцин) в количестве 1000 человек. Наконец, по четвертому соглашению Япония обязалась выделить 10 млн долл. на экстренную экономиче-

скую помощь путем предоставления лекарств и медицинского оборудования.

В ходе визита был также подписан Договор о содействии и защите инвестиций - документ, который Япония имеет с другими странами.

Китайская Народная Республика

В 90-е годы начался своего рода бум в русско-китайских отношениях, проявлявшийся в участившихся визитах высокопоставленных лиц в обе столицы и подписании серии соглашений, деклараций и других документов, охватывавших все стороны сотрудничества.

Во время визита Ельцина в Китай в декабре 1992 г. стороны подписали 25 документов, касающихся российско-китайских политических и экономических отношений. Еще один пакет документов был подписан во время визита президента КНР Цзян Цзэминя в Россию в сентябре 1994 г. Среди них - Декларация о долгосрочном развитии двусторонних связей, протокол о торговле и экономическом сотрудничестве и соглашение о таможенном сотрудничестве. В ходе этого визита Цзян Цзэминь охарактеризовал состояние русско-китайских отношений как "конструктивное партнерство".

В апреле 1996 г. Ельцин вновь нанес визит в КНР, в ходе которого была подписана очередная порция документов (12) и Совместное заявление (Пекинская декларация), где говорилось уже о "стратегическом партнерстве на основе равенства, взаимного доверия и взаимной координации, ориентированного на 21 век"[98]. Подобная многозначительная фраза сразу же была расценена СМИ как "шаг вперед" от "конструктивного партнерства". Ельцин заявил тогда же, что две страны должны увеличить взаимную торговлю от нынешних 5,5 млрд долл. до 20 млрд долл. ежегодно. Последний визит в Москву на высшем уровне был осуществлен Цзян Цзэмином в ноябре 1998 г., а следующая, седьмая, российско-китайская встреча на высшем уровне намечается в Пекине в 1999 г.

Всего же с 1992 г. было подписано более 150 двусторонних документов на правительственном и министерских уровнях, не считая соглашений с регионами РДВ[99].

---

98 Beijing Review, May 13-19, 1996

99 Beijing Review, April 29-May 4, 1996.

Все это, безусловно, неплохо, но в реальности картина менее радужная.

Роль КНР как торгового партнера СССР/России стала повышаться с 1985 г., достигнув пика в 1993 г. В следующем году произошел спад доли экспорта, но особенно резкий - импорта (см. таблицы 3 и 4 в Приложении), уровень которых сохранялся до конца 1997 г. К табличным цифрам за 1997 г. есть смысл добавить последнюю информацию. Согласно китайской таможенной статистике, за 5 месяцев 1998 г. объем российско-китайской торговли сократился на 3,7% по сравнению с аналогичным периодом 1997 г. При этом, экспорт России уменьшился на 23%, составив 1,35 млрд долл., в то время как импорт из Китая вырос на 57%, достигнув 880 млн долл. По более поздним данным, объем торговли за 9 месяцев снизился на 2,7% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. По китайским прогнозам, оборот между двумя странами в 1998 г. составит 5,5 млрд долл. (в 1997 г. = 6,12 млрд долл.).

Резко снижается торгово-экономическая активность в приграничных зонах. На это указывает сокращение количества визитов китайских бизнесменов через КПП г. Цинь Чэнлу (г. Суйфэньхэ) с 300-350 тысяч чел. в год до 30 тысяч, т.е. в 10 раз.

Другими словами, тенденция такова, что обещание Б. Ельцина довести российско-китайскую торговлю до 20 млрд долл. к 2000 г. явно не будут реализовано. Все это происходит на фоне даже еще более интенсивного, чем с Японией, обмена визитами на самом высоком уровне.

И все же, несмотря на существенный спад во взаимной торговле, для всех становится очевидным, что Китай превратился в главного торгово-экономического партнера России в Восточной Азии, опередив даже Японию.

Структура торговли ныне определяется не географической, промышленной или технологической взаимодополняемостью, а экономическим кризисом в России и внутренними потребностями Китая в сырье и технологиях. Русский экспорт в КНР в основном состоит из машин и оборудования, включая авиационную технологию, автомобили, грузовики, сельскохозяйственную технику, уголь и нефтедобывающее оборудование, генераторы для электростанций, текстильное оборудование, а также сырье и продукции химической промышленности, строительных материалов, черных металлов, стальных труб, древесины, цемента, стекла и удобрений. Доля ма-

шин и оборудования, транспортных средств составляет около 40% всего экспорта России в Китай. Процесс специализации и сотрудничества на основе разделения труда находятся пока в эмбриональном состоянии. КНР в свою очередь экспортирует в Россию товары народного потребления, продукты питания и рабочую силу.

В настоящее время утверждается сотрудничество в области высоких технологий, космических исследований, строительства гидро- и атомных станций, а также в военно-технических областях. В частности, во время визита Ли Пэна в Москву в декабре 1996 г. "стороны договорились о совместном проекте по строительству атомной станции в Китае и предприятия по переработке урана"100.

В российских политических и экономических кругах большие надежды возлагаются на крупномасштабные проекты. Среди них Ковыктинское газовое месторождение в Иркутской области, выполнение работ на Люньюньганской АЭС в приморской провинции Цзянсу, строительство в Китае тепловых станций, доставка сахалинского сжиженного газа в КНР. Обсуждается также проект по доставке газа из Туркмении в китайский порт Люньюньган с последующей его транспортировкой в Японию. В России полагают, что они также могут встроиться в этот проект.

На данный момент в поле зрения находится Ковыктинский газ - проект стоимостью, по одним оценкам, в 7 млрд долл., по другим - в 11 млрд. Надо заметить, что, помимо Китая, в него вовлечены также Монголия, Япония и Южная Корея. Но самым главным участником является "Бритиш петролеум-Амоко", контролирующая через оффшорную компанию "Буровик" российскую "РУСИА-петролеум".

Несмотря на большой ажиотаж вокруг этого проекта, его реализация находится под большим вопросом. Это связано не только с тем, что Япония и КР окончательно не определили свои позиции (Япония, кажется, больше заинтересована в Туркменском проекте), но и с ужесточением требований Пекина в отношении гарантий Москвы. В частности, Россия должна внести Ковыктино в список объектов, на которые распространяется соглашение о разделе промышленной продукции. Пекин также выразил свою заинтересованность в передаче прав на месторождение из рук компании "РУССИЯ-петролиум" в руки компании "Сиданко", поскольку последняя была создана на базе государственного капитала, которому

100 Washington Post, December 26, 1996, p. A19.

китайцы, несмотря на свой "капитализм", доверяют больше, чем частным капиталам. Более серьезная проблема заключается в том, что "БП-Амоко" в принципе не торопится с реализацией данного проекта в соответствии со своими стратегическими планами[101].

Надо иметь в виду и следующее. Учитывая, что множество совместных проектов не реализуется в срок, нынешний премьер КНР Чжу Жуньцзи потребовал от китайских экспертов перепроверить все проекты, заключенные с Россией, что, скорее всего, приведет к их резкому сокращению, поскольку большинство из них просто экономически необоснованны. Более того, после визита Цзян Цзэминя в Москву (ноябрь 1998 г.) следует ожидать снижения активности КНР в деле торгово-экономического сотрудничества. Помимо множества причин существует одна, почти не обсуждаемая в китайской печати, но выражаемая устно, в частности, на двусторонних конференциях. Нынешний китайский руководитель, кажется, впервые осознал глубину экономического кризиса в России и неспособность высшего руководства этот кризис преодолеть.

Единственной сферой сотрудничества с КНР остается военно-техническая, которая имеет все шансы на процветание. Еще в 1993 г. были подписаны соглашения о поставках в КНР 26 истребителей Су-27, ракетных систем С-300 земля-воздух и другие вооружения[102]. Также сообщалось, что Пекин купил две эскадрильи истребителей-перехватчиков Су-31 и не оговоренное количество танков Т-72[103]. В результате визита зам. российского премьера А. Большакова в Китай (декабрь 1996 г.) было подписано соглашение о военно-техническом сотрудничестве. По западным сообщениям, там же было оформлено окончательное соглашение, дающее Китаю право на лицензионное производство Су-27[104]. Недавно появилось сообщение, что на вооружение китайских ВМС поступила третья подводная лодка проекта 877.ЖКМ ("Варшавянка") российского производства. Всего в соответствии с подписанным в 1994 г. контрактом Россия должна поставить Китаю четыре субмарины этого класса на сумму 1 млрд долл. Четвертая "Варшавянка", которую ВМС КНР предполагают получить еще до конца 1998 г., одновременно станет последней выпущенной Россией подлодкой проекта 877, производ-

101 Подр. см. Независимая газета, 16 июля 1999 г.
102 Известия, 9 ноября 1993 г.
103 Сегодня, 28 января 1994, с. 3.
104 OMRI wps-dd 16-Dec.-1996-1352. - Internet.

ство которых на этом будет завершено. Став последним покупателем "Варшавянок", КНР одновременно является первым покупателем новейших российских подлодок проекта 636, которые были спущены на воду весной 1998 г. Субмарина проекта 636 стала дальнейшим развитием "Варшавянки", с новой, более мощной энергетической установкой, высокой маневренностью и меньшим уровнем шумов. Что касается Китая, то приобретение им двух российских подлодок проекта 636 многие объясняют не столько потребностями собственных ВМС, сколько стремлением заполучить новейшие технологии[105].

По разным оценкам, за период с 1991 по 1997 год Москва поставила Пекину оружия на сумму от 3,26 млрд до 3,5 млрд долл.[106].

В комплексе торгово-экономического сотрудничества России с КНР необходимо учитывать и отношения с двумя ее провинциями: Гонконгом и Тайванем. Первая уже "вернулась" в лоно КНР, вторая - даже если какое-то время и останется "независимой", то экономически она так или иначе будет существовать в сфере китайского притяжения.

Торговля России с Гонконгом и Тайванем, млн долл.

		1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Гонконг	э	48	90	50	72	236	322	311	215	201
	и	73	125	217	138	319	122	92	47	27
Тайвань	э		55	119	128	285	194	463	493	289
	и		65	72	85	268	137	88	72	122

Ист.: Direction of Trade Statistics Yearbook, 1992,1998.

Отношения с Гонконгом были налажены еще до середины 80-х годов, однако торговля развивалось довольно вяло и неровно, хотя в целом с повышательной тенденцией до 1993 г. Затем "устойчивое" падение. Аналогичная ситуация с Тайванем. Бума не происходит, что может показаться странным, если иметь в виду, что объемы внешней торговли и Тайваня, и Гонконга превышают объем торговли России в два-три раза. Причины здесь не политические, а чисто

105 См.: Независимое военное обозрение (приложение к "Независимой газете"), N 11, 1998, с. 8.
106 Коммерсант-власть, N 30, август 1998, с. 38-41.

экономические. У России нет возможностей для экономического сотрудничества по широкому фронту.

* * *

Ясно, что нынешняя "рабочая модель" русско-китайских торгово-экономических отношений не отвечает полностью национальным интересам России. В действиях Москвы в отношении КНР не чувствуется стратегического плана. Создается впечатление, что нынешняя политика формируется под воздействием текущих нужд "латания дыр" в экономике. Об этом говорит и упор на искусственное превышение экспорта над импортом для получения валюты, сбрасывание части технологии, оборудования и машин, не востребованных собственными предприятиями, низкий контроль над импортом товаров из КНР, Гонконга и Тайваня, многие из которых не отвечают элементарным стандартам качества. Совершенно не продумана и система использования китайской рабочей силы (этот аспект, судя по всему, вообще пущен на самотек). В определенной степени хаос в русско-китайских отношениях вызван попытками залатать бреши, возникшие из-за прерванных связей с бывшими советскими республиками, ставшими самостоятельными государствами. Все это означает, что нынешнее состояние торгово-экономических связей с КНР хотя и не отвечает национальным интересам России, но в полной мере отражает возможности страны.

Китайская же политика, в резком контрасте с российской, стратегически продумана, и весьма искусно увязана как с интересами КНР, так и с ее возможностями, постоянно оцениваемые и переоцениваемые на каждом этапе экономических реформ.

Россия и Китай - естественные исторические и стратегические союзники. Развитие международных отношений будет неизбежно толкать эти страны на укрепление и усиление этого стратегического партнерства. Главная задача России - совместить свои пока слабые экономические возможности со стратегическими интересами в мире с учетом национальных интересов и в отношении КНР. Известно, что часть политических сил в нынешней России предостерегает от слишком большого крена в сторону Пекина, рекомендуя делать его в сторону Вашингтона и Токио. Но именно политика последних неизбежно будет толкать Россию на стратегическое партнерство с КНР. У Москвы просто нет выбора. Причем, вне зависимости от того, кто у власти. Геостратегическая игра диктует свои правила.

Монголия и Северная Корея

Отношения СССР с МНР и КНДР нельзя рассматривать с позиций чисто экономического сотрудничества. Уровень, масштабы и структура торгово-экономических связей определялись военно-стратегическими соображениями, с одной стороны, с другой - экономической отсталостью двух стран. Немалое значение имели и географическо-исторические факторы. Все вместе определяли неизбежный перекос в характере взаимоотношений Советского Союза со своими двумя азиатскими союзниками.

Монголия. После исчезновения СССР и начала демократических реформ в самой Монголии формы и содержание экономического взаимодействия между двумя странами начали перестраиваться, хотя и не столь резко, как можно было бы ожидать. В принципе для Советского Союза экономические связи с МНР никогда не были весьма существенными. Как торговый партнер ее доля в совокупном объеме торговли СССР не превышала 1-2%. После 1991 г., правда, даже эти проценты начали уменьшаться. В экспорте они составляли в 1992 г. - 0,5%, а в 1997 г. - 0,2%. В импорте соответственно - 0,7 и 0,2%.

Для Монголии же СССР была главным торговым партнером. Его доля в общей торговле МНР, например, в 1980 г. была равна 85%, в 1991 г. - 64%, в 1992 г. - 55%[107]. Если говорить о некоторых конкретных товарах, то цифры оказываются еще более впечатляющими. Так, доля Советского Союза в монгольском импорте машин и оборудования была равна 90%, в нефтепродуктах и черных металлах - 100% и 50% в товарах народного потребления. В Монголии более 600 промышленных комплексов, включая 150 заводов, были построены, реконструированы и расширены с помощью СССР. Целые отрасли монгольской экономики, такие как производство электроэнергии, добывающая промышленность, транспорт и строительные производства фактически были созданы с советской помощью.

Картина начала меняться после 1992 г. Торговый оборот стал неуклонно падать, в 1996 г. он сократился до 30%, а в 1997 г. до

---

107 ??.: Rentsengin Batmend. Mongolia. Report presented at Symposium on the Northeast Asia area economic cooperation. Changchun, China. June 30--July 3, 1993, p. 10; Vostok (Orient), No.5, 1994, p. 180.

22,3%. Сокращения долей России по экспортным и импортным позициям представлены в таблице ниже.

Удельный вес России в торговле МНР и КНДР, %

		1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
МНР	э					19,4	15,1	13,5	20,2	17,4
	и					47,5	69,1	42,9	37,9	33,0
КНДР	э	79,7	82,6	61,6	24,7	5,5	4,0	1,7	28,8	1,65
	и	25,7	40,0	34,3	4,2	11,8	3,9	4,7	25,8	4,8

Ист.: Direction of Trade Statistics Yearbook, 1998.

При этом надо иметь в виду, что формально наши отношения внешне выглядят нормальными. 20 января 1993 г. между РФ и МНР был заключен Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве, заменивший Договор о дружбе и добрососедском сотрудничестве 1991 г. После 1993 г. было подписано более 50 межправительственных соглашений и протоколов о сотрудничестве в конкретных областях. На территории Монголии функционирует около 150 монголо-российских СП, а доля российских инвестиций составляет около 30% от всех иностранных инвестиций[108]. Правда, по данным другого автора, М.И. Гольмана, таких СП в Монголии 130, а частному капиталу россиян принадлежит 22 млн долл. из 150 млн зарубежных инвестиций[109].

Отсутствие активности со стороны российского бизнеса в отношении МНР вызывается целым рядом проблем: низким качеством монгольских товаров, высокими импортными пошлинами (25-30% плюс налог на добавленную стоимость), нерешенность проблемы задолженности МНР по кредитам и помощи СССР (сумма - около 10,2 млрд бывших переводных рублей, т.е. 10,6 млрд долл.) и т.д. На самом же деле все эти проблемы вытекают из главного: мы перестали рассматривать своего соседа как стратегического союзника со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тем самым мы доб-

108 Г. Яскина. Российско-монгольские отношения: реальность и перспективы. - Проблемы Дальнего Востока, 5/98, с. 37.
109 См. Восток и Россия на рубеже XXI века. М., 1998, с. 278,279.

ровольно передаем стратегическую инициативу США и Японии, а также КНР.

При таких условиях Монголия фактически вынуждена перестраивать свои внешние ориентиры, в том числе и в сфере торгово-экономического сотрудничества. Нынешняя тенденция - укрепление экономических связей с западными странами, в частности, по нефтедобыче - сфера, куда энергично устремились американцы, канадцы, австралийцы. США и Япония осваивают угольную промышленность МНР и т.д. Со стороны Улан-Батора это естественная политика. Неестественным является то, что в большей степени в угоду чувству надоевших друг другу друзей, разрываются не только экономически связи, но и крайне важные стратегические узлы, наносящие ущерб геостратегическим интересам как России, так и Монголии, хотя и в разной степени. Причем, опять же фактически из-за нашей непродуманной политики на Дальнем Востоке.

КНДР. В начале 90-х годов отношения между СССР и КНДР существенно изменились. Ситуация схожая с Монголией, только в более обостренной политической и психологической форме. Из таблиц 5 и 6 (Приложение) видно, что доля Северной Кореи в экспорте СССР не была велика и до 1992 г. В 1985 г. она составляла 1,2%, в 1990 г. - 2,2% и в 1991 г. - вновь 1,2%; в импорте соответственно 2,2, 2,8, 1,2%. После образования России торговля фактически свелась к нулю (1995 г.: в экспорте - 0,1, в импорте - 0,03%).

Иные пропорции наблюдаются на "той стороне". Но для начала напомню некоторые факты. На СССР приходилось около 60% всей торговли КНДР. Но уже во времена "перестройки" взаимная торговля начала падать, к примеру, с 2,4 млрд. долл. в 1989 г. до 1,4 млрд. долл. в 1991 г. Тогда это была связано с тем, что Советский Союз в соответствии с межправительственным соглашением по торговле и экономическому сотрудничеству от апреля 1991 г. перешел от бартера на твердую валюту и международные цены взамен "дружеских цен". В эти же годы были резко сокращен экспорт сырой нефти с 885 тыс. т в 1986 г., 410 тыс. т в 1990 г. до 30 тыс. т в 1992 г.110. Естественно, столь кардинально меняющаяся советская политика больно ударила по экономическим связям Северной Кореи. И более того, оказала серьезно негативное влияние на экономику в целом. Нелишне напомнить, что в былые годы с помощью

110 The Korea Herald, July 16, 1992; The Asian Wall Street Journal, Oct. 1, 1991; International Affairs, July 1993, p. 133.

СССР в КНДР было сооружено 70 объектов, производящих свыше четверти валовой промышленной продукции Северной Кореи, в том числе 63% электроэнергии, 50% - угля и нефтепродуктов, 33% - стали, 14% - химической продукции. Причем, уровень возврата средств, выделенных Москвой Пхеньяну на техническое содействие, не превышал 30%. Кроме того, около 300 млн. рублей (тогдашних рублей) было предоставлено КНДР безвозмездно[111]. Эта была часть цены платы за безопасность в СВА.

Как видно из вышеприведенной таблицы доли СССР/России в торговле КНДР, стали, как сказали бы американцы, "драматически" падать в экспорте с 82,6% в 1990 г. до 1,7% в 1997 г., в импорте - соответственно с 25,7% до 4,8%. Так сказать, полнейший коллапс.

Основные экспортные товары из СССР включали нефть, машины, лес, уголь и удобрения, кальцинированный карбид, тальк, трактора, батареи и т.д. КНДР экспортировала товары народного потребления и продукты питания, которые потеряли свое значение для России по мере их экспорта из других стран Восточной Азии, в том числе и из Южной Кореи.

Поначалу не все выглядело так драматично. Сообщалось, что Москва и Пхеньян подписали контракт на создание 7 совместных предприятий с инвестициями на 27 млрд. руб., однако их реализация была отложена из-за начавшихся трений между странами[112].

Проблема заключается в том, что предыдущая концепция экономического сотрудничества строилась на идее предоставления Северной Корее сырья и оборудования в обмен на покупку товаров народного потребления. Эта концепция фактически работала до 1993 г. Россия заключила с Северной Кореей в июле 1992 г. соглашение о разработке совместного проекта по строительству газопровода, связывающего Сибирь и Южную и Северную Кореи. Россия согласилась с тем, чтобы проучаствовать в проекте развития северокорейского порта Наньдзинь на условиях, что России будут предоставлены возможности использовать его для транзита своих товаров в-и-из Южной Кореи, Японии и стран АСЕАН. Предполагалось, что Россия вложит около 2-3 млрд. долл. на начальной стадии[113].

---

111 Правда, 6 августа 1990 г.
112 Daily Report: Central Eurasia, June 19, 1992, p. 36.
113 Korean Economic Daily, Aug. 16, 1993.

Советская технология составляла сердцевину северокорейской ядерной программы: от пяти-мегаватного экспериментального реактора в Юнгбоне до сотен обученных ученых-ядерщиков. СССР провел различные исследования с 1987 г. для того, чтобы установить три реактора на легкой воде в Синпо, на побережье Северной Кореи. В 1991 г. также договорились о поставке 660 мегаватной установки стоимостью в 4 млрд. долл.[114]. Однако в 1993 г. Москва приняла решение не поставлять три ядерной установки в ответ на мировую шумиху вокруг ядерных программ Пхеньяна. Этот проект был заморожен на основании особого исключительного указа президента России. Многие другие проекты также повисли в воздухе. Ситуация усложняется тем, что Северная Корея не в состоянии выплатить России долги в сумме 3,3 млрд руб.[115] Правда, признаком еле дышащего "экономического сотрудничества" является подписанное в начале 1995 г. соглашение, предоставляющее право 7000 северокорейским рабочим заниматься сельским хозяйством и экспортом леса из РДВ[116].

Необходимы весьма серьезные стимулы для того, чтобы вытащить русско-корейские отношения из такого состояния.

Корейская Республика

В момент установления дипломатических отношений с Сеулом в сентябре 1990 г. многие питали иллюзии, что Южная Корея станет чуть ли ни главным торговым партнером России в СВА. Тем более что с самого начала друг другу были предоставлены условия наибольшего благоприятствия в торговле, установлены телеграфные и телексные связи и были открыты прямые авиалинии Хабаровск-Сеул, а в ноябре 1992 г. (во время визита Ельцина в Корейскую Республику) был подписан Договор об основах взаимоотношений между странами.

Подобные надежды возбуждались не только результатами быстрого роста корейской экономики, но и расчетами на объективные потребности страны. Цифры показывали, что за последние 10 лет импорт топлива Южной Кореи вырос в 2,5 раз, а уровень зависимости от импортируемой энергии увеличился до 80%. В соответствии

114 Far Eastern Economic Review, Dec. 29 -- Jan. 5, 1995, p. 14.
115 East Asian Review, Summer 1994 (#2), p. 71.
116 Asia 1996 Yearbook, p. 200.

с некоторыми оценками, до конца века импорт энергетических ресурсов должен был увеличиться еще в 1,6 раз по сравнению с серединой 80-х годов. Особенно учитывался быстрый рост импорта природного газа. Исходя из этого, предполагалось, что Корейская Республика в принципе могла бы стать покупателем оборудования для энергетических отраслей промышленности и предприятий машинного профиля, крупномасштабным импортером российской нефти, древесины, целлюлозы, а также угля, железа и т.д.

Поначалу основные южнокорейские монополии развернули бурную рекламу своих намерений в России. К примеру, Хёндай и Лаки Голдстар предлагали себя для участия в развитии нефтяных пластов в Калмыкии, прокладке нефтепровода из Якутии через КНДР в Южную Корею и Китай, модернизацию Ижорского завода в Ленинграде, в установлении множества совместных предприятий с российскими партнерами. Вдобавок, они планировали построить бизнес-центр недалеко от Находки и Владивостока (предполагаемая сумма инвестиций 50 млн долл.), полипропиленовое предприятие в Тобольске (30 млн долл.) и принять участие в модернизации угольных шахт в Ельгинске (200 млн долл.). Лист "намерений" был очень длинным.

В реальности мало что было сделано. В соответствии с официальной статистикой количество совместных предприятий было равно 30 на конец 1994 г. с общей суммой корейских инвестиций в 25 млн долл. По данным специалиста по Южной Корее А. Воронцова, к 1995 г. корейским фирмам было выданы разрешения на осуществление 56 инвестиционных проектов в РФ на общую сумму 53 млн долл., из которых фактически были реализованы 33 проекта на сумму 27 млн долл. По итогам на 1 апреля 1997 г. в РФ было создано 83 СП с общим объемом южнокорейских инвестиций в 108 млн долл.117

Южная Корея участвует в некоторых небольших проектах в Сибири и на Дальнем Востоке. Их сфера - строительство гостиниц, бизнес-центров, налаживание туризма, лесозаготовки. Причем, в последнем случае деятельность, в частности, той же Хёндай носит скорее разрушительный, нежели созидательный характер. Организовав в Приморье лесозаготовительное СП, она вместе со своим партнером вырубила леса площадью в 59 тыс. га в районе поселка

117 См.: Восток и Россия на рубеже XXI века, с. 264.

Светлая, не выполнив свои обязательства по "восстановлению лесной экологии".

В 1990 г. и в 1991 г. Сеул обещал предоставить заем СССР в общей сумме на 3 млрд долл. Причем, с самого начала он не рассматривал этот заем как фактор экономического значения. Но уже через несколько лет решение Сеула предоставить этот заем стал считаться ошибкой президента Ро Дэ У. Часть этой суммы была заморожена. В результате долг России составил 1,8 млрд долл., из которых 400 млн были просрочены.

Чтобы решить проблему, Россия предложила Сеулу оружие на продажу. В декабре 1994 г. в Москве был подписан договор о том, что Россия поставит Южной Корее военное снаряжение, алюминий и стальные чушки на сумму 375 млн долл. как часть возврата за долг. Согласно дипломатическим источникам, в "военное снаряжение" включались танки, противотанковые ракеты, вертолеты и другая аналогичная продукция на сумму 187,5 млн долл. В мае 1995 г. министры обороны России и Ю. Кореи подписали Меморандум о взаимопонимании по военным вопросам между министерствами обороны обеих стран и парафировали соглашение о военно-техническом сотрудничестве в 1995-1996 гг. В счет уже упоминавшегося долга в 1996 г. были поставлены 26 танков модели Т-80У, 30 БМП-3, зенитно-ракетные комплексы "Игла", противотанковые комплексы "Метис-М" и другие вооружения[118].

В целом же, несмотря на некоторый всплеск торговой активности в 1991 г. и увеличение абсолютной массы, его уровень понизился в 1992 г., затем его доли неуклонно понижались и для той и другой стороны, достигнув отметки, близкой к 1-2% (см. таблицы 3 и 4 в Приложении). Динамика оказалась понижательной.

В общем-то и структура торговли не впечатляет. Основой российского экспорта в Корейскую Республику является сырье, а не высокотехнологические изделия, как предполагалось раньше.

Естественно, на торговые отношения не мог не сказаться и азиатский кризис, особенно сильно сказавшийся именно на КР. В результате разорившиеся компании, даже такие мощные как Киа (ко-

118 Подр. см. А.В. Воронцов. Республика Корея: социально-экономическая структура и торгово-экономические отношения с СНГ. М.: ИВ РАН, 1998, с. 72.

торую поглотил Самсунг), вряд ли будут в состоянии выполнить взятые на себя обязательства, в том числе и на российском рынке.

В конечном же счете главная проблема - состояние российской экономики, к которой с прошлого года добавился финансово-экономический кризис в самой Корее. Это вынуждает Сеул более осторожно относиться к перспективам связей с Россией, что будет вести к стагнации российско-южно-корейских отношений практически по всем азимутам.

Внешнеэкономические связи Российского Дальнего Востока (РДВ) со странами СВА и США

Для начала целесообразно представить чисто статистическую информацию о РДВ, которая поможет взглянуть на реальную ситуацию в регионе. Это не так просто, поскольку у нас фактически не существует комплексной информации обо всем Дальневосточном экономическом районе (ДВЭР). В какой-то степени она собирается Хабаровским институтом экономических исследований (ХИЭИ), однако их публикации в виде "Обозрений" (совместно с Японским фондом Сасакава), во-первых, отражают цифры двух-трех летней давности, а во-вторых, обычно продаются за валюту, главным образом, иностранцам.

Как ни странно, те же иностранцы оказываются в этом смысле более полезны, чем наши статорганы. Особенно активны в этом плане американцы, точнее их консульство во Владивостоке, которое через свои бюллетени *the Business Information Service for the Newly Independent States (BISNIS)* дают наиболее полную информацию по Дальнему Востоку, которую можно "выудить" через Интернет[119]. Правда, они также оговаривают, что эта информация не совсем надежная и неполная. Ниже приведенные данные почерпнуты из этого источника плюс из различных экономических ведомств США (например, Госдепартамента и Министерства торговли). Несмотря на их неполноту и разнотипность информации по каждой области и краю, тем не менее, они дают все-таки возможность оценить ситуа-

119 FM AMCONSUL VLADIVOSTOK, U.S. & FOREIGN COMMERCIAL SERVICE AND U.S. DEPARTMENT OF STATE, 1998. - Internet.

цию в регионе в целом. Кроме того, может оказаться полезной и информация, собранная аналитиками журнала "Эксперт" (от 19 октября 1998 г.), позволяющая получить общее представление об инвестиционном климате на Дальнем Востоке в сравнении с другими регионами России (Приложение: Таблицы 8 и 9).

Итак, общая динамика внешней торговли РДВ представлена ниже (в млн долл.):

	1992	1993	1994	1995
Оборот	2728,9	3238,9	2260,3	4180,2
Экспорт	1539,2	3048,1	1610,5	2426,8
Импорт	1189,7	1190,8	649,8	1753,4

Российский экспорт, как известно, состоит в основном из продукции первичной обработки, и это особенно верно для экспорта из РДВ. Где-то около 75% (по другим оценкам, 60-65%) экспорта РФ состоит из продукции трех основных отраслей промышленности региона (лесной, рыбной и топливной). Доля первичных продуктов в экспорте РДВ (без учета Якутии) близка к цифре 90%, в то время как импорт более чем на 80% состоит из потребительских товаров, продуктов питания, транспортной техники, в том числе и автомобилей.

Торговля в основном сконцентрирована на странах СВА, доля которых достигала около 80% на середину 90-х годов. Среди них наиболее важными являются две страны - Япония и Китай. В последние годы стала усиливаться роль Южной Кореи, особенно в отношениях с Приморьем и Хабаровским краем. Весьма заметной становится и роль США.

По данным журнала "Эксперт", некоторые части РДВ входят в 20 регионов страны с наибольшими объемами прямых иностранных инвестиций. Так их аккумулятивный объем в 1993-1997 гг. (в млн долл.) в Магаданской области составлял 181,1 (1,45% в суммарных инвестициях в Россию), Еврейская автономная область - 173,5 (1,39%), Хабаровский край - 161,3 (1,29%), Сахалинская область - 156,9 (1,25%), Приморский край - 114,2 (0,91%).

Внешние связи районов РДВ

Приморье. Хотя географический охват стран Приморьем большой (22 государства), однако, более 70% его торговли приходится на Японию (20%), Южную Корею и США (по 18%), КНР (16%). В 1997 г. общий объем торговли с 22 странами превысил 2 млрд долл.

Страны	Экспорт	Импорт
Япония	318	92
США	211	149
Китай	185	129
Южная Корея	179	187
Всего	1,149	871

Основными экспортерами в Приморье в 1997 г. были Ю. Корея - 21,5%, США - 17, Япония - 10,5, Китай - 10,5.

По данным Краевого бюро по внешним экономическим связям, Приморье импортировало следующие товары: морские суда на 110 млн долл. (из них на Ю. Корею приходилось 31%); мясо и мясные продукты - 87 (США - 50%); оборудование и механические изделия - 54 (Япония - 34%); сахар - 50 (Таиланд - 87%); нефтепродукты - 49 (Сингапур - 44%); машины и запчасти - 47 (Япония - 53%); аудио и видеотехника - 43 (Япония - 23%); зерно - 19 (США - 39%); пластика и синтетические товары - 17 (Ю. Корея - 34%); различные типы промышленных товаров - 17 (Ю. Корея - 52%).

Если суммировать все виды продуктов питания (без алкоголя), то на импорт продуктов падает самая большая сумма (228 683 тыс. долл.) или 26% всего импорта Приморья. Основными импортерами продуктов питания были: США - 28%, Китай - 20%, Таиланд - 19, Ю. Корея - 7, Австралия - 7, Канада - 5%.

Основными экспортными товарами, естественно, были: рыба и рыбопродукты, лес и древесина, металлы, боропродукты, уголь и железо.

В результате финансового кризиса в Южной Азии, а затем в России, в течение первых шести месяцев 1998 г. региональный экспорт упал на 25% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Первый месяц финансового кризиса в России понизил импорт на 10-15% от уровня 1997 г. Импорт товаров народного потребления и продуктов питания из-за ослабленного рубля упал и заморозил бан-

ковскую систему, а импортные товары быстро возросли в цене. Многие российские компании отложили или вообще аннулировали контракты со своими иностранными партнерами.

По данным администрации региона, общий объем иностранных инвестиций в крае в 1997 г. составлял 260 млн долл. (ж. "Эксперт" дает другую цифру), что выдвинуло Приморье в первую 20-ку российских регионов по иностранным капвложениям. Основными инвесторами были: США - 107 млн долл., Южная Корея - 71, Япония - 54,4, Сингапур - 31,9, Швейцария - 19,1, Австрия - 18,6.

В Приморском крае зарегистрировано около 1000 предприятий с иностранными инвестициями (ПИИ) из 20 стран, из которых реально работают только 20. Около 22% зарегистрированных компаний вовлечены в производство, остальные занимаются сервисом и торговлей. Для информации: в 1996 г. таких ПИИ в крае было 1 202. Многие из них прекратили свою деятельность после финансового кризиса.

Хабаровский край. В 1997 г. произошло уменьшение общей торговли на 22% по сравнению с 1996 г., несмотря на то, что импорт увеличился на 10%. (К нижеприведенной статистике, почерпнутой из недр администрации, надо относиться с осторожностью. Очевидная статистическая аномалия по торговле за 1996 г., прежде всего, в преувеличении цифры 5 млрд долл. в экспорте в Китай делает сравнение между 1996 г. и 1997 г. сомнительным).

В соответствии со статистикой края, вся торговля в 1997 г. была равна 983 227 тыс. долл.; экспорт - 71% (696 млн долл.) и импорт - 29% (287,5 млн долл.).

В соответствии с более детальной статистикой таможни, около 32% импорта в Хабаровск (90,8 млн долл.) составляли агропродукты и продукты питания.

Основные торговые партнеры Хабаровского края в 1997 г. (доли в процентах):

Страны	Торговля	Экспорт	Импорт
Япония (1)	32	40	13
Китай (2)	15,2	11,9	23
Кипр (3)	10,9	15,4	0
Корея, Южная (4)	9,9	9	11
США (5)	8,7	8,3	9,6

Швейцария (6)	3	4	0,6
Украина (7)	2,8	0,1	9,3
Сингапур (8)	1,7	1,7	1,7
Вьетнам (9)	0,9	1.3	0
Канада (20)	0,4	0,09	1
Корея, Северная (29)	0,1	0,2	0

Примечание: некоторые виды экспорта на Кипр означают продукцию ВПК (типа шины для самолетов и навигационное оборудование).

Среди номенклатуры экспорта: необработанная древесина (33% от всего экспорта) направлялась в основном в Японию, Китай и Южную Корею; услуги (27%) {другие регионы, например, Приморский край, не включают услуги в экспорт}; дизельное топливо (9%), рыбные и морские продукты (5,7%) поставлялись в основном в США, Японию, Ю. Корею и Китай; нефть (5,6%).

В долларовом выражении импорт Хабаровского края составил в 1997 г. 288 млн долл., среди них (в млн долл.):

Услуги	189
Мясо и мясные продукты	44
Машины и оборудование	41
Зерно	15
Железные металлы	14
Инструменты и мед. оборудование	9,4
Суда и части	5,4
Мебель	4,8
Грузовики	4,6
Бумага	4

Примечание: "услуги" скорее всего, означают импорт иностранной рабочей силы, в частности, из Китая и С. Кореи.

Торговля Хабаровского края с США за период с 1994 г. по 1997 г., в млн долл.

	Торговля	Экспорт	Импорт
1994	25,1	7,8	17,3
1995	62,2	24,8	37,4
1996	86,2	42,5	43,7
1997	85,0	57,6	27,4

На продукты питания приходится более 30% от всего импорта Хабаровского края в сумме 91 млн долл. Среди основных экспортеров являются следующие страны:

Страна	Всего, в млн долл.	Доля, в %	Типы питания
Китай	42	46	Мясо, зерновые, фрукты и овощи, орехи
Казахстан	14	15	Зерновые, мясо, овощи
Австралия	5,7	6	Мясо, молочные продукты
США	4,8	5	Мясные продукты, орехи, овощи и цитрусовые, консервированные рыба и мясо
Азербайджан	4,8	5	Напитки и вина
Украина	3,0	3	Мясо, сахар и сладости
Узбекистан	2,9	3	Фрукты, овощи, орехи
Венгрия	2,5	2,7	Жиры и масла
Ю. Корея	2,5	2,7	Различные виды питания, напитки

США являются инвестором №1 в Хабаровском крае как по общей сумме инвестиций, так и по количеству компаний. В 1997 г. США инвестировали 10 млн долл., главным образом такие компании, как "STARMA," "QUAKER," "TAS YURYAKH," и "AMUR MACHINERY AND SERVICES." Это составляло почти 50% всех иностранных инвестиций в крае. 116 компаний имеют американские инвестиции, что составляет 20% компаний с иностранными инвестициями. Все американские инвестиции в них достигают суммы в 44 млн долл. на конец 1997 г. В основном они создавались раньше: 31 компания в 1993 г., 21 - в 1995 г. и только 6 компаний были зарегистрированы в 1997 г.

Магаданская область. Внешние связи области в основном ориентированы на США. В 1997 г. она занимала 2-е место после Приморья по импорту из США в РДВ (88,925 млн долл.). Американские

компании в основном экспортировали продовольствие (60% местного продовольственного рынка), топливо (уголь, топливную нефть и бензин), строительное и горное оборудование.

Другими основными торговыми партнерами были Канада, Германия и Виргинские острова (!).

Из-за финансового кризиса внешняя торговля, особенно с США, снизилась на 90%. Количество контейнеров, прибывающих из США, уменьшилось от 150 в месяц до 8-15. Американские продукты питания заменяются российскими, китайскими и европейскими.

США остаются главным инвестором в Магадане в 1997 г. (78% всех сообщенных иностранных инвестиций). В 1997 г. компании США вложили приблизительно 50 млн долл. в золотодобывающую промышленность, геологические исследования и в производство продуктов питания.

По инициативе Зарубежной частной инвестиционной корпорации США (the US Overseas Private Investment Corporation (OPIC/ОПИК) в мае 1994 г. был объявлен проект по добыче золота, который должен был реализовывать СП "ОМОЛОН ГОЛД". Этот проект должен был получить свое развитие на серебряном и золотом месторождении Кубака около Магадана. Оценочные резервы месторождения - 70-80 т золота. Общая стоимость проекта 180 млн долл. Ее участниками стали минеральная компания "КИПРУС-АМАКС" (США) с долей в 50% и российские компании, также с долей в 50%, из которых 28% принадлежит магаданскому "Геометал плас". В 1997 г. СП "ОМОЛОН ГОЛД" начало выработку и произвело 8 т золота, в 1998 г. планируется произвести еще 16 т.

Другой аналогичный проект - "Джульета" - находится под пристальным вниманием. Оценка - 30 т золоторезервов. СП магаданской омсуннкчанской горнорудной и геологической компании (в которой 50,5% акций принадлежит компании "Arian Resources LTD." (на Барбадосе) и канадской корпорации "Бема голд". Стоимость проекта - 70 млн долл. Выпуск продукции планируется к 2000 г., хотя не исключено что и позднее.

Дукатское серебряное месторождение, наикрупнейшее в России, эксплуатируется СП "Серебро-Дукат", которое выиграло лицензию на 20 лет в ноябре 1997 г. Ее участниками являются корпорация "Пан Американ силвер" (Канада) - 70% акций компании, "Геометал плас" (Магадан) - 16,5% и "Вестерн пинакл майнинг" (Канада) -

13,5%. Месторождение содержит 400 т серебра. Стоимость проекта 212 млн долл. Первая добыча ожидается в 1999 г.

В 1998 г. магаданская администрация предложила Думе одобрить проект создания Специальной торговой и таможенной зоны в Магадане на 5 лет. Таможенные отчисления предполагается временно сократить или отменить для горнорудного и строительного оборудования, предназначенного для магаданского региона. Все федеральные и местные налоги оставлять в бюджете и использовать на развитие горнорудной промышленности.

Сахалинская область. Внешнюю торговлю Сахалин ведет с 50 зарубежными государствами и 8 странами СНГ.

В 1996 г. лидирующими партнерами были Япония - 23,3% (от общей торговли), Южная Корея - 15,7, США - 10,7, Китай - 6,1 и Германия - 5,3.

Экспорт Сахалина состоит в основном из сырьевых материалов: энергоресурсы, рыба и морепродукты, лес и древесина. Импорт состоит из товаров народного потребления (около 40% от всего импорта), машин, оборудования, машиностроения и производственных товаров (39%), а также других товаров и услуг (21%).

На 1 января 1997 г. 386 предприятий с иностранным капиталом зарегистрированы в Сахалинской области. Наиболее заметные среди них следующие: Exxon, Marathon Oil, Mobil, Arco, Halliburton, Mitsui, Mitsubishi, Shell, Sunmar Caterpillar, Fesco, Lynden, Brown & Root, Morrison Knudsen, Shlumberger. Большинство из них являются участниками проектов, известных как Сахалин-1 и Сахалин-2. Они начали действовать с 1996 г. после подписания с правительством соглашения о разделе продукции (СРП). Наиболее продвинутым проектом считается Сахалин-2. Вчерне подготовлен проект Сахалин-3, который должен быть одобрен Думой. Проекты Сахалин-4,5 и 6 ожидают своей очередности. "Эксон нефтегаз лимитед" распространила сообщение о результатах 1997 г. и планах на 1998 г.

Консорциум проекта "Сахалин-1" объявил, что в 1998 г. он планирует затратить 200 млн долл. для продолжения программы в целях более точной оценки проекта "Сахалин-1". Таким образом затраты на оценку программы, начатой в 1996 г. превзойдут 400 млн долл.

По сообщению газет, в конце июля 1999 г. на Пильтун-Астохском месторождении, расположенном на небольших глубинах

примерно в 15 км от берега, будут получены первые тонны нефти в рамках реализации проекта "Сахалин-2". Он станет первым в России, осуществленным зарубежными инвесторами на условиях СРП. Работы ведутся созданной еще в 1994 году компанией "Сахалинская энергия" ("СЭ"), акционерами которой являются американская "Маратон Сахалин Лтд." (37,5%), японские "Мицуи Сахалин Холдингс Б. В." и "Даймонд Гэс Сахалин Б. В." (соответственно 25 и 12,5%), а также англо-голландская "Шелл Сахалин Холдингс Б. В." (25%).

Цель "СЭ" - разработка двух крупнейших месторождений на шельфе Сахалина: уже упомянутого нефтяного и Лунского, газового. Их разведанные запасы составляют 140 миллионов тонн нефти и 408 миллиардов куб. м газа. Договор об освоении этих месторождений был подписан с Правительством России 5 лет назад сроком на 25 лет с возможностью его продления. 120

Любопытна справка американского консульства относительно условий для бизнеса на Сахалине. В ней говорится: "Компании с опытом в деле бизнеса в России, в частности вне Москвы, наиболее уютно чувствуют себя на Сахалине. Новички же подвержены шоку. Делать бизнес на РДВ - не для слабонервных, не для тех, у кого нет воображения или гибкости. Непредсказуемость, неконтролируемость, проблемы налогов, проблемы сертификаций, визиты вооруженной налоговой полиции, проблемы рабочей силы, новые требования для найма работников, драки и ссоры в аэропорту - все это требуют стойкости и высокой морали. Работа на Сахалине является вызовом даже при наиболее благоприятных обстоятельствах. В то же время, те, кто работал на острове в течение какого-то времени, находил величайшую силу духа в общинах и восхищался русским товариществом и гостеприимностью".

Камчатская область. За 9 месяцев 1997 г. зарубежные страны экспортировали на Камчатку товаров на сумму 233 млн долл., из них на США падало 82 млн., затем шли Южная Корея, Япония и Китай. Главными экспортными товарами были топливо и нефть, корабли, питание (особенно паста, пшеница и фрукты) и услуги.

Сумма иностранного капитала составляет всего 70 млн долл. (за последние 4 года). На США приходится около 45 млн долл. Остальные инвестиции вложены Японией, Ю. Кореей и Канадой.

120 Экономика и Жизнь, 2 июля 1999 г.

Ограничения на путешествия, строгий таможенный режим, высокие налоги и нечеткая законодательная система делают регион весьма рискованным для инвестиций и опасным для туризма.

По утверждению американских экспертов, губернатор области и его команда, отвечающая за внешние экономические связи, не проявляют интерес к улучшению инвестиционного климата и демонстрируют отсутствие знаний в развитии экономической стратегии или привлечения инвестиций.

Амурская область. Статистика (на основе областной статистики) по Амурской области имеет низкое качество. Большая ее часть основана на оценке бартерной торговли, две трети из которой приходится на Китай.

Внешняя торговля (в млн долл.)

	1995	1996	1997
Весь импорт	76,3	52,2	66,1
- из СНГ	14,4	10,4	16,2
- из дальнего зарубежья	61,9	41,8	49,9
- из США	н/данных	3,5	2,6
Весь экспорт	63,8	98,2	117,8
- в СНГ	1,4	0,6	0,4
- в дальнее зарубежье	62,4	45,4	51,3
- в США	н/данных	0,2	0,1

Основными импортными товарами в 1997 г. (без включения бартера) являлись: мороженое мясо (7500 т), цветные металлы (800 т), одежда (700 т), цыплята (500 т).

Главным импортными товарами из США (в тыс. долл.) в 1997 г. были: сосиски (716), цыплята (371), оборудование для пищевой промышленности (356), топливная нефть (263). В первой половине 1998 г. - оборудование для деревообработки (474), бульдозеры, экскаваторы (240), запчасти (232), сосиски (214).

Основные экспортные товары: древесина (232 300 куб м), цветные металлы (102 200 т), драгоценные металлы (5 700 т).

В областной статистике не указаны суммы иностранных инвестиций. Скорее всего, они минимальны и принадлежат Китаю.

Создается впечатление, что от взаимного экономического взаимодействия наибольшие выгоды получает КНР. По крайней мере, если город Хэйхэ, по другую сторону Амура, превращается в современный город с небоскребами, отелями и прекрасными бизнес-зданиями, Благовещенск продолжает сохранять облик города 19 века, охраняемый "старой российской канонеркой, находящейся по середине течения, несколькими огневыми сооружениями времен второй мировой войны и гниющим фортом, построенным еще в царское время".

Деятельность иностранных компаний на РДВ и их реакция на финансовый кризис в России

США[121]

Если в первые годы капиталистических реформ на Дальнем Востоке наибольшую активность проявляли Япония и КНР, то в последние два-три года инициативу, судя по всему, перехватили США. На это указывает и деятельность в регионе экономических структур США, общее количество которых достигает около 200. Ниже указана деятельность некоторых из них.

Экспортно-импортный банк США (**U.S. Export-Import Bank (Ex-Im).**

В январе 1996 г. ЭИБ подписал Меморандум о взаимопонимании (МОВ) с Рослеспромом, (Российская государственная лесопромышленная компания), чтобы предоставить финансирование (прежде всего кредитные гарантии) российским предприятиям лесной промышленности в деле закупки оборудования и услуг США. Внедрение МОВ требовало дополнительной документации и инструкций. С 1992 г. ЭИБ вложил 2,6 млрд долл. В 1996 г. ЭИБ согласился предоставить 60,3 млн долл. гарантийного кредита гиганту "Алмазы

121 Данные на август 1998 г. подготовлены BISNIS. Additional information for the organizations discussed below, as well as for other financing sources, can be found in the BISNIS document "Sources of Finance for Trade and Investment in the NIS," available through the BISNIS On-Line world wide web home page at: www.iep.doc.gov/bisnis/finance/finance.html.

России-Саха (Саха/Якутия)" для покупки американского строительного оборудования.

Зарубежная частная инвестиционная корпорация (ЗЧИК) - **Overseas Private Investment Corporation (OPIC).**

Между 1994 и 1996 гг. эта корпорация направила более 3 млрд долл. на поддержку долгосрочных инвестиций в России. На конец 1997 г. она предоставила финансы, гарантии и гарантии по политическим рискам для 11 проектов РДВ в следующие сектора: нефть и газ, рыба и морские продукты, телекоммуникации (3 проекта), горное дело (3), лесное хозяйство (2) и агробизнес (распределение питания и хранение). Поддержка этих проектов со стороны ЗЧИК ранжировались от 4 млн до 116 млн долл. В феврале 1997 г. ЧЗИК подписала протокол с Сахалинской компанией по инвестициям в энергетику, предусматривающий предоставление 116 млн долл. для проекта "Сахалин-2".

Агентство по торговле и развитию США (АТР) - **U.S. Trade and Development Agency (TDA)**.

Россия представлена наиболее полно в этом агентстве, которое участвует в 130 проектах с 1991 г. с аккумулятивной суммой в 48 млн долл. С марта 1996 г. АТР выделила 11 грантов от 150 тыс. до 1,35 млн долл., а всего на сумму 5 млн долл., для исследовательских проектов по Дальнему Востоку.

Деятельность АТР на РДВ включает: проект по конверсии судоверфи в Комсомольск-на-Амуре (от производства подводных лодок к нефтяным офшорным платформам и гражданской продукции); развитие терминалов для зерна в порту Восточном; восстановление электростанции на Сахалине, проект по развитию системы продаж продовольствия, инициированное администрацией Приморского края; строительство гостиницы в Магадане; усовершенствование авиа воздушного контроля на РДВ; проекты по окружающей среды, связанные с восстановлением лесных массивов в Хабаровском крае и строительство рисовых мельниц. С 1997 г. АТР финансирует исследование в сфере угольного окисления, проект коммерческого порта во Владивостоке и др.

Министерство сельского хозяйства (МСХ) США - **U.S. Department of Agriculture (USDA).**

МСХ через свою Товарно-кредитную корпорацию "ГСМ-102 программы" (GSM-102 program) передала России 50 млн долл. в

1995 г. Около двух десятков российских банков участвуют в этой программе, включая Инкомбанк, который имеет свой филиал в Приморском крае. Помимо него, в указанной программе участвуют Банк Владивосток-Дальневосточный, Банк Дальрыба, Хабаровский региональный банк, Хабаровский коммерческий банк. МСХ также спонсирует программы по технической помощи (обучение, торговые миссии и т.д.), чтобы расширить экспорт американской с/хозяйственной продукции.

Южная Корея

Южнокорейские компании в основном действуют в сфере бытовой электроники и продуктов питания. Свои офисы и представительства на ДВ имеют Хёндай, ЛГстар, Самсунг и Дэу. Хёндай построил бизнес-центр во Владивостоке стоимостью 100 млн долл. Остальные три открыли сеть специализированных магазинов. Продажи корейской продукции российским компаниям сократилась на 90% из-за финансового кризиса и девальвации рубля и увеличения цен на все импортные товары. Многие российские компании прекратили или отложили действия контрактов с корейскими партнерами из-за того, что они оказались не в состоянии платить таможенные налоги.

Корейские компании сократили свой персонал и активность на РДВ и ожидают новой экономической политики от России. Хёндай, в частности, потерял больше всего в своем Бизнес центре и временно закрыл два из четырех ресторанов, уволив служащих.

Япония

На РДВ наиболее активно действуют японские гиганты Сумитомо, Мицуи, Итотю, Ниссе Иваи, ИТС и Нитимэн. Некоторые организовали СП. Например, Сумитомо имеет три СП с российскими компаниями для продажи японских машин и для переработки угля и древесины. Эти компании покупают сырье на РДВ и отправляют ее в Японию. Взамен поставляют российским компаниям машины и оборудование.

Финансовый кризис в России имел небольшое влияние на японские компании. Импорт товаров сохранился на том же уровне, однако, заказы на машины и оборудование уменьшились. Японское

правительство продолжает опекать японскую торговлю и культурные отношения, информационные центры на РДВ. Вместе с тем предпочитает "большую политику" на высшем уровне с российскими лидерами. Японию в большей степени интересуют крупные инвестиционные проекты (такие, как Сахалинский аэропорт). Дипломатические лица не очень распространяются о японских намерениях на рынке РДВ. Однако некоторые чиновники не скрывают своего недовольства относительно потерь и выражают разочарование сложившейся ситуацией. Они не возражают против лидерства американцев в этом регионе.

Китай

Большинство китайских компаний на ДВ представляют собой небольшие и средние торговые фирмы. Они снабжают РДВ потребительными товарами, продуктами питания и домашними электроприборами. Из России они везут сырье (железо, лесопродукты, цветные металлы). Нынешний финансовый кризис вынудил китайские компании остановить импорт многих товаров потребительского назначения, которые стали очень дорогими. Судя по нижеприведенной таблице, несмотря на отсутствие данных за последние годы, очевиден общий спад торговли КНР с РДВ, что отражает в целом картину российско-китайских экономических отношений.

Динамика внешней торговли РДВ с Китаем (в млн долл.)

	1992	1993	1994	1995
Оборот	984.1	1181.5	250.6	328.0
Экспорт	564.6	575.5	156.0	172.4
Импорт	419.5	606.0	94.6	155.6

Австралия

Ведущие австралийские продовольственные фирмы резко сократили поставки из-за неспособности покупателей заплатить. Несмотря на такую ситуацию, 12 австралийских продовольственных организаций проучаствовали в запланированной торговой выставке по продовольствию (в сентябре 1998 г.), где были подписаны ряд контрактов. Австралия девальвировала свою валюту почти сразу

же вслед за российской девальвацией, что может сделать австралийские продукты (особенно мясо и молоко) более конкурентоспособными на РДВ в будущем.

Выводы и заключения

Прожив во Владивостоке более 3-х лет в период с 1989 г. по 1992 г. и проработав в качестве директора одного из экономических институтов, я опубликовал немало статей об экономических и политических проблемах Дальнего Востока. В то время мне казалось, что нормальному развитию региона мешают три кардинальные проблемы: 1) жесткая экономическая и административная привязка региона к Центру; 2) отсутствие рыночного механизма; 3) закрытость региона от внешнего мира[122].

После начала капиталистических реформ, казалось бы, названные проблемы были решены. Почти все регионы Дальнего Востока открыты (Владивосток был открыт в начале 1992 г.). Вышеприведенные данные, свидетельствующие о достаточно активной деятельности зарубежных компаний, казалось бы, должны стимулировать развитие экономики в регионах. Рыночный механизм внедрился быстрыми темпами и практически покрывает чуть ли не 80% всей экономики ДВЭР. Централизованное управление хозяйственными субъектами из Москвы фактически прекращено.

"Результаты", как говорится, превзошли все ожидания.

Экономика РДВ оказалась разрушенной в большей степени, чем даже экономика всей России.

Вот оценка ситуации Советника Секретаря Совета безопасности И.Ф. Зайцева: “Сравнительный анализ данных по социально-экономическому развитию страны, выполненный по 22 важнейшим показателям, характеризующим социальную и экономическую ситуацию, показывает, что Дальний Восток и Восточная Сибирь отно-

122 См.: Алиев Р. Искать стратегию развития. Проблемы Дальнего Востока, 1990, # 2; Утраченные иллюзии и новые надежды. ТДВ "Делин", 1990, # 7-8; Стипльчез к рынку (О некоторых проблемах экономического развития Приморья и японо-советском экономическом сотрудничестве). ТДВ "Делин", 1991, # 1; Нужен ли нам весь мир? О стратегии внешнеэкономической политики Приморского края. Владивосток, 30 июля 1992 г.; Приморье: путь из хаоса к процветанью. Владивосток, 8 октября 1992 г..; Russian Far East: Strategy and Tactics of Development in Primorye. The Korean Journal of International Relations, v.XX1Y, No 2, Summer 1993 (pp. 241-261).

сятся к числу наиболее отсталых экономических районов страны (наряду с Северным экономическим районом)"[123].

Условия жизни (транспорт, энергетика, продовольствие), которые и до капиталистических реформ не казались достойными, ухудшились до уровня наиболее отсталых стран третьего мира.

Личная безопасность граждан доведена до стандартов ньюйоркского Гарлема или лос-анджеловских гетто. Диктат Москвы сменила диктатура мафии. Д. Хэйли, ссылаясь на А. Бивса, пишет: "Особая специфика Владивостока в том, что он стал городом в России, где власть постепенно слилась с криминальным миром и теневой экономикой". Как считает сам Хэйли, "Наздратенко имеет связи с криминальным миром"[124]. Хотя, на мой взгляд, сейчас уже невозможно отличить криминальный от некриминального мира.

Свобода цен обернулась самой дорогой "продовольственной корзиной" в РДВ, не говоря уже об астрономическом скачке цен на транспортные перевозки. Если мы рассмотрим динамику денежных доходов на душу населения, то обнаружим весь РДВ в конце списка российских регионов. Картина следующая: реальные денежные доходы Санкт-Петербурга (высший рейтинг) в 1997 г. по отношению к 1991 г. составили 50,88%, в то время как в Камчатской области - 5,54%, Сахалинской области - 5,70, Магаданской - 6,94, Республика Саха - 10,69, Хабаровский край - 11,61, Приморский - 12,95%.

В ответ можно привести массу оптимистических оценок в развитии региона с началом внедрения капитализма и "интеграции в АТР". О последнем особенно любят говорить губернаторы различных районов РДВ. Можно привести в этой связи и немало цифр, свидетельствующих об успехах формирования рыночных структур и привлечении иностранного капитала. Со всем этим нельзя не согласиться, тем более, выше как раз и приводились цифры, подтверждающие подобного типа аргументы. Весь вопрос только в том, каков кумулятивный результат от всех этих "успехов"?

Ясно, что для иностранных компаний, а также для определенного слоя бизнесменов эффект очевидный. Для экономики же краев и областей он катастрофически негативен. И этот вывод можно под-

---

123 И.Ф. Зайцев. О проблемах интеграции внутренней и внешней политики России на примере Востока страны. - Материалы парламентских слушаний. Иркутск, 1997, с. 91.

124 Haley, Daniel Kenton. The Emergence of the Russian Far East as a Pacific Rim (University of Pennsylvania.13 February 1995). - INTERNET.

твердить цифрами, которые агрегируют в себе как успехи, так и прорехи. А именно, начиная с 1993 г. естественный прирост населения пошел на убыль. В 1993г. на Дальнем Востоке умерших было больше, чем родившихся на 17,6 тыс. человек, в 1994 г. - на 20,8 тыс. человек и за первое полугодие 1995 г. - на 11,2 тыс. человек. Из Магадана только в 1997 г. уехало 5000 человек. В целом баланс такой: только за период 1992-1994 гг. в результате естественных причин и миграции население РДВ сократилось более чем на 400 000 человек (с 8 054,0 тыс. до 7625,0 тыс. человек")125. И процесс "исхода" продолжается. Какие могут быть разговоры об "успехах", если народ от них убегает?

Наметившийся демографический "вакуум" начинает заполняться китайцами. Если верить российским газетам, их количество, постоянно проживающих на Дальнем Востоке, колеблется от 300 тыс. до 1 млн человек, а общее число китайских граждан, рассеянных по России приближается к 2 млн, в том числе 500 тыс. в Москве. В некоторых районах РДВ количество китайцев превосходит количество местных жителей126. Российские СМИ, обеспокоенные подобной ситуацией, прогнозируют возможность преобладания китайского населения над российским в районах Дальнего Востока.

На самом деле приведенные данные сознательно преувеличены сторонниками "китайской угрозы" с целью вызвать антикитайские настроения как в Москве, так и на Дальнем Востоке. В реальности ситуация выглядит иначе. Если речь вести о классической иммиграции, то в 1992 г. на постоянное жительство в Россию прибыло 103 человека, через четыре года - 26 человек127. А что касается туризма, в который как раз и вплетен "бизнес", то, по данным Госкомстата РФ, в 1997 г. Россию посетило 449 тыс. китайских граждан, а в КНР побывало 843 тыс. россиян.

Проблема же в том, что китайские бизнесмены побивают российских бизнесменов на их собственной территории. Именно этот фактор дает повод для местных "олигархов" провоцировать антики-

---

125 THE RUSSIAN ECONOMY - FROM STABILITY TO GROWTH. Hoshino Committee on Economic Reform in Russia (April, 1996). - INTERNET.

126 Сегодня, 28 января 1994 г. По другим оценка приблизительно от 150 тыс. до 2 млн китайцев проживают нелегально в районе русско-китайской границы и в некоторых городах Сибири. - Известия, 27 мая 1994 г., Asian Survey, December 1994, p. 1068.

127 См. Информационный бюллетень посольства КНР в РФ - Китай, №12, 21/05/1998.

тайские настроения, которые затрагивают и уровень межгосударственных отношений, включая проблему территориального размежевания.

Но дело доходит уже до того, что территориальные споры стали возникать внутри РДВ между некоторыми из субрегионов, например, между Хабаровским и Приморским краями, а также претензиями Приморья на Южно-Курильские острова[128].

Как реакция на весь этот хаос вновь усилились настроения в пользу формирования Дальневосточной республики, о чем на страницах Известия говорил, например, председатель крайисполкома Хабаровского края В. Ишаев[129]. Правда, он оговорил, что такая республика видится им в составе России.

В свое время эта идея казалась мне весьма привлекательной именно из-за проблем РДВ с Центром. В настоящее время она мне кажется крайне опасной.

Дело в том, что даже при нынешним варианте ослабления экономических и административных рычагов Москвы РДВ постепенно лишается экономического суверенитета. (Трагедия в том, что вся Россия дрейфует в этом же направлении). Юридически оформленная Дальневосточная республика через самое короткое время окажется в руках транснациональных и межнациональных компаний и банков США, Японии и Западной Европы, а также молодых "тигров" некоторых стран Восточной Азии. Причина весьма простая, и ее надо запомнить как аксиому: российские бизнесмены на данном историческом этапе не в состоянии конкурировать с опытными и в финансовом отношении мощными иностранными корпорациями, в том числе и особенно с хуацяо. В России должны знать, что только в одном Гонконге - шестимиллионном городе - проживает 36 миллиардеров.

Когда в этой связи ссылаются на Дальневосточную республику 20-х годов, то ли по незнанию, то ли сознательно "забывают" отметить, что фактически весь бизнес того времени находился и контролировался американцами, японцами, немцами и китайцами. Кроме того, тогдашнее "процветание" абсолютно не касалось уровня жизни простого населения; оно влачило жалкое существование[130].

---

128 См.: И. Бусыгина. Российский Дальний Восток. - МЭМО, 1995, # 7, с. 115..

129 Известия, 29 ноября 1995 г.

130 Об этих вещах подр. см. Stephan, John J. The Russian Far East : a History. Stanford, Calif., Stanford University Press, 1994.

Как бы то ни было, таблицы 8 и 9 в Приложении, особенно 9, ясно демонстрируют общую тенденцию ухудшения инвестиционного климата на РДВ за последние три года. Причем, Приморский край и Магаданская область в 1997/1998 гг. попали в разряд регионов с наибольшим снижением инвестиционного потенциала. Фактически весь регион попал в полосу бедствия.

В результате следует признать две вещи. Во-первых, модель развития РДВ в период изуродованного социализма была из рук вон плохой. Во-вторых, нынешняя модель уголовного капитализма - еще хуже. Следовательно, надо искать другие модели.

На страницах печати иногда пишут, что нынешняя плачевная ситуация на Дальнем Востоке вызвана августовским кризисом 1998 г. Действительно, приведенные выше данные свидетельствуют о резком сокращении внешнеэкономических связей РДВ. Но дело в том, что и до кризиса общая экономическая и социальная ситуация в ДВЭР с 1992 г. неуклонно ухудшалась без признаков ее улучшения в перспективе. Кризис просто обнажил ложный путь общей стратегии развития как России в целом, так и ее дальневосточных пространств.

Эта тупиковая стратегия заложена и в Федеральную целевую программу экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 годы, которая была разработана в соответствии с Указом Президента Российской Федерации "О мерах по развитию и государственной поддержке экономики Дальнего Востока и Забайкалья" от 22 сентября 1992г. N 1118, перечнем поручений для реализации и контроля по итогам встречи Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина с группой глав администраций Дальневосточного региона 15 ноября 1994г. и распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 июля 1995г. N 974-р по этому вопросу. Она была утверждена 15 апреля 1996 г. Правительством, а 23 апреля 1996 г. получила статус президентской. На ее реализацию предполагалось выделить 371 трлн рублей в ценах 1995 г. Совершенно естественно эта программа, как и аналогичная предыдущая программа, не выполняется.

Многие российские эксперты, озабоченные ситуацией в регионе, указывают на множество причин подобного положения и предлагают собственные рецепты по их искоренению. Проблема в том, что предлагаемые рецепты призваны лечить на самом деле не причины болезни, а всего лишь их проявления, т.е. следствия. Так, И.Н.

Коркунов из ИДВ РАН, как и многие другие, указывает на такие проблемы: высокий уровень налогообложения действующих предприятий, отсутствие правовой стабильности, пассивное отношение на местах к иностранным инвестициям, рост социальной напряженности в связи с ухудшением материального положения значительной части населения и т.д. в таком же ключе131. Другие специалисты во общем-то справедливо указывают на порочную систему энергоснабжения в регионе, проблемы транспортных цен и перевозок, продовольственная увязка на центральные части страны, замедленность конверсионных процессов, недостаточное использование науки, новых технологий, в том числе и в системе управления. Соответственно, предлагаются и рецепты: совершенствовать, упорядочить, доформировать, усилить и т. д.132. Все это мне приходилось читать и выслушивать уже почти 10 лет. А воз и ныне там.

И проблема заключается не в отсутствии денег, как полагают многие. Дело в стратегии. Вышеупомянутая правительственная программа не может быть выполнена в принципе, в том числе и по следующим причинам.

Во-первых, эта программа рассматривает весь ДВЭР как единую экономическую целостность. На самом деле регионы (края и области) экономически связаны между собой значительно в меньшей степени, чем каждый из них с центром России или ближайшим зарубежным государством.

Во-вторых, программа ориентирована на рыночную экономику и возлагает большие надежды на экономическое сотрудничество с внешним миром. Практика показала, что рыночная экономика в России, по крайней мере в ее нынешнем варианте, фактически не работает; она разрушает экономику страны и стимулирует ее распад. Именно рыночно капиталистическая экономика европейского типа поставила Россию на грань катастрофы и предопределила революцию октября 1917 г. С другой стороны, открытость Российского Дальнего Востока в начале века для внешнего мира вела к отторжению этой части империи от России: она фактически попала под контроль иностранцев. Следовательно, сохранение либерально-

131 См. Восток и Россия на рубеже XXI века, с. 301.

132 Полный комплект аналогичных "рекомендаций", для любопытства, можно почерпнуть из Материалов парламентских слушаний (Проблемы комплексного развития регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока в процессе интеграции со странами Азиатско-Тихоокеанского региона). Иркутск, 1997.

рыночной экономики неизбежно приведет к отколу РДВ от нынешней России.

В-третьих, Программа предусматривает экономическую зависимость РДВ от Центра. В нынешних условиях этот пункт не может быть выполнен в силу отсутствия у Центра финансовых ресурсов для выполнения своих обязательств. В реальности это "бумажное" обязательство. Судя по критериям и параметрам, заложенных в Правительственную Программу 1996 г., последняя не предполагает создания сколько-нибудь адекватных потребностям РДВ энергообеспечивающих, промышленных, транспортных и коммуникационных инфраструктур, а также социальной инфраструктуры "постоянного" проживания - жилищного фонда, продовольственного снабжения и медицинского обслуживания.

Решение проблем РДВ должно осуществляться на кардинально иных посылках, главными из которых должны быть следующие.

Прежде всего, каждый подрегион должен сформулировать свою программу развития, исходя из социально-экономической специфики местности, его геостратегического и экономического расположения и наличных ресурсов.

Кроме того, все стратегические виды промышленности и сырья должны быть взяты под централизованный контроль региональной власти, а их развитие определяться контролируемым управлением местных органов власти.

Наконец, поскольку Центр не в состоянии ничего "дать" регионам, он не имеет морального права и "брать" из регионов. Достаточно напомнить, что "в 1996 году уровень инвестиций в экономику края (Приморского) снизился по сравнению с 1990 г. на 92,2%"[133]. Это касается не только Приморского края и не только проблем инвестиций. Таким образом, все налоговые поступления предприятий, за исключением предприятий центрального подчинения, должны оставаться в регионах и тратиться на нужды регионального воспроизводства. Это базовые условия по изменению стратегии выхода из кризиса, позволяющие, по крайней мере, смягчить ситуацию "истощения" региона.

Если же сохранятся принципы и условия, заложенные в официальную программу, тогда лет через 10-15 Российский Дальний Во-

133 Н. Крецу, А. Коротченков. Российский Дальний Восток: инвестиционная деятельность в Приморском крае. - Проблемы Дальнего Востока, 1/98, с. 63.

сток надо будет переименовать в "Международно-криминально-сырьевую зону" Северо-Восточной Азии.

Глава вторая. Военная безопасность России на Дальнем Востоке и Тихоокеанский военный потенциал США

В официальном внешнеполитическом документе - Концепция национальной безопасности Российской Федерации - в разделе “Национальные интересы России” не указываются интересы страны на конкретных региональных направлениях. В следующем разделе - “Угрозы национальной безопасности Российской Федерации” также нет упоминаний конкретных стран, угрожающих безопасности России, равно как и “зон опасности” или очагов напряженности в Восточной Азии. Однако есть одно утверждение, которое может быть применимо и к Восточной Азии. В Концепции сказано: “Угрозой для национальной безопасности России в оборонной сфере остается сохранение или создание крупными державами (их коалициями) мощных группировок вооруженных сил в прилегающих к ее территории регионах. Даже при отсутствии агрессивных намерений в отношении России такие группировки представляют собой потенциальную военную опасность”134.

Известно, что мощной вооруженной группировкой в ВА является совокупный военный потенциал США и их союзников, прежде всего Японии и Южной Кореи. Хотя на официальном уровне военное присутствие США в регионе, весь комплекс американо-японских военных отношений перестал рассматриваться в антироссийском ключе**,** однако само наличие военных сил России на Дальнем Востоке, созданных в свое время прежде всего “под США и Японию”, сохраняет свою актуальность, на что намекает только что приведенная цитата из Концепции. Выражаясь яснее, Россия не

134 Концепция национальной безопасности Российской Федерации. - Российская газета, 26 декабря 1997 года.

сбрасывает со счетов потенциальную военную угрозу со стороны США и Японии. Вопрос теперь в том, насколько адекватен наш потенциал задачам обеспечения национальной безопасности восточных рубежей России.

Таблица 1

Эволюция военной мощи России на Дальнем Востоке

Виды вооруженных сил	1985	1989	1992	1996
Наземные силы				
Численность (тыс. чел.)	370	390	320	190
Дивизии	41	43	36	15
ВМФ				
Водоизмещение (тыс. т)	1780	1900	2070	1550
Всего кораблей, в т.ч.	835	840	780	660
Основные надводные	90	100	70	55
Подводные лодки	140	140	90	60
(вкл. атомные)	70	75	60	45
ВВС				
Всего боевых самолетов	2200	2430	1860	900
Бомбардировщики	440	460	360	130
Истребители	1600	1700	1330	450

Примечания: 1985 г. - начало “перестройки”; 1989 г. - наивысший пик военного потенциала ТОФ; 1992 г. - начало капиталистических реформ в России.

Ист.: Доклад японского института оборонных исследований (“Обзор стратегического положения в Восточной Азии 1996-1997”). - Экспресс-Информация ИДВ РАН. М, 1997, №12, сс.75-76. Со ссылкой на издания УНО “Белая книга по обороне”.

Таблица 1 дает представление об абсолютных величинах наших вооруженных сил на Дальнем Востоке и динамику его количественного сокращения за период с 1985 г. по 1996 г. Данные в таблице перепечатаны с ежегодников УНО Японии. Другие справочники, не исключено, могут дать иные цифры. Однако их порядок, скорее всего не изменится.

Нынешний главком ВМФ России в бытность командующим Тихоокеанского флота (ТОФ) адмирал В.И. Куроедов в интервью журналистам газеты "Владивосток" говорил: "Боевой состав ТОФ значительно сократился. Если в 1992 году Тихоокеанский флот насчитывал 335 боевых единиц, то в нынешнем году их осталось около 140. Численный состав военнослужащих сократился в 2 раза. ... Сейчас бюджет задолжал флоту около 2 триллионов (недоминированных рублей - О.А.)"[135]. О моральном состоянии было сказано следующее: "Не выдам секрета, если расскажу, что многие офицеры, приходя утром на службу, отмечаются и идут зарабатывать деньги. Такая ситуация есть." (там же).

На фоне подобных цифр, и это, пожалуй, самое удивительное, на вопрос журналистов: "Сейчас в зоне Тихого океана два мощных флота - наш флот и флот США. И сохранение между ними паритета - очень важная задача. Как вы считаете, несмотря на значительные сокращения ТОФ, может ли наш флот поддерживать этот баланс?" - адмирал Куроедов ответил:" Не только может, но и поддерживает. И это признано всеми. Мы можем поддерживать ядерный паритет**.** Да, сравнительный анализ численности российского и американского флотов показывает, что баланс не в нашу пользу. Но мне кажется, надо России дать шанс жить здесь, в регионе, не числом, а умением (подч. – *О.А.*)" (там же).

Если дело не в "числе", а в "умении", которое позволяет решать поставленные перед флотом задачи, непонятны сетования адмирала на долги правительства перед флотом. Тем более что на вопрос: "Как вы считаете, может ли Япония вступить в военно-политический союз с Россией?" адмирал отвечает: "Не исключено. В 1993 году было подписано первое соглашение между нашими странами "О предотвращении инцидентов на море". Первый маленький шажок уже сделан. Впрочем, главный аспект, который мешает развитию отношений между Россией и Японией - проблема северных территорий, - до сих пор не устранен (подч. – *О.А.*)" (там же).

Логика адмирала явно за пределами "разумной достаточности". Отдадим "острова", и Япония станет военно-политическим союзником России. Заодно в этот союз втянет и своего патрона - США. Ответы адмирала подталкивают также и к таким умозаключениям.

135 Владивосток, 10 декабря 1996 г.

Несмотря на уменьшение нашего военного потенциала почти вдвое (количественный баланс не в нашу пользу) ядерный паритет с США мы поддерживаем. Мы его поддерживали и до кардинального сокращения, т.е. к началу 90-х годов, хотя также уступали военному потенциалу США на Тихом океане. Может быть, мы сохраним этот паритет, сократив еще в два раза наш военный потенциал на Дальнем Востоке?

Безусловно, все зависит от того, как и что считать. Или мы начинаем анализировать совокупное военно-стратегическое соотношение сил - тогда одна калькуляция, или мы рассматриваем региональное соотношение сил, т.е. в районе Восточной Азии и Тихого океана. В таком случае будут другие расчеты. Американцы, считая и то и другое, предпочитают иметь превосходство как на глобальном, так и на региональным уровнях (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Количественное соотношение военных сил в СВА

	Япония	КР	КНДР	Тайвань	КНР	РФ*	США/ Яп.	США/КР	7-й флот США
Виды вооруженных сил									
Наземные силы Численность (тыс. чел.) Дивизии	 152 13	 550 22	 1000 26	 240 12	 2200 96	 190 15	 22 1	 28 1	
ВМФ Численность (тыс. чел.) Водоизмещение (тыс. т) Всего кораблей, в т.ч.	 349 160	 25 147 200	 106 740	 30 220 380	 1140 970	 1500 650			 660 60
ВВС Всего боевых самолетов	510	490	610	430	5750	930	100	90	130

* - Российские вооруженные силы на Дальнем Востоке.

Примечание. Силы США в Японии и КР = персоналу сухопутных сил плюс морская пехота. Боевые самолеты = самолеты ВМС плюс самолеты морской пехоты.
Ист.: Defense of Japan. Tokyo: Defense Agency, 1997, p.34.

Как они его добиваются, мы рассмотрим ниже. Но прежде вновь дадим слово главкому ВМФ России адмиралу В. Куроедову, который на вопрос корреспондентов "Интерфакс-АиФ" "Как, на ваш взгляд, изменилась оперативная обстановка вокруг России, скажем, за период с 1991-го по 1998 год? Появились ли какие-то новые моменты в действиях наших некогда вероятных противников?" отвечает: "Масштабы и количество "мероприятий", которые проводили группировки военно-морских сил наших соседей, за это время практически не изменились. Можно лишь отметить, что районы проведения их учений приблизились к рубежам России. Так что никакого наращивания активности я не вижу. А что касается несения боевого дежурства у наших берегов, то здесь можно даже отметить некоторое снижение активности. Сейчас у нашего побережья стало появляться гораздо меньше атомных подводных лодок военно-морских сил США"[136].

Ясно, что адмирал сводит свой ответ к активности только военно-морских сил наших соседей. Журналисты же ставят вопрос явно шире. Поскольку В. Куроедов уклонился от ответа, попытаемся восполнить вакуум, рассказав, что изменилось вокруг России. Предварительно представим информацию о вооруженных силах США на Тихом океане, которая дополняет разделы о военной безопасности из монографии "АТР: мифы, иллюзии и реальность". Вот некоторые изменения в политике США, которые адмирал Куроедов не "заметил".

В соответствии со Стратегической инициативой в Восточной Азии (East Asia Strategy Initiative /EASI/), одобренной в апреле 1990 г., на первой стадии модернизации (1990 - 1992 гг.) было прекращено действие американо-филиппинского договора о военных базах (на Филиппинах), откуда США вывели свои войска в ноябре 1992 г. На следующем этапе (1992 - 1995 гг.) предполагалось вывести американские сухопутные силы из Южной Кореи. Однако это решение было отложено до тех пор, пока не будет снята угроза и неопределенность с развитием ядерного оружия в КНДР. Наконец, в

136 Интерфакс-АиФ, № 18, май 1998, с.7.

"Bottom-Up Review"[137], утвержденном в сентябре 1993 г., было сказано, что "США продолжат нести свою обязанность по обеспечению безопасности Южной Кореи и будут содержать 100 000 военного персонала, в том числе сохраняя бригады морской пехоты в Японии и в составе 7-го флота". Такие обязательства затем были подтверждены в Докладе по стратегии безопасности в Восточной Азии (East Asia Strategic Report /EASR/, февраль 1995 г.), затем в Японо-американской совместной декларации по безопасности (апрель 1996 г.), в Обзоре по национальной обороне /QDR/ (май 1997), наконец, в четвертой версии Стратегии безопасности Соединенных Штатов в Восточном Азиатско-Тихоокеанском регионе (The United States Security Strategy for the East Asia-Pacific Region. DOD, 25 Nov. 1998)

В результате на 1997 г. военный потенциал США в "АТР" выглядел следующим образом.

Армия (сухопутные войска) состоят из двух дивизий (около 51 тыс. чел.), одна из которых размещена на Гавайях, другая - в Южной Корее.

ВМС состоят из 7-го флота (зона ответственности - западная часть Тихого океана и Индийский океан), 3-го флота (восточная часть Тихого океана и Берингово море). Командование Тихоокеанского флота расквартировано на Гавайях.

Тихоокеанский флот имеет 120 основных кораблей водоизмещением в 1430 тыс. т, которые базируются на западном побережье США, на Гавайях, Японии, Гуаме и на острове Диего Гарсия.

Морская пехота в составе Тихоокеанского флота включает в себя две Экспедиционные бригады (корпуса) с персоналом около 66 тыс. чел. и 220 боевых самолетов, одна из которой дислоцирована на американском континенте, другая в Японии.

ВВС подчиняются командованию Тихоокеанских ВВС, расквартированных на Гавайях. Они состоят из 290 боевых самолетов и размещены в Японии, Южной Кореи и на Аляске.

Непосредственно в "АТР" размещено 29 тыс. армейского персонала, 60 кораблей, включая два авианосца, 140 боевых самолетов и 23 тыс. персонала в основном в Японии и на Гавайях.

---

137 The Report of the Bottom-Up Review, также как и the Report of the Quadrennial Defense Review (QDR) - Обзоры и программы по национальной обороне, публикуемые от имени министра обороны каждые четыре года под разными названиями.

В Японии также расквартирована бригада морских пехотинцев численностью около 22 тыс. чел. с 50 боевыми самолетами.

ВВС, размещенные в Японии и Южной Корее, состоят из 26 тыс. персонала и 190 боевых самолетов[138].

Таковы некоторые количественные данные о военном потенциале США на Тихом океане.

Глава третья. Место и роль России в доктринах национальных интересов и безопасности США в Восточной Азии

Итак, для начала рассмотрим оценки официального Вашингтона обстановки в сфере безопасности в Тихоокеанском регионе, точнее в Восточной Азии, поскольку именно Восточная Азия является средоточием политики безопасности всех значимых субъектов региона.

Восточная Азия занимает второе после Европы стратегическое направление в совокупной внешней политике США. Все официальные лица в Вашингтоне оценивают нынешнюю ситуацию безопасности в этом регионе как наиболее благоприятную за весь период после второй мировой войны. Например, бывший министр обороны США У. Перри высказывается в таком оптимистическом ключе: “Азиатско-тихоокеанский регион сегодня является более процветающим и стабильным, чем в любое время за всю свою историю. И по всему региону ощущается усиление доверия и оптимизма на будущее”[139]. В утвержденном президентом Клинтоном докладе “Стратегия национальной безопасности в новом веке” (подготовленном СНБ в мае 1997 г.) отмечалось: “За последние четыре года мы добились значительного прогресса в создании стабильного и процветающего азиатско-тихоокеанского сообщества”[140]. В следующем аналогичном докладе акцент делается на совмещении "интересов безопасности с экономическим ростом и нашими обязательствами в

138 Defense of Japan. Tokyo: Defense Agency, 1997, pp.59-60.

139 Remarks by Secretary William Perry, Beijing, China, October 18, 1994,” U.S.Department of Defense Circular Release”.

140 A National Security Strategy for A New Century. Wash., The White House, NSC, May 1997. - Internet.

отношении демократии и прав человека". Америка при этом играет цементирующую роль в качестве стабилизирующей силы в более интегрированном АТР[141].

В Стратегии 1998 г. также четко обозначены приоритеты и цели США в "Восточной Азии и на Тихом океане". Однако на первом месте выделено главное: "Наше военное присутствие является естественным для поддержания стабильности, что позволяет большинству государств в АТР создавать процветающую экономику для всех. Чтобы предотвратить региональную агрессию и обеспечить наши собственные интересы, мы сохраним около 100 000 военного персонала в регионе. Наше обязательство поддерживать активное присутствие в регионе и наши союзнические договоры с Японией, Южной Кореей, Австралией, Таиландом и Филиппинами являются фундаментом для сохранения американской роли в сфере безопасности" (p. 41).

Далее выражается поддержка диалогу в рамках асеановского регионального форума (АРФ).

Затем следует пункт о Японии, значение которой определяется устоявшейся формулой - "краеугольный камень безопасности" в регионе.

В отношении ситуации на Корейском полуострове говорится, что "напряженность на Корейском полуострове остается принципиальной угрозой миру и безопасности в Восточно-азиатском регионе". Одной из форм снятия этой напряженности являются четырехсторонние переговоры между США, Китаем, Северной и Южной Кореей.

Особое внимание уделяется КНР. Интересам США отвечает Китай как стабильное, открытое, безопасное и мирное государство. Цели США в отношении КНР включают: поддержание стратегического диалога, укрепление стабильности в районе Тайваньского пролива на основе мирных подходов к перекрестным проблемам пролива и стимулирование диалога между Пекином и Тайбэем; усиление приверженности КНР к международным нормам о нераспространении (оружия массового поражения), в частности, в деле за контролем экспорта баллистических ракет и техники двойного назначения; достижение большей открытости и прозрачности в во-

141 A National Security Strategy for A New Century. Wash., The White House, NSC, October 1998, p. 41. - Internet.

енных делах Китая; содействие конструктивной роли КНР в делах международной безопасности через активное сотрудничество в АТЭС, АРФ и Диалог по безопасности в СВА; укрепление сотрудничества с КНР в области законодательства на основе учащения контактов и обучения (p. 44).

Следующим пунктом идет ЮВА.

Обращает на себя внимание тот факт, что Россия в контексте "Восточной Азии и Тихого океана" вообще не упоминается.

Теперь есть смысл выяснить, как американские цели и ситуация в ВА рассматриваются официальными военными кругами. Для начала обратимся к Ежегодному докладу 1998 г. министра обороны США У. Коэна президенту и конгрессу142.

В Докладе сразу же оговаривается, что оборонная стратегия состоит из трех центральных элементов: "1) сформировать такую международную систему безопасности, которая была бы благоприятна для интересов Соединенных Штатов, создавала бы региональную стабильность, сокращая угрозы, предотвращая конфликты и сдерживая агрессию, все вместе должно осуществляться на каждодневной основе; 2) отвечать на весь спектр кризисов, которые угрожают интересам Соединенных Штатов, предупреждая агрессию и насилие в кризисных ситуациях, осуществляя операции малых масштабов, и ведя борьбу и выигрывая на основных театрах военного действия; 3) быть готовым к неопределенному будущему...; развивать новые операционные концепции и организации, чтобы полностью использовать новые технологии, программы; обеспечить высокое качество персонала на всех уровня; и приложить усилия, способные предотвратить угрозы, которые хотя и мало вероятны, но возможны... например, такие, как появление региональной великой державы до 2015 г.".

Крайне примечательно, что в третьем пункте предусматривается появление региональной великой державы (явно имеется в виду Китай), и к этому заранее надо быть готовым. Похвальная предусмотрительность!

В первой главе "Оборонная стратегия и стратегия национальной безопасности" среди зон возможной опасности выделяется Восточная Азия, где "Северная Корея все еще представляет крайне непредсказуемую угрозу из-за продолжения размещения своих насту-

142 William S. Kohen. Annual Report to the President and the Congress. Wash., 1998. - Internet.

пательных вооружений на границе с Южной Кореей и из-за усложняющихся проблем в экономике и ухудшением условий жизни населения". В ходе посещения некоторых стран ВА в январе 1998 г. У. Коэн дал еще более сильную оценку ситуации на Корейском полуострове: "Корейский полуостров является одним из наиболее опасных мест на земле"[143]. При этом следует заметить, что если в Стратегии эта напряженность на полуострове объясняется действиями Пхеньяна, то в другом аналогичном документе предсказывается вероятность объединения двух Корей, что также может поменять контекст безопасности с соответствующими изменениями в политике США в отношении Японии и КНР[144]. В Докладе министра обороны США отмечаются и такие зоны "опасности": "В регионе проблемы суверенитета и различные территориальные споры представляют собой потенциальные источники конфликтов"[145].

До 2015 г. - говорится в Докладе, - ни одна страна в мире не сможет стать глобальным конкурентом США. Последняя, по крайней мере до этого времени, останется единственной сверхдержавой. Но "в период после 2015 г. существует возможность, что региональная великая держава или даже глобальный соперник может появиться. Некоторые рассматривают Китай и Россию потенциальными соперниками, хотя если взглянуть на них ретроспективно, их будущее представляется довольно неопределенным. У Китая есть потенциал утвердить свою военную мощь в Азии. Соединенные Штаты продолжают реализовывать политику вовлечения в отношении Китая, поощряя сотрудничество в областях, где интересы обоих государств взаимопереплетаются, и влиять на него так, чтобы он внес позитивный вклад в региональную стабильность и действовал как ответственный член международного сообщества. Однако, Китай, скорее всего, столкнется с множеством внутренних вызовов, включая обеспечение продовольствием своего населения, дальнейшее развитие своей экономической инфраструктуры, реформируя госэкономику через приватизацию и решая напряженность между современной рыночной экономикой и авторитарной политической системой. Названные проблемы могут замедлить его путь к военной модернизации". А "Будущее России будет зависеть от ее способно-

143 Asiaweek, Jan.39, 1998. - Internet.
144 See: Transforming Defense. National Security in the 21st Century. Report of the National Defense Panel. Wash., Dec., 1997, p.23.
145 William S. Kohen. Annual Report…, p.3.

сти развивать свою экономику, которая в свою очередь зависит от стабильности политической ситуации".

В специальном разделе "Восточная Азия и Тихоокеанское кольцо" обращают на себя внимание "цели оборонной политики США". Они заключаются в том, что "Соединенные Штаты стремятся к стабильной и экономически процветающей Восточной Азии, которая привержена демократическим реформам и рыночной экономике", т.е. системе капитализма. Другими словами, все виды внешнеполитического воздействия, включая военные, должны служить именно этой фундаментальной цели.

Кстати, большое уважение вызывает одна из приоритетных целей - поиск всех пропавших в годы Вьетнамской войны.

В Докладе почти слово в слово повторены направления и формы региональной обороны и активности, изложенные в Стратегии Клинтона. Вместе с тем усилена озабоченность ситуацией на Корейском полуострове. "Наиболее значительной близлежащей опасностью в регионе является продолжающаяся военная угроза, исходящая из КНДР". К ранее упомянутым причинам здесь добавлено также обладание Пхеньяном химического и биологического оружия и средств их доставки.

Естественно, среди главных соучастников по обеспечению безопасности называются Япония, Южная Корея, Австралия. Подчеркивается необходимость поддержания "диалога" со странами АСЕАН. В отношении Китая повторена формулировка "вовлечения".

И снова в контексте национальной обороны США в Восточной Азии и на Тихом океане Россия не упомянута.

В весьма важном, уже упоминавшимся Документе, подготовленным по заказу министерства обороны США, "Изменяющаяся оборона. Национальная безопасность в 21 веке"146 делается прогноз угроз и предлагаются ответы на них в период 2010-2020 гг. В этом Документе, во-первых, подчеркивается, что и в указанный период США остаются "мировой военной и экономической сверхдержавой" (p.19), а во-вторых, утверждается, что Китай станет "одной из главных региональных и глобальных акторов" (p.5). Под регионом понимается "Тихоокеанское кольцо" (p.9). Авторы Документа (это девять весьма известных и авторитетных военных, дипломатов и

146 Transforming Defense. National Security in the 21st Century. Report of the National Defense Panel. Wash., Dec., 1997. - Internet.

ученых) не предусматривают в таком же качестве Россию, обосновывая это массой проблем (подробно перечислены), которые перенесутся на десятилетия вперед. Другими словами, по прогнозам одной из самых квалифицированных групп экспертов, Россия не сможет занять один из полюсов "многополюсного мира", который ими тоже не предусматривается.

Крайне важно отметить, что авторы прогноза, предлагая скорректировать нынешние стратегии на XXI век, указали на их стоимость: на это понадобится от 5 до 10 млрд долл.

Стоит обратить внимание на некоторые нюансы в уже упоминавшейся четвертой версии Стратегии безопасности Соединенных Штатов в Восточном Азиатско-Тихоокеанском регионе (ноябрь 1998 г.).

В отношении КНР стал употребляться термин "комплексная вовлеченность с Китаем", подразумевающий активизацию военных связей между странами. В нынешней ситуации имеется в виду, прежде всего, сотрудничество на базе Соглашения о консультациях в области ВМС, подписанного в январе 1998 г. (p.34). В то же время в Документе обозначено расхождение по следующему пункту. Как известно, в Белой книге по национальной обороне Китая (июль 1998 г.) зафиксировано положение, что Пекин рассматривает расширение военных блоков и усиление военных альянсов как "факторы нестабильности" в сфере международной безопасности. "Этот взгляд, подчеркивается в американском Документе, - противоречит преобладающему признанию, что союзники США в Азии обеспечивают стабильность" (p.34).

В данном Документе впервые выделен блок под названием "Расширение нарождающихся отношений с Монголией". В нем выражена заинтересованность в укрепление связей с МНР в сфере безопасности путем подготовки военных специалистов, совместных учений в деле поддержания мира, установления регулярных контактов военных и политиков на высшем уровне и т.д. (p.35).

Другими словами, США, судя по всему, всерьез намерены "вовлечь" и Монголию в сферу своей политики безопасности в Восточной Азии.

На последнем месте в контексте безопасности в регионе говорится и о России, деятельности которой дается положительная оценка за ее готовность решить территориальный спор с Японией, расширение отношений с Южной Кореей, улаживание территори-

альных проблем с КНР, и за сотрудничество вооруженных сил России с Тихоокеанским командованием США. Все эти действия рассматриваются как отвечающие национальным интересам США (p.41-42).

Вышеизложенное - это официальные оценки России в контексте стратегии безопасности США в Восточной Азии. Теперь есть смысл рассмотреть подходы некоторых аналитических центров и организаций.

Так, в обобщенных выводах 35 участников конференции, проведенной Тихоокеанским командованием США (PACOM) и Институтом национальных стратегических исследований относительно политики США в Восточно-азиатско-тихоокеанском регионе (февраль 1996 г.), указываются все знакомые зоны "опасности", но главный упор делается на Китай, формы и способы его подчинения интересам США147. Россия ни разу не упоминается и в этом обобщенном докладе.

Это не означает, что Россия вообще игнорируется в анализе ситуаций в ВА. Во множестве других аналитических работ она, так или иначе, вспоминается, правда, чаще всего в контексте продажи оружия КНР. Вот некоторые оценки аналитиков.

Бонни Глэйзер, консультант Минобороны США, так оценивает место России в мире и ВА. Она пишет: "Советского Союза более не существует, а уменьшенная (truncated) Россия пытается приостановить резкое экономическое падение в то время как ее Тихоокеанский флот гниет во Владивостокском порту. Фактически Россия мало принимается в расчет в Азии - ее экономическое присутствие чрезвычайно мало, она оказывает минимальное влияние на политические дела, и ее убывающие военные возможности мало или вообще ничего не дают в регионе. Наибольшее воздействие Москвы в регионе ощущается в сфере продажи оружия, особенно Китаю. Оживление российской экономики могло бы возродить российское влияние, однако, как представляется, для этого понадобится много лет, если не десятилетия"148.

147 Подр. см. Hans Binnendijk. U.S. Strategic Objectives in East Asia. Institute for National Strategic Studies - "Strategic Forum", Number 68, March 1996. - Internet.
148 Banning Garrett and Bonnie Glaser. China and the U.S.- Japan Alliance at a Time of Strategic Change and Shifts in the Balance of Power. Stanford University.Asia/Pacific Research Center, October 1997, p.14.

Другой консультант Минобороны Бэннинг Гярретт полагает: "Россия не в состоянии бросить вызов США и помочь Китаю против американского давления. ... Что же касается геополитического веса китайско-российского "стратегического партнерства", то такой треугольник работает только тогда, когда третий партнер замечает и беспокоится о других двух, которые что-то "замышляют". У меня же сложилось впечатление, что официальные лица США вряд ли обращают внимание на такие события как обмен визитами на высшем уровне и коммюнике, взывающих к мультиполярности, в которой нет одной страны - США, и стремятся установить систему правил для остального мира" (там же, p.16).

Надо иметь в виду, что вышеназванные оценки принадлежат ученым, так сказать, не консервативного направления.

Известно, что наиболее нелицеприятные оценки России, ее внешней политике исходят из Фонда наследия, весьма авторитетной организации, оказывающей зримое влияние на процесс принятия решений в Белом доме. Его сотрудники, в отличие от либеральных ученых-интеллигентов, "режут правду-матку", не взирая на лица. При всем этом следует признать, что их аналитические работы, по крайней мере, касающиеся России, ближе к реальности, чем большинства американских русологов из других организаций. Главным экспертом по России в этом Фонде считается Ариэль Коэн, которого я бы поставил в первый ряд среди лучших аналитиков США по России. Он, как и положено представителю Фонда, постоянно критикует администрацию Клинтона за неадекватный подход к России, сопровождая свою критику рекомендациями, что надо делать в отношении Москвы. Его взгляды - это отражение подхода тех кругов США, которые рассматривают Россию в категориях "не друг, не враг", но в любом случае как государство, которое необходимо подчинить интересам США.

Призыв к реальности выглядит следующим образом. "Клинтоновская администрация и конгресс, - пишет А. Коэн, - должны осознать, что сегодняшняя Россия - с ее ВВП только чуть выше, чем у Индонезии, и ниже, чем у Мексики, а жизненные стандарты подобны бразильским - не является глобальной державой как ее когда-то представлял Советский Союз"149. В то же время, считает А. Коэн,

149 Ariel Cohen. A NEW PARADIGM FOR U.S.-RUSSIA RELATIONS: FACING THE POST-COLD WAR REALITY . - The Heritage Foundation Backgrounder No. 1105 March 6, 1997. - Internet.

под руководством Примакова формируется стратегический альянс с Пекином и Тегераном. Идея "мультиполярного мира" и "коалиции" равных может потенциально трансформироваться в антиамериканскую и евразийскую коалицию. Это привносит серьезную угрозу интересам безопасности США и их союзников в Европе, на Ближнем Востоке и в районе Тихоокеанского кольца. По его информации, в течение 1996 г. более 3 тыс. российских ядерщиков переехали в Китай работать над модернизацией стратегических ядерных программ КНР. Россия подписала договор о передаче Китаю технологии газовой центрифуги, используемой для обогащения урана, и ядерно-ракетную технологию для создания MIRV, которые могут вооружить одну ракету 12 боеголовками. Россия также согласилась продать технологию для строительства истребителя Сухой-27, а также миноносцы, вооруженные современными ракетами, китайским ВМФ. Передача этого массива технологий позволяет Китаю перепрыгнуть через поколения военных НИОКР, экономя Пекину миллиарды долларов. Это также даст Китаю возможность угрожать территории США и американским союзникам на Тихом океане. Кроме того, эти технологии, после отработки в Китае, могут найти путь в Иран, Сирию и другие враждебные США государства.

Коэн при этом полагает, что России в таком "стратегическом партнерстве" уготовлена только младшая роль. К тому же Россия не сможет получить адекватную отдачу от КНР. Единственное, что его успокаивает, что не все в России разделяют подобную (примаковскую) политику в отношении КНР.

Что же касается США, то они "должны надавить на Россию, чтобы заставить ее сократить передачу ядерной техники Китаю" и даже остановить этот процесс ("US must stop it"). В других работах он постоянно подчеркивает, что партнерство между Россией, Китаем и Ираном "представляет опасность для США и их союзников"[150].

Фонд наследия каждый год публикует фундаментальные материалы, своего рода рекомендации консервативным политикам США, занимающим любой пост в правительстве, вплоть до президентского. Последнее такого типа издание называлось "Issues'98" (наверное, можно перевести как "Проблемы 1998 г."). В специальном разделе "Интересы Соединенных Штатов в АТР" ее автор Дж. Прзистап дает анализ ситуации в "АТР" (фактически в ВА) и рекоменда-

150 Ariel Cohen. The "Primakov Doctrine": Russia's Zero-Sum Game with the United States. The Heritage Foundation. FYI No. 167. December 15, 1997. - Internet.

ции для политики США в этом регионе. Предварительно хочу подчеркнуть, что все главы хорошо структурированы, а рекомендации для действий США финансово просчитаны.

Итак, жизненно важные интересы Америки в Азии (т.е. в "АТР") сводятся к следующему: доступ к рынкам региона, свобода мореплавания, предотвращение появления враждебной силы или группы сил, которые могли бы исключить влияние Соединенных Штатов в регионе, содействие распространению демократии и прав человека"[151].

Ключевыми проблемами текущего момента являются финансовый кризис и отношения США с Китаем, Тайванем, Кореей (Южной) и другими азиатскими странами.

В сфере безопасности целями являются 1) усиление двусторонних союзнических отношений с Австралией, Японией, Филиппинами, Южной Кореей и Таиландом; 2) укрепление сил передового военного базирования; 3) поддержание открытой мировой экономики и торговой системы.

В принципе на решение этих трех задач и задействована вся американская внешняя политика в ВА.

Чтобы простой американец понимал, ради чего США должны затрачивать колоссальные ресурсы в регионе, автор приводит ряд данных. Американская торговля, падающая на "АТР", на 60% превосходит объем торговли с Европой. Это означает, что 2,5 млн американцев имеют работу благодаря экспорту в "АТР". Только экспорт в Японию дает почти 1 млн рабочих мест в США. Кстати, первая цифра была озвучена даже Клинтоном в его обращении к Америке за 1997 г.

В этой главе много говорится, что надо делать с Китаем, Тайванем, с Северной и Южной Кореей, но ни словом не упоминается Россия. Вместе с тем в ней присутствует весьма симптоматичная рекомендация, которая косвенно, в случае ее реализации, может касаться и России. Автор пишет: "Администрация должна активно работать с Японией и другими своими союзниками и друзьями, прежде всего с Австралией, КР и Республикой Китай на Тайване, в деле расширения ракетной обороны в регионе (подч. – *О.А.*). Соединенные Штаты должны оснастить свои наземные и морские си-

151 Issues'98. The Candidate's Briefing Book. Ed. by Stuart M. Buttler and Kim R. Holmes. The Heritage Foundation. Wash., D.C., 1998. - Internet.

лы системами ракетной обороны, а также предложить для продажи такие системы своим ключевым союзникам и друзьям".

Эта рекомендация уже начала обкатываться в военных кругах США, против чего уже несколько раз высказывались в КНР. Россия на это пока не реагирует.

Весьма интересно представлена позиция и роль России в ВА Дэвидом Тэнкским в Докладе Института анализа внешней политики, которую возглавляет известный ученый и практик Р. Пфальцграф. Доклад называется "Исследование ракетной обороны Соединенных Штатов. Требования в 2010 году"[152].

Хотя тему ракет я здесь затрагивать не собираюсь, но хотелось бы выделить в этой связи такое заключение автора: "В сфере ракет и ракетной обороны Россия остается одной из главных угроз Соединенным Штатам: во-первых, как источник распространения, из-за чего может возникнуть угроза Соединенным Штатам, во-вторых, как обладатель мощных стратегических ядерных систем под сомнительным контролем слабого центрального правительства". Это для заметки.

А вот как автор доклада представляет нашу позицию в регионе. "Россия поддерживает военный баланс в Восточной Азии; она чувствует себя уязвимой в этом регионе. (Ее исторические опасения в отношении Японии вновь становятся очевидными). Российское политическое сообщество верит, что вывод американских сил из ВА без сомнения приведет к перевооружению Японии - возможно, один из наибольших страхов русских. Таким образом, очевидное большинство, кажется, верит, что ограниченное присутствие США в Восточной Азии ...было бы выгодным для российских национальных интересов и вносило бы вклад в стабильный баланс сил в Восточной Азии. В рамках новой расстановки сил многие русские, кажется, верят, что объединенная Корея могла бы стать естественным союзником России - и поэтому Россия активно обхаживает Северную и Южную Кореи. Что же касается Китая, то мнения по нему разделились. Часть представителей политического сообщества верит в то, что сильный Китай начнет расширять свои интересы в сторону Юга, что может создать проблемы для Соединенных Штатов и отвлечет внимание США от российских дел. Одновременно небольшая часть политических деятелей также боится, что техниче-

152 Exploring U.S. Missile Defense Requirements in 2010: What Are the Policy and Technology Challenges? Institute for Foreign Policy Analysis. April 1997.

ская и военная помощь России Китаю является актом продажи "веревки, на которой тебя же и повесят", поскольку Китай имеет старые претензии к большей части Российского Дальнего Востока, берущие начало еще с царских времен предыдущих столетий".

Далее приводится подробная информация о военно-технических связях между Россией и КНР, часть из которых уже упоминалась выше. Главная идея заключена в том, что "будущее русско-китайских отношений станет ключевым фактором в последующих уравнениях безопасности Соединенных Штатов" (там же).

Столь подробное цитирование было необходимо для того, чтобы российские специалисты трезво отдавали себя отчет в том, как воспринимают в США, политики и ученые, наше место в Восточной Азии. Не имеет значения, заблуждаются они или нет. Надо знать, что весьма часто именно "заблуждения" или "misperception" кладутся в основу внешней политики, о чем в свое время убедительно писал американский международник Джон Стоссенджер как раз на примере отношений Китая, России и Америки. На эти заблуждения тратились миллиарды долларов впустую. Проблема в том, чтобы мы, наконец, перестали заблуждаться на свой счет, ударяя в барабаны в связи с очередным визитом какого-нибудь высокопоставленного деятеля в Японию или Китай и трезвоня об очередном прорыве в "АТР".

Глава четвертая. Место и роль России в оценках Японии

Несмотря на падение общего объема торговли между Россией и Японией и вяло текущее экономическое взаимодействие, в политической сфере наблюдается оживление диалога, особенно после Красноярской встречи лидеров двух стран. В значительной степени это вызвано надеждами Японии заполучить "северные территории" в обозримой перспективе, т.е. до 2000 г. Подобные надежды подогреваются намеками и полунамеками, исходящими от самых верхних эшелонов власти в России.

В некоторой степени определенное оживление в российско-японских политических отношениях связано и с позицией США, постоянно подталкивающих своего союзника к оказанию более масштабной экономической помощи реформам в России, следствием чего, в частности, явилось и обещание Токио выделить 1,5 млрд долл. на стабилизацию финансовой системы.

Премьер-министр Рютаро Хасимото, ушедший в отставку в июле 1998 г., развернул даже целую программу действия в отношении России (а также и Китая) в своей речи 24 июля 1997 г. перед Ассоциацией предпринимательских организаций, которая получила название как "Евразийская дипломатия Японии"153. В ней он выдвинул три принципа взаимодействия: доверие, взаимная выгода и долгосрочные перспективы. Хасимото рассчитывает на то, что использование названных принципов позволит решить проблему "северных территорий".

Японский премьер-министр отметил, что японо-российские отношения как бы отходили назад в общем контексте двусторонних отношений между США, Японией, Россией и Китаем, и теперь настало время их улучшать на новой основе, т.е. на основе вышеупомянутых трех принципов. Был приведен целый список "полей сотрудничества", которые почти не меняются со времен визита в СССР премьер-министра К. Танака в октября 1973 г.

Обычно в официальных речах японцы редко оперирует категориями национальных интересов и безопасности: они предпочитают их заменять на привычные для них термины "мир и стабильность". Поэтому с точки зрения интересующей нас темы, удобнее обратиться к изданиям Управления национальной обороны (УНО), ко-

153 Ryutaro Hashimoto. Address to the Japan Association of Corporate Executives. 24 July 1997. - The Office of the Prime Minister of Japan. - Internet. Некоторые наши международники-сторонники теории "Евразии" усмотрели в данной речи Хасимото как бы подтверждение своих взглядов: дескать, и Япония придерживается этой теории. Надо иметь в виду, что говоря о "Евразии", Хасимото по сути дела вел речь о "Шелковом пути" в Европу, т.е. Китай, страны Прикаспийского региона, которые могут стать "мостом" "внутри евразийского региона". Россия в этот "Шелковый путь" никак не попадает. Вместе с тем, упоминание региона Каспийского моря весьма примечательно. Как сказал Хасимото, "Япония имеет глубоко укоренившуюся ностальгию по этому региону, вызванную славой дней Шелкового пути". Благодаря нефти и газу Прикаспие станет одним из важных участков внешней политики Японии, причем здесь можно ожидать тесное японо-китайское взаимодействие, могущее идти вразрез "большой игре" США.

торое в силу необходимости вынуждено употреблять термин “безопасность” и делать анализ в контексте содержания данного термина.

В отличие от американских аналогичных документов, где Россия игнорируется или почти игнорируется, японские уделяют России определенное внимание, хотя и не столь повышенное как во времена СССР. Предварительно следует также отметить, что в недрах УНО за последние два года опубликовано немало материалов, в которых отражены “модификации” в сфере “оборонной политики”. Среди них особенно большое значение имеют “Основные направления программы национальной обороны в-и после 1996 ф.г.” (ноябрь 1995 г.), “Программа среднесрочной обороны (1996-2000 гг.), “Японо-американская совместная декларация по безопасности” (апрель 1996 г.), а также серия документов, связанных с передислокацией военно-воздушной базы в Футема на Окинаве. УНО также опубликовало ряд “просветительных” материалов, в которых сжато изложены основные идеи вышеназванных документов: “Японо-американский альянс. Безопасность в 21 веке” (декабрь 1996 г.), “Новая эра в системе безопасности” (январь 1998 г.) и т.д.

В отличие от американских формулировок для японских характерна “сдержанность”, “корректность” и “вежливость”, присущая японскому языку. Возьмем за основу последний выпуск “Белой книги по обороне” за 1997 г. в его английском варианте (у меня под рукой нет японского варианта). В ней обозначены почти те же самые “зоны опасности” в Восточной Азии, что и в американских Стратегиях. Это и проблема безопасности на Корейском полуострове, возрождение Китая, территориальные споры, распространение оружия массового поражения, увеличение оборонных расходов в регионе.

Отличие заключается в следующем. Среди “зон опасности” не упоминается проблема Тайваня. Эта тема рассматривается в контексте взаимоотношений между США и КНР. Сам же Китай, помимо его потенциального возвышения, волнует Японию и с другой стороны. А именно: “Китай в феврале 1992 г. узаконил Акт о территориальных водах, в котором утверждается, что острова Сэнкаку (китайцы их называют Дяоюйдао - О.А.), которые являются территорией Японии, Спратли и Парасельские острова, на суверенитет которых претендуют некоторые страны АСЕАН, являются китай-

ской территорией"[154]. Кстати сказать, среди территориальных проблем называется и проблема островов Такэсима (Токто, по-корейски). Другими словами, проблема территориального размежевания сохраняется как в отношениях с КНР, так и в отношениях с двумя Кореями, что делает нынешнюю "стабильность" в регионе весьма относительной и хрупкой.

Как уже говорилось, Россия в военных концепциях Японии представлена по полной форме. Во-первых, четко оговаривается проблема "японских северных территорий" (p.33). В "Белой книге" пишется: "Россия еще будучи Советским Союзом разместила сухопутные войска на островах Кунашир, Этуруп и Сикотан, которые были незаконно оккупированы, несмотря на то, что они являются интегральной частью японской территории" (pp. 45-46). Правда, русские сократили свои войска до уровня бригады, но там сохраняется военная техника: танки, артиллерия, противовоздушные ракеты.

Во-вторых, хотя после распада СССР в целом произошло сокращение военной активности России в окрестностях Японии и "изменилась военная ситуация на Дальнем Востоке, однако там еще сохраняется в больших масштабах военный потенциал, включая ядерный арсенал" (p.291).

В-третьих, "будущее развитие российских сил невозможно рассчитать из-за нестабильной политической и экономической ситуации в стране. Соответственно, и будущее развитие российских сил на Дальнем Востоке неопределенно. Поэтому Япония проявляет серьезное беспокойство по поводу такого состояния дел" (p.39).

Другими словами, российский фактор для Японии с точки зрения ее безопасности сохраняет "статус опасности".

Более откровенно этот тезис расшифровывается японскими военными специалистами, например, из Института оборонных исследований, который с 1996 г. начал выпускать "Обзоры стратегического положения в Восточной Азии". Кстати, они оговаривают, что термин "Восточная Азия" является синонимом термина "Азиатский Тихий океан" (Asia Pacific).

В последнем "Обзоре" за 1997-1998 гг. обращают на себя внимание три положения, касающиеся России. Первое. Интенсивные отношения между Россией и Китаем японские авторы рассматривают в качестве реакции-ответа России на "продвижение НАТО на Во-

154 Defense of Japan. Defense Agency, 1997, p. 51.

сток”155. Во-вторых, установление и развитие “стратегического партнерства” с Китаем и призывы к мультиполярности оцениваются как попытка формирования системы “противовеса Соединенным Штатам” (p.11). В-третьих, “агрессивно осуществляемая продажа оружия в регионе усиливает беспокойство в связи с дестабилизацией в регионе” (p.28).

Авторы объясняют “агрессивность” продажи оружия тем, что только таким способом Россия рассчитывает расширить свое политическое влияние в Восточной Азии” (p.29).

Наконец, авторы “Обзора” обратили внимание и на то, что в ходе визита в Японию в мае 1997 г. министр обороны И. Родионов признал необходимость тесных американо-японских связей. “Эта позиция может быть истолкована как взгляд на японо-американские отношения в качестве противовеса будущему возвышению Китая (в качестве великой державы - О.А.), и как политическая позиция в расчете на экономическую поддержку со стороны Японии” (p.28).

Подобные противоречивые шаги России приводят в замешательство японских аналитиков. Они пишут: ”Однако российскую дипломатическую политику трудно понять. Устанавливая стратегическое партнерство с Китаем, она одновременно придерживается позитивного подхода к тесным отношениям с США и Японией” (p.6).

Вместе с тем авторы предыдущего “Обзора”, за 1996-1997 гг., дают детальную картину совершенно плачевной ситуации российского Дальнего Востока как с экономической, так и военной точек зрения156. Достаточно перечислить даже название некоторых главок и подглавок, чтобы понять их оценки “нашего потенциала”: Снижение стратегического положения России на Дальнем Востоке, Снижение возможностей по ведению немедленных действий Российской армии по сравнению с американской, Углубление беспорядков на Дальнем Востоке России157.

Из сказанного можно сделать следующие выводы.

Безусловно, в контексте безопасности Японии, а также США Токио и Вашингтон в большей степени озабочены “китайским факто-

155 East Asian Strategic Review 1997-1998. Summary. National Institute for Defense Studies. Tokyo, 1998, ?. 5. - Internet.

156 Наверняка они это сделали и в "Обзоре" за 1997-1998 гг., но у меня под рукой только Summary.

157 См.: "Обзор стратегического положения в Восточной Азии 1996-1997". Доклад Японского института оборонных исследований. ЭКПРЕСС-ИНФОРМАЦИЯ, №12, М.:ИДВ, 1997, сс. 73,79,82.

ром", потенциально способного превратиться через некоторое время в адекватный США и Японии актор в регионе, не исключено и на мировой арене.

В то же время для японских стратегов "российский фактор" также остается значимой величиной, поскольку в отличие от США они не столь уверены в будущем России как страны "западного мира". Конечно, успокоить Японию могла бы передача Южно-Курильских островов, но на этот счет у них тоже нет ясности.

Япония действительно находится в сложном положении. Под боком мощно развивающийся Китай, а также сильная, по стандартам Японии, в военном отношении Россия. Соединение двух держав в "стратегический альянс", хотя сейчас рассматривается как маловероятный исход, но гипотетически возможный. Реализация такой возможности, безусловно, зависит от слишком многих переменных. Среди них одна из наименее предсказуемых - Россия.

В принципе у Японии нет альтернатив, кроме как крепить свои отношения с США, одновременно наращивая ("модернизируя") свой военный потенциал. Проблема в том, что внутри этого союза также существует немало неясностей, которые обычно не афишируются в средствах массовой информации. Достаточно задать вопрос: кто кого должен защищать в этом союзе в случае реальной военной опасности в зоне совместной "безопасности", например, на Корейском полуострове. Если с США более или мене понятно, то с Японией, Конституция которой препятствует ей участвовать в совместных военных операциях за пределами собственной территории, все не так просто[158]. Правда, для собственных сил самообороны (ССО) японские военные аналитики нашли удобную интерпретацию, которую, естественно, многие оспаривают. Но тем не менее: "Использование минимума необходимых сил для защиты Японии в деле самообороны не обязательно охватывает географические рамки собственно японской территории, морей и воздушного пространства. Вообще-то говоря, трудно дать полное и четкое определение, как далеко распространяется эта область, поскольку она может разнообразиться в зависимости от отдельных частных ситуаций (подч. – *О.А.*)"[159].

---

158 В весьма осторожной форме эта тема поднята Yoshihide Soeya. Japan's Dual Identity and the U.S.-Japan Alliance. Stanford University.Asia/Pacific Research Center. May 1998.

159 Defense of Japan, p.102.

Японцы, в конце концов, найдут нужные формулировки и для ССО в рамках американо-японского союза, точно также как они нашли нужные слова для участия ССО по линии ООН. Более важна другая проблема: как рассчитать контуры стратегии России и КНР в XXI веке? Пока же Японии приходится довольствоваться проведением "пассивной оборонной стратегии", что на данный момент, видимо, является, наиболее оптимальным вариантом военной политики Токио.

Глава пятая. КНР: стратегия безопасности и место и роль России во внешней политике Пекина

В этой части я хотел бы выйти за рамки оглавления по двум причинам. Первая. Известно, что теоретическим обоснованием внутренней и внешней политики КНР являются идеи Дэн Сяопина, на которого постоянно ссылаются как официальные лидеры Китая, так и ученые этой страны. Однако ни в российской, ни американкой литературе мне не попадались исследования, в которых бы идеи Дэн Сяопина были бы представлены в обобщенной форме. Вместе с тем те же американцы, военные специалисты Института национальных стратегических исследований при Университете национальной обороны США, в ходе уникального визита в КНР (в марте 1995 г.) сумели собрать редкую коллекцию статей на темы безопасности, а также проинтервьюировать 30 китайских военных (большинство из них в звании генералов и полковников) из военных академий и институтов. Этот материал (41 статья) без комментариев был систематизирован известным китаистом Майклом Пилсбери, работавшем при Рейгане и Буше в Министерстве обороны США, а ныне являющимся сотрудником упомянутого Института.

Материал уникален в том смысле, что, во-первых, относится к нашей теме "безопасности", а во-вторых, он дает представление о том, как категория безопасность анализируется китайскими военными экспертами на теоретическом уровне. В данной брошюре я не собираюсь воспроизводить военно-технические вопросы оборонной

политики Китая, а попытаюсь коротко обобщить “стратегические взгляды” Дэн Сяопина на основе интерпретации этих взглядов военными теоретиками КНР160.

Вторая причина. Она вызвана намерениями обратить внимание российских специалистов по проблемам безопасности на то, как китайские аналитики, исходя из идей Дэн Сяопина, самостоятельно, без слепого подражания американцам, выстраивают свое видение мира, и как ими формулируется поведение собственной страны в этом мире.

Для начала, однако, хотелось бы привести длинную цитату из Доклада Цзян Цзэминя на 15 съезде ЦК КПК о внешней политике КНР, которую по понятным причинам российская демократическая пресса обошла вниманием.

Оценка общей ситуации в мире в Докладе в принципе совпадает с официальными оценками США, Японии и России. В частности, в Докладе отмечается, что мир становится более спокойным и что “мир и развитие являются основными темами эпохи”. На этом совпадения заканчиваются. Дальше начинается китайская “специфика”.

“Однако, - отмечается в Докладе, - менталитет холодной войны все еще существует, а гегемонизм и силовая политика продолжают оставаться главным источником угрозы миру и стабильности в мире. Расширение военных блоков и усиление военных союзов не могут способствовать сохранению мира и безопасности. Несправедливый и нерациональный международный экономический порядок все еще ущемляет интересы развивающихся стран, брешь между богатыми и бедными странами расширяется. Все еще серьезным является то, что “права человека” и другие проблемы используются для вмешательства во внутренние дела других стран. Локальные конфликты из-за этнических, религиозных и территориальных факторов вспыхивают время от времени. Мир еще не спокоен.

160 Правда, профессиональный китаист из ИМЭМО, Олег Остроухов, попросил меня сделать оговорку в том смысле, что взгляды военных КНР на теорию Дэн Сяопина отличаются от официальной позиции Пекина "большей левизной" в сторону маоцзэдуновских концепций. Хотя я таких различий не заметил, однако, на всякий случай, выполняю его просьбу, а заодно хочу поблагодарить Остроухова за замечания по китайской части данной работы.

Мы будем придерживаться взглядов Дэн Сяопина на дипломатию и твердо проводить независимую внешнюю политику мира. В международных делах мы будем определять свою позицию и политику, исходя из фундаментальных интересов народа Китая и других стран и судить в каждом случае по существу. Мы не поддадимся никакому внешнему давлению и не вступим в союз ни с одной крупной державой или с группой стран, а также не будем создавать никакого военного блока, присоединяться к гонке вооружения или стремиться к военной экспансии"161.

В этих двух абзацах схвачены все основные идеи Дэн Сяопина в сфере международных отношений и внешней политики. Причем, совершенно ясно, что первый абзац фактически обращен против США. У многих, следящих за американо-китайскими отношениями, особенно в ходе и после визита Клинтона в КНР в конце июня - начале июля 1998 г., подобные "слова" в первом абзаце могут вызвать усмешку. Дескать, "дела", которые идут весьма успешно, опровергают вышеприведенные "слова". Не надо торопиться с выводами. При этом надо иметь в виду специфику Китая. Приведенные слова - это отражение "стратегических мыслей" Дэн Сяопина, рассчитанных на длительный период времени, до 2050 г. Дела же могут носить конъюнктурный характер. Чтобы лучше ориентироваться в этом, необходимо представить теорию Дэн Сяопина в развернутом виде, тем более что две ее основные части из трех относятся к теме работы162.

161 Доклад Цзян Цзэминя на 15 съезде ЦК КПК. - Beijing Review, #40, Oct. 6-12, 1997. - Internet.

162 Основные положения "теории Дэн Сяопина" изложены в его речах. См: Selected Works of Deng Xiaoping. Volume III (1982-1992). Beijing:Foreign Languages Press, 1994. В обобщенном виде "мысли Дэн Сяопина" представлены в в работе видного китайского обществоведа У Дзи.: Wu Jie. On Deng Xiaoping Thought. Beijing:Foreign Languages Press, 1996.

Стратегические теории Дэн Сяопина[163]

Стратегические идеи или теории Дэн Сяопина состоят из трех основных частей: I. - стратегия национального развития; II. - международная стратегическая ситуация; III. - национальные интересы КНР и стратегия национальной безопасности.

Стратегия национального развития является сердцевиной всей теории Дэн Сяопина и покоится на двух фундаментах: теории социализма начального периода и социалистической рыночной экономики. И то, и другое рассматривается как вклад в марксизм. Коротко суть этой стратегии заключается в следующем. Главная долгосрочная цель китайского народа - превращение страны в процветающее, сильное, демократическое и цивилизованное социалистическое современное государство. Путь к достижению этой цели делится на три этапа. Первый этап, 1981-1990 гг., предполагал удвоение ВНП и решение проблем питания и одежды. Эти задачи выполнены. Второй этап, 1991 - 2000 гг., ориентирует доведение ВНП до 1 трлн долл. с доходом на душу населения от 800 до 1000 долл. Реализации планов данного периода должна привести Китай к "относительному процветанию". Третий этап, 2001 - 2050 гг., нацеливает на достижение уровня развитых стран и реализации основных целей модернизации.

Под модернизацией понимается следование политике реформ и открытости и реализация программ в области обороны, промышленности, сельского хозяйства, энергетики, транспорта, науки и образования.

В качестве "стратегических средств развития" Дэн Сяопин указывал на марксизм как на руководящую идеологию и на практику как "единственный критерий истины". Он писал, что "мы не должны рассматривать книгу как догму и не должны слепо копировать иностранные модели. ... Мы должны извлекать истину из фактов, идти своей дорогой, строить социализм с китайской спецификой".

---

163 Теория изложена на основе обобщения статей министра обороны КНР Чи Хаотяня , старшего полковника Пэн Гуанцяня, генерала Чжао Наньци, полковника Хун Баосюя, полковника Хун Бина, старшего полковника Ван Наймина, полковника Фан Нина и др. - Chinese Views of Future Warfare./ Collection by M. Pillsbury. Institute for National Strategic Studies, 1997. - Internet.

Эта часть дополняется также рядом других теорий и идей Дэн Сяопина, например, концепцией “одна страна, две системы” и т.д.

Международная стратегическая ситуация заключает в себе два компонента: мир и развитие. Впервые концепция “мира и развития” была обнародована Дэн Сяопином в речах 1984 г., в частности, 31 октября 1984 г. Тогда он сказал: “На международной арене существуют две громадные проблемы: одна проблема мира, другая проблема Севера-Юга”164. В марте 1985 г. он уточняет: “По-настоящему главными мировыми проблемами сегодня, проблемами глобального и стратегического масштаба, являются проблема мира и экономические проблемы или проблемы развития. Проблемы мира - это проблема Востока-Запада, проблема развития - это проблема Севера-Юга. В итоге существует проблемы Востока, Запада, Севера и Юга”165.

Дэн Сяопин неоднократно подчеркивал, что на смену концепций о возможности мировой войны в современную эпоху пришли идеи мира, поскольку мировую войну можно “отодвинуть” или даже вообще ее избежать, если “хорошо поработать”. Такая благоприятная международная обстановка содействует становлению нового мирового порядка, чему в свою очередь способствует тенденция к “многополярности”, базирующаяся на пяти принципах мирного сосуществования, а также на взаимоотношениях между государствами на основе “национальных интересов”. Совокупность этих факторов и принципов позволяет КНР проводить независимую внешнюю политику, выступать против гегемонизма и силовой политики.

Борьбе против гегемонизма уделяется крайне серьезное внимание в теориях Дэн Сяопина. Эта борьба сохраняет свою актуальность по “линии Восток-Запад”, поскольку, хотя “мировая война может быть отсрочена, но случайные инциденты и локальные конфликты предсказать нельзя”. Их источниками, конечно же, являются как “глобальный гегемонизм, так и региональный гегемонизм”.

Главной силой, выступающей за мир, являются страны Третьего мира, “насчитывающие три четверти земного шара”. Китай принадлежит к Третьему миру и является важной силой в деле сохранения мира. Второй мир развитых стран также является важной силой в сдерживании войны (имеются в виду страны Западной и Восточной

164 Selected Works... p. 102.
165 Ibid, p. 111.

Европы). Дэн Сяопин также заявлял, что "народы Соединенных Штатов и Советского Союза тоже не поддерживают войну".

Из сказанного может показаться непонятным, кто же выступает против мира и осуществляет гегемонию? Чтобы было ясно, надо обратить внимание на слово "народы", поскольку правительства этих двух или иных стран могут "поддерживать" войну. В настоящее время в различных интерпретациях, по крайней мере, военных специалистов, под "глобальным гегемонистом" понимаются США, "региональным гегемонистом" - Япония.

Национальные интересы КНР и стратегия национальной безопасности. Дэн Сяопин как настоящий марксист сразу же четко оговаривает, что национальные интересы определяются "природой нашего социалистического государства" и являются "высшим критерием" во взаимоотношениях с другими государствами.

К национальным интересам, прежде всего, причисляются суверенитет, территориальную целостность, безопасность, экономическое развитие, международный статус и достоинство. Последнее уникально, т. к., кажется, нет на сегодняшний день ни одной страны, которая включала бы категорию "достоинства" в "национальные интересы". Дэн Сяопин не единожды подчеркивал: "Китайский народ имеет свое национальное достоинство и чувство гордости. Это большая честь любить свою страну и посвящать всю свою энергию социалистическому строительству".

Среди важнейших целей национальных интересов является воссоединение с Гонконгом и Макао (осуществлено в 1997 г. и в 1999 г.) и Тайванем. При этом надо иметь в виду, что Китай не рассматривает проблему Тайваня в контексте общей безопасности в Восточной Азии. Как неоднократно подчеркивалось в Пекине, "Китай категорически против включения Тайваня в систему регионального сотрудничества по безопасности"166. Напомню, что проблема Тайваня относится к фундаментальному принципу, который не подлежит обсуждению. Для КНР - это чисто внутренняя проблема ее отношений с одной из своих провинций.

Еще одна специфика: китайский лидер полагал, что национальные интересы Китая объективно совпадают с национальными интересами народов других стран.

166 Beijing Review, Feb. 5-11, 1996, p. 9.

В то же время указывалось, что в области суверенитета и безопасности компромиссов быть не может. Дэн Сяопин неоднократно оппонировал тем, кто отстаивал тезис об устарелости идеи суверенитета и что “гражданская война не является внутренним делом”, а “права человека выше суверенитета”. “Китай, - говорил он, - с этим никогда не согласится и не позволит другим вмешиваться в свои внутренние дела”.

Долгосрочными интересами страны являются “наращивание возможностей”, достижение “символов процветания” и реализация “этапов развития”. “Национальные возможности” означают весь потенциал нации, направленный на освоение природы и противостоящий захвату страны другим государством. Более четко и подробно эти идеи передаются через категорию “комплексной мощи нации”, которая складывается благодаря развитию в сфере науки и технологий, а также ее экономической мощи.

Своего рода итогом (в текстах - высшим критерием) правильно реализованных национальных интересов является стабильность в стране.

Национальные интересы должны быть защищены стратегией национальной безопасности. Целью последней является формирование мирной и стабильной окружающей среды, благоприятной для национального развития. Безопасность должна быть взаимной, что предусматривает “безопасность наших соседей, нашего региона и даже всего мира”.

Стратегия безопасности опирается на комплексную мощь страны.

Ее задачи - предотвратить возникновение войны и возможность держать под контролем кризисные ситуации.

Стратегия национальной безопасности строится на защите независимости и суверенитета, защите социалистического пути и руководствуется политикой и линией, сформулированных на декабрьском Пленуме ЦК КПК 1978 г.

Важнейшим компонентом стратегии национальной безопасности является политика национальной обороны, субординированная под экономическое развитие страны. Сама национальная оборона строится на основе стратегии активной обороны.

Ее содержательную часть в контексте других установок выражена Дэн Сяопином следующим образом: “В новую эру, хотя мировая война может быть отодвинута или ее можно избежать, локальные

войны и региональные конфликты далеки от завершения. Мы искренне стремимся к миру, однако мир достигается через борьбу. Мы привержены развитию, но развитие требует обороны, которая достигается через готовность сражаться".

Столь же диалектично, со ссылкой на Ф. Энгельса, Дэн Сяопин интерпретирует слово "активная": "Активная оборона не просто оборона, в ней содержится и наступление. Соединение обороны и наступления отражает развитие закона самой войны". В другом месте Дэн Сяопин говорил: активная оборона по природе оборонительна, в то же время по сути она активна.

Министр обороны КНР, Чи Хаотянь, так расшифровывает эту стратегию: она включает в себя принцип обороны, самообороны и нанесение удара на стратегическом уровне только после нападения. Он же уточняет, что основными целями китайской оборонной политики являются:

- укрепление национальной обороны;
- сопротивление внешнему агрессору;
- защита государственного суверенитета над территориями, воздушными и водными пространствами, морских прав и интересов;
- укрепление государственной целостности и безопасности;
- решительная защита социалистической системы и руководящей линии нашей партии.

Последний пункт постоянно приходится напоминать иностранцам, которые игнорируют социалистический характер китайского государства. В этой связи часто приводятся следующие слова Дэн Сяопина: "Китайская история говорит нам, что вне социалистического пути у нас нет других выборов. Если однажды китайский социализм будет предан забвению, то Китай вернется к полуколониальному и полуфеодальному статусу. Поэтому армия и государственная политическая мощь должны защищать социалистический путь, систему и политику"[167].

Очень важная стратегическая установка: мы должны не только быть в состоянии бороться с одним единственным врагом, но и с более чем одним мощным противником. Причем, наша исходная позиция заключается в том, что мы обязаны сокрушить превосходящего противника худшей военной техникой.

---

167 Подр. см.: Wang Naiming. Adhere to Active Defense and Modern People's War. - Chinese Views of Future Warfare...

Требование к количеству: армия должна быть сокращена до "относительно небольшой высоко тренированной постоянной армии с большим резервом" и с современным техническим и технологическим оснащением.

* * *

Здесь представлена в кратком виде каждая из трех частей общей теории Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой. Повторяю, каждая из частей может быть дополнена рядом дополнительных установок и рекомендаций, разбросанных во множестве речей и статей Дэн Сяопина. Тем не менее, даже в урезанном виде эта теория представляет целостную программу развития КНР до 2050 г. Она хорошо структурирована, а все ее части диалектически взаимосвязаны между собой.

* * *

Знакомство с внешнеполитическими стратегиями Японии, США и КНР даже на теоретическом уровне позволяют выявить крайне интересные фундаментальные различия в подходе этих стран к миру и своему поведению в мире.

Японские внешнеполитические концепции и доктрины отражают изменения, происходящие на мировой арене, и варианты наиболее оптимального приспособления Японии к этим изменениям. Это стратегии "ситуативной рефлексии и приспособления"168.

Крайне идеологизированные американские стратегии не отражают объективный процесс на мировой арене, а навязывают свой взгляд на мир, который необходимо подчинить интересам США. Это своеобразный мичуринский вариант в сфере мировой политики. "Не ждать милости от природы, а изменить его в соответствии с нашими интересами". Отсюда - наступательно-активная стратегия, фактически без учета интересов других акторов мировой политики.

Китайский вариант базируется на убеждении, что мир развивается по объективным законам, с его неизбежными причинно-следственными связями, в соответствии с которыми необходимо строить внешнеполитическую стратегию КНР. Она лишена элемента наступательности или навязывания, поскольку объективные за-

168 Более подр. о политике приспособления Японии к международной ситуации см.: Р.Ш-А. Алиев. "Внешняя политика Японии в 70-е - первой половине 80-х годов (Теория и практика). М.: Наука, 1986.

коны (например, идея о неизбежности многополярности) совпадают со стратегическими интересами Китая.

Названные различия на фундаментальном уровне и определяют непохожие, своеобразные типы внешней политики Токио, Вашингтона и Пекина.

Позиция и политика КНР в сфере военной безопасности в Восточной Азии и Россия

Китайские взгляды на общую ситуацию в Восточной Азии в принципе совпадают с официальными оценками США и Японии. В КНР также считают, что в настоящее время в регионе царит мир и относительная стабильность. Ее неустойчивость вызвана рядом проблем и "конфликтными зонами", среди которых указываются: ситуация на Корейском полуострове; территориальные споры в Восточно-китайском и Южно-китайском морях; гонка вооружений в регионе.

Но в отличие от Вашингтона и Токио Пекин к этому списку добавляет несколько блоков противоречий, которые в случае их обострения могут расширить количество “конфликтных зон”. Среди них следует обратить внимание на важный блок экономических противоречий. Имеется в виду, что в нынешнее время, когда идеология отодвинута на задний план, а на передний выдвигаются проблемы экономической безопасности, экономические противоречия, в особенности между США и Японией, в перспективе самым серьезным образом будут определять общий контекст безопасности в регионе.

Китайские ученые придают серьезное значение этническим противоречиям, которые, по их представлениям, будут дробить государства в Восточной Азии.

Еще более серьезно они относятся к религиозным проблемам, чреватым всевозможными конфликтами и угрозами безопасности. Выделяя религиозный фактор в отдельный блок безопасности, аналитики имеют в виду не только ситуацию за пределами КНР, но и внутри своей страны, связанную с движением буддийских сепаратистов в Тибетском автономном районе и мусульман в Синьцзяне..

Наконец, хотя китайские ученые в свое время и подвергли жесткой критике концепцию С. Хантингтона о “столкновении цивилизаций”, сами же подтверждают ее примерами жесткого сопротивле-

ния восточно-азиатской культуры (или современной конфуцианской культуры) западным ценностям. Другими словами, они не исключают обострения ситуации в регионе из-за цивилизационных несовместимостей “эгоистичной” западной культуры и гуманистичной конфуцианской культуры.

Однако более серьезные различия прослеживаются в оценках политики тех или иных великих стран, а также методов и способов поддержания и сохранения безопасности в регионе.

В отличие от США при анализе проблем безопасности в Восточной Азии китайские эксперты принимают в расчет все четыре основные державы, т.е., помимо США, Японии, Китая, также и Россию. При этом, правда, четко оговаривая реальный статус каждой из них. Китай и Япония - на подъеме, Россия - в результате распада СССР ныне только "региональная держава", а США - единственная сверхдержава. Именно поэтому только Соединенные Штаты являются страной, которая в состоянии воздействовать на все аспекты национальных интересов КНР (политика, экономика, безопасность). Естественно, в этой связи, что Америке придается первостепенное значение в совокупной внешней политике Пекина.

Практически все китайские ученые, в том числе американские ученые китайского происхождения, подчеркивают, что, несмотря на совпадение позиций США и КНР на общую ситуацию в Восточной Азии, между ними существует серьезные различия по широкому кругу проблем, что в свою очередь делает двусторонние отношения "не стабильными, ситуативными и не предсказуемыми”. В подтверждение этого тезиса приводится список "разночтений", вызывающих у Китая особое беспокойство. Это - вмешательство США во внутренние дела КНР, в частности, в связи с "плохой историей" по правам человека; усиление военного присутствия в “АТР” в форме качественного реформирования военных отношений с Японией и Австралией, что "может обернуться частью стратегии сдерживания восходящего Китая"; и, естественно, поддержка политики Ли Дэнхуя, нацеленная на инициирование движения за независимость Тайваня[169].

Все это воспринимается как политика гегемонизма США в регионе. Так, председатель ВСНП Цяо Ши (на встрече с южнокорейским политиком Ким Дэ Чжуном, нынешним президентом КР) в октябре 1995 г. заявил: "Гегемонизм и силовая политика все еще

169 Wu Xinbo. Integration on the Basis of Strength... p. 5.

сохраняются в нынешнем мире. Народы Китая, Южной Кореи и других азиатских стран, тесно объединенные между собой и прогрессирующие в своем развитии, могут сами защитить себя против гегемонизма и силовой политики"[170]. Все понимают, что когда речь идет о гегемонизме, имеются в виду только США.

При этом многих китайцев раздражает политика двойных стандартов, практикуемая Вашингтоном. Так, китайский ученый в области ракетостроения, работающий в Стэндфордском университете, Хуа Ди напоминает: Вашингтон активно выступает против экспорта КНР ракет малого радиуса действия (М-11) в Пакистан, сам же продолжает поставлять технологию для ракет дальнего радиуса действий Трайдент в Великобританию. США также пытаются заблокировать мирное сотрудничество в ядерной области в рамках, одобренных МАГАТЭ, с Ираном, Пакистаном и Алжиром, в то же время не ограничивая себя в этой сфере, например, в отношениях с Японией. Конгресс США запрещает ООН использовать "американскую долю" на программы по контролю за рождаемостью в КНР, т.е. программу, одобренную и рекомендованную самой ООН[171].

Хуа Ди - один из немногих ученых, который обратил внимание на несуразицу в концепции баланса сил применительно к Восточной Азии. Он напоминает, что усиление американского военного присутствия в регионе в период холодной войны объяснялось необходимостью "сбалансировать" военную угрозу со стороны Советского Союза, и эта цель была тогда достигнута. Ныне Вашингтон также часто повторяет, что американское присутствие создает "баланс сил". Если иметь в виду, что российский военный потенциал на Дальнем Востоке сократился чуть ли не вдвое, то с какой силой в настоящее время “балансируют” американцы в Восточной Азии. Принимая же в расчет, что китайский военный потенциал как в количественном, так и в качественном отношениях кардинально уступает совокупному американо-японскому военному потенциалу, то напрашивается вывод о том, что никакого баланса сил не существует, а есть подавляющее военное превосходство США в Тихоокеанском регионе.

Пекин выступает не просто против "превосходства", а в принципе против военного присутствия США, поскольку Восточная Азия

---

170 China Daily, October 28, 1995, p. A12.

171 Hua Di. China's Security Dilemma to the Year 2010. Stanford University, CISAC, October 1997, p. 12.

не нуждается в американском "бэббиситерстве". Эта позиция официально впервые была озвучена в апреле 1997 г. МИД КНР в ответ на утверждении Вашингтона о необходимости сохранения 100 тыс. американских военнослужащих в Азии. Спикер МИД заявил: "Мир и стабильность в Азии должны поддерживаться самими азиатскими странами, и азиатские страны в полной мере в состоянии это сделать"[172]. Многие китайские эксперты постоянно подчеркивают, что страны Восточной Азии "не желают увязывать свою безопасность и судьбу с Соединенными Штатами - страной, которая привержена силовой политике, и утверждает себя в качестве мирового жандарма"[173].

При таком "стратегическом" подходе к США совершенно естественно то внимание, какое придается "русскому фактору" в Восточной Азии. Выстраивая цели в отношении России, китайские эксперты обосновывают их следующим набором аргументов. Во-первых, они с удовлетворением отмечают завершенность процесса демаркации российско-китайской границы за исключением небольших участков в районе Приморья и по реке Амур. Во-вторых, ими позитивно оценивается военно-техническое сотрудничество, особенно в связи с тем, что сами американцы заблокировали доступ на военный рынок США после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. В-третьих, они рассчитывают или, по крайней мере, рассчитывали на помощь России в деле обновления технического оборудования предприятий, построенных СССР в 50-е годы. Кроме того, большие планы были связаны и с поставками нефти и газа Сибири. В-четвертых, как об этом откровенно пишет профессор Фуданьского университета У Синбо, китайско-российское сотрудничество "призвано оказать противодействие доминирующему влиянию США, как единственной сверхдержаве мира"[174]. Другими словами, "стратегическое партнерство" между КНР и РФ дает основу для более успешного выстраивания многополярной системы в мире.

В контексте подобных рассуждений становится ясной и негативная позиция Пекина по поводу реформирования японо-

172 "Beijing Opposes US Maintaining 100,000 Troops in Asia." The China Press, April 8, 1997, A2.
173 Wu Xingbo, "Time for US Military to Leave E. Asia," China Daily, March 19, 1997, p.4.
174 Wu Xingbo. Integration..., p.6.

американского военного альянса, идея которого зафиксирована в совместном американо-японском коммюнике апреля 1996 г.

В ответ на заезженный аргумент о том, что военная спайка Токио с Вашингтоном, дескать, сдерживает милитаризацию Японии, китайцы резонно указывают на усиление военного потенциала собственно Японии, расширению зоны "национальной" (читай - военной) безопасности, т.е. расширения зоны действий “сил самообороны” страны чуть ли не до Австралии. Более же тесное военное сотрудничество двух стран, по мнению экспертов, может втянуть и Японию в тайваньскую проблему. Наконец, реформирование альянса усиливает ряд компонентов доктрины "превентивной дипломатии" США, что в первую очередь затрагивает китайскую сторону. К примеру, если Вашингтон и Токио решат создать систему ПРО (theater missile defense) в Японии, это неизбежно окажет дестабилизирующее воздействие в регионе и затронет систему безопасности КНР.

В Пекине с настороженностью относятся и к предложениям о формировании различного типа коллективистских организаций в сфере безопасности. Например, выдвигаемым американцами предложениям о создании Совета по сотрудничеству в области безопасности - нечто типа оборонного АТЭС. Незаинтересованность в подобного рода организаций объясняется просто: так или иначе, в них будут доминировать США с их представлениями на безопасность в регионе, которая стратегически не совпадает с национальными интересами большинства стран Тихоокеанского региона.

Глава шестая. Россия в Восточной Азии: не ошибиться в стратегии

Российские специалисты по “АТР”

Российские специалисты по “АТР” делятся на две неравные группы: на многочисленных оптимистов и на единичных реалистов-скептиков. Правда, первая группа в свою очередь делится еще на две подгруппы: на оптимистов-объективистов и на “если-оптимистов” или лучше “еслибистов”.

Разница в следующем. Оптимисты-объективисты исходят из того, что "экономическая интеграция России в АТР - объективный процесс (подч. – *О.А.*), находящийся на начальном этапе приближения к зоне свободной торговли государств с разным уровнем экономического развития"[175]. В качестве аргументов они обычно приводят, с одной стороны, "доказательства" интеграционных процессов в "АТР", например, в зоне стран АСЕАН, совершенно не отдавая себе отчета в сущности интеграции, с другой - информируют о несметных богатствах Восточной Сибири и Дальнего Востока. И то, и другое, по их мнению, неизбежно должно "соединиться" и даже образовать некий "мост" между Востоком и Западом. Не случайно многие из оптимистов-объективистов являются сторонниками концепции "Евразии". Так, например, С. М. Рогов совершенно серьезно пишет: "Россия как евразийская держава может стать связующим звеном между ЕС и АПЭК, что позволит резко ускорить формирование глобального рынка"[176]. Если многие сторонники конструкции идеи "Россия=мост между Азией и Европой" исходят из "Евразийства" как культурологической концепции, призванной обосновать "мессианскую" роль России в мире, то С. М. Рогов опирается как бы на объективно формирующуюся новую структуру международных отношений, состоящую из Общего рынка, НАФТА и АТЭС. При этом утверждается что, дескать, ВНП двух последних блоков почти одинаковые. Во-первых, сама по себе данная структура - нонсенс, поскольку США входит и в НАФТА, и в АТЭС. Во-вторых, подсчет ВНП АТЭС без США на основе реальной покупательной способности (РПС) местной валюты, уравнивающий АТЭС с НАФТА, является абсолютно некорректным. КНР в этом случае уже сейчас становится второй экономической державой мира. Тогда надо пересчитывать по этому же принципу ВНП всех стран и тогда, не исключено, и Бангладеш попадет в разряд великих держав. С. Рогов, видимо, не знает, что Мировой банк начал пользоваться этим РПС специально для КНР, чтобы "доказать", что Китай не "развивающаяся держава", а вполне развитая, и потому ей не полагается соответствующих льгот при займах и прочих аналогичных

175 И.В. Прокофьев. Экономическая интеграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и интересы России. - Материалы парламентских слушаний, с. 127.

176 Сергей Рогов. Контуры новой Российской стратегии. Страну может спасти только срединное положение на геоэкономической карте Евразии. НГ-Сценарии, №3, 1998, с.15.

вспомоществований. С другой стороны, РПС имеет значение не с точки зрения места страны на международной арене (там важна "номинальная масса"), а с точки зрения внутриполитической стабильности. И поэтому подобные калькуляции и построения "полюсов" на этой основе могут вводить только в заблуждения и искажать реальный мир на международной арене.

Кроме того, если бы сторонники "моста" подсчитали, сколько будет стоить его строительство, одновременно соотнеся эту сумму с Российским бюджетом и вообще с экономическими возможностями РФ, думаю, что цена их теории быстро бы скатилась до нуля. Однако она несколько бы поднялась, если бы они предложили реальный проект построить "мост" хотя бы между Приморьем и Сахалином.

Следует оговорить, что представители этой группы обычно не являются специалистами по странам "АТР", а обращаются к этому региону в контексте исследования более широких проблем международных отношений или внешней политики России.

Еслибисты, наоборот, состоят из специалистов по конкретным странам Восточной Азии (иногда Австралии, но никогда, скажем, по такой стране "АТР" как Папуа-Новая Гвинея или Тонга). Они, конечно, лучше знают конкретную ситуацию в этом регионе и многие из них хорошо осведомлены об обстановке на РДВ. А поскольку реальность такова, что не позволяет России "занять достойное место в экономике АТР", они постоянно предлагают изменить эту реальность по принципу "если бы". Если бы сделать то-то и то-то на Дальнем Востоке, тогда мы "интегрируемся" в этот "АТР"[177]. Потрясающий вариант еслибизма представлен в одной из книг М.Л. Титаренко "Россия лицом к Азии" (М.: Республика, 1998). Хотя эта книга не является научным исследованием (она составлена в основном из политизированных докладов на международных конференциях), тем не менее, она может ввести в заблуждения неискушенного читателя рядом утверждений, не имеющих реального основания. В качестве примера достаточно привести всего лишь один пассаж, чтобы убедиться в этом. Автор пишет: "По мере интеграции России в экономику АТР, дальнейшего развития внешней торговли стран Северо-Восточной Азии (СВА), реализации Туманганского проекта (по-корейски) или Тумэньцзянского (по-китайски) проекта Примо-

[177] Обнаженным вариантом данного подхода может служить для примера книга 16 сотрудников ИДВ РАН. См.: Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы экономического сотрудничества. М.: Эдиториал УРСС, 1998.

рье может стать сопоставимым с Сянганом (Гонконгом) гигантским торгово-промышленным комплексом и транспортно-транзитным центром, обеспечивая перевалку товаров из СВА в Западную Европу и Центральную Азию" (сс. 60-61).

В аналогичном ключе группа авторов из ИДВ РАН, видимо, под влиянием своего директора точно также вполне серьезно пишет о Тумэньцзянском проекте и "Кольце Японского моря", "предполагающих сильные ролевые функции восточных территорий России"[178]. Уже упоминавшийся И.Н. Коркунов ожидает большой активности потенциальных инвесторов не только в связи "с достижением практических договоренностей о реализации Программы развития бассейна р. Тумэньцзян", но и в связи с поставками энергоресурсов (нефти, газа, электроэнергии) в Китай, - тема, обсуждавшаяся в ходе визита Б.Н. Ельцина в КНР в октябре 1997 г.[179].

У меня складывается такое ощущение, что все пишущие о названных проектах просто не представляют реальную ситуацию, сложившуюся вокруг "Тумангана" (корейское звучание китайского слова Тумэньцзян) и "Японского кольца", не представляют, помимо сложностей, связанных с позицией КНДР, какие предварительные суммы должна вложить российская сторона, чтобы всерьез рассчитывать на какие-то иностранные инвестиции. Только один "Тумангган" потребовал бы несколько миллиардов долларов.

Можно только позавидовать несокрушимости оптимизма еслибистов, поскольку некоторые из них эти многочисленные “если” предлагают десятилетиями[180].

Мне приходится заострять внимание на этих "объективистах" и "еслибистах", чтобы подчеркнуть, сколь прожектерскими могут выглядеть рецепты наших специалистов, даже не задумывающихся над тем, сколько будут стоить их "рецепты" по оздоровлению РДВ.

Поскольку я участвовал в первоначальных разработках проекта по Тумангану и по "Кольцу"[181] и знаю ситуацию лучше М.Л. Титаренко и И.Н. Коркунова, то могу утверждать, что ни один из этих проектов не может быть реализован до тех пор, пока вся Россия не

---

[178] Российский Дальний Восток и Северо-восточная Азия, с. 214.

179 Восток и Россия на рубеже XXI века, с. 303.

180 Опять же для примера см.: М. Титаренко. Советская стратегия мира и Азиатско-Тихоокеанский регион. - Коммунист, 1987, № 1.

181 Rafik Aliev. Russian Development Strategy for the International Economic Cooperation in the Japan Sea: Plan and Concept. - Japan: Nagoya University, Economic Research Center, December 1993.

преодолеет нынешний формационный кризис. И поэтому всерьез об этих проектах и вообще об интеграции России в "АТР" могут говорить люди, для которых сказки являются былью, или люди, которые по каким-то причинам сознательно искажают реальность, в том числе и на Дальнем Востоке.

До каких высот заносит эту группу, свидетельствует одна красноречивая цитата, идею которой, как ни странно, поддерживает немало "ученых". Ее автор, В.П. Зимонин (между прочим, автор и соавтор аж 60 книг!!!) пишет: "Однако реальные плоды азиатизации Азии может принести только взаимопроникновение китайской, индокитайской, японской, российской и американской культур. Слияние столь многообразных культур, возможно, и будет означать появление азиатско-тихоокеанской цивилизации - стабильной, процветающей, безопасной для остального мира, что благоприятно скажется и на ситуации в других регионах (подч. – *О.А.*)"[182]. Самое удивительное, что такое написал японовед, который просто обязан понимать, что японская культура в принципе не может быть адаптирована ни одной другой нацией или "слита" с другой культурой.

По этой проблеме и "вообще" авторам данной группы не мешало бы ознакомиться с общими теориями международных отношений и прогностическими моделями теоретиков-международников[183], чтобы хотя бы в общих чертах иметь представления о глобальных тенденциях в мире.

Как уже было сказано, реалистов насчитывается единицы и среди них достойно упоминание имя А. Д. Богатурова - автора фундаментальной работы, в которой без иллюзий оцениваются возможности региональной политики России в "АТР" (хотя фактически он анализирует политику России в Восточной Азии)[184].

Его скептицизм основывается не только на представлении о реальной ситуации РДВ, но и на подозрениях в отношении Китая, который "потенциально остается источником самой серьезной геопо-

182 В.П. Зимонин. Новая Россия в новой Евразии: Проблемы комплексного обеспечения безопасности. М.: Клуб "Реалисты", 1997, с.51.

183 В этой связи весьма полезной может быть 2-х томник Э.А. Позднякова "Философия политики" (М.: Палея, 1994), пожалуй, самый уникальный труд в указанной области по самым высоким международным меркам.

184 А.Д. Богатуров. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). М., 1997.

литической опасности для России" (с.285). К таким выводам автора подводит геополитический анализ, дополненный структурным. На самом деле они являются следствием его политико-идеологической позиции западника американской ориентации, большинство из которых без геополитики и структурного анализа постоянно предостерегают от "стратегического партнерства" с КНР. Богатуров играет на их поле. Он убежден "в исторически взаимоконфликтных отношениях между Россией и Китаем", что позволяет ему предполагать сценарий "мягкого сдерживания" КНР при опоре "на поддержку США и их партнеров" (с.294).

И все же, несмотря на откровенный проамериканизм и антикитайский подход А. Богатурова (как говорится, имеет право), его анализ места и роли России в "АТР" следует признать наиболее приближенным к реальности, лишенном утопизма и иллюзий, т.е. того, что американцы обозначают одним словом - wishful-thinking (выдавать желаемое за действительное).

Теперь попытаюсь сформулировать свою позицию о наших перспективах в Восточной Азии.

США - гегемон до середины XXI века

Но для начала о лидерстве США**.** Как уже отмечалось выше, Россия на официальном уровне отстаивает тезис о многополярности мира как более продуктивный и стабильный миропорядок. Также указывалось на то, что аналогичный тезис отстаивается и официальным Пекином. Многие аналитики и политики справедливо усматривают в этом тезисе о многополярном мире идею антиамериканизма. Психологически это понять можно, поскольку для России, в недавнем прошлом в качестве СССР занимавшей статус сверхдержавы, весьма неуютно чувствовать себя на второстепенных ролях в мировой политике. Китай в силу объективных причин на данный момент также заинтересован в многополярности, поскольку пока он не обладает потенциалом для претензий на сверхдержавность.

Как идея - концепция многополярности, может быть, и не плоха. Но если исходить из реальности, то необходимо признать, что в нынешнем мире есть одна сверхдержава - США, и этот статус они сохранят до середины следующего века. Этот тезис можно было бы подтвердить рядом цифр из любой сферы международной полити-

ки. Но на этот тезис, если можно так выразиться, работает и Теория длинных циклов, разработанная рядом американских теоретиков, прежде всего Дж. Модельским и У. Томпсоном.

Я не собираюсь подробно останавливаться на данной теории[185]. Напомню только, что ее сторонники исходят из периодичный смены исторического глобального процесса каждые 500 лет, в рамках которого столь же периодично меняются фазы политического цикла каждые 120 лет. Некоторые теоретики, как например, Терри Босуэлл, добавляет к этим фазам еще волны Кондратьева (это 60 летние экономические циклы), чтобы учесть динамику изменения экономических процессов. На основе анализа всех этих фаз и циклов определяются и прогнозируются страны-гегемоны на тот или иной период.

В соответствии с Теорией длинных волн с 1945 г. на статус гегемона стали претендовать США, которым бросил вызов Советский Союз. Последний обозначается как challenger, т.е. бросивший вызов. Кто-то должен был победить. В силу ряда причин (названные теоретики главным фактором при этом указывают на "морскую державность" США) СССР проиграл борьбу за гегемонию, США выиграли. И в качестве единственного лидера или гегемона они доживут до середины следующего века. По логике этой теории с начала следующего века появляется новый challenger, который начнет оспаривать гегемонию у США. Если продолжить логику данной теории, то новый challenger должен заменить США, так сказать, на посту гегемона к середине XXI века. Такая перспектива, видимо, не радует американских теоретиков, и они из этой ситуации выкручиваются любопытным способом. Они считают, что вместо нового гегемона появится нечто вроде мирового правительства, которое и будет решать всемирные проблемы на основе справедливости и т.д.

Хотя я лично не являюсь сторонником Теории длинных волн (на мой взгляд, в ней много заидеологизированных моментов с позиции англо-американского центризма), тем не менее, я согласен в глав-

185 В краткой форме эта теория и ее критика (У. Гольдфранк) изложена в статьях: George Modelski. THE EVOLUTION OF GLOBAL POLITICS. - Journal of World-Systems Research, 1995, Volume 1, Number 7; Terry Boswell. Hegemony and Bifurcation Points in World History. - Journal of World-Systems Research, 1995, Volume 1, Number 15; W. L. Goldfrank. BEYOND CYCLES OF HEGEMONY: ECONOMIC, SOCIAL, AND MILITARY FACTORS. - Journal of World-Systems Research. Volume 1, Number 8, 1995.

ном: в мировой истории все время шла борьба за гегемонию. У меня нет оснований считать, что XXI век станет мудрее предыдущих веков, несмотря на всевозможные революции в области знаний. Эта борьба за гегемонию, на мой взгляд, будет продолжаться и в XXI веке.

Конечно же, функции американского лидерства, так или иначе, будут ограничиваться и объективно сужаться. Однако это не приведет к складыванию многополярной структуры в виде государственных центров, скажем, США, Японии, Германии, КНР и России[186]. Причина простая: для того, чтобы занять место "полюса" или центра необходимо обладать потенциалом "сверхдержавы", т.е. таким экономическим потенциалом, военной силой и политическим влиянием, чтобы все названные составляющие одновременно ощущались международной средой в любой точке земного шара. Ни одно из перечисленных государств, за исключением США, таким набором "сверхдержавности" на данный момент не обладает. Потенциально же все названные качества могут приобрести только Россия и КНР. В силу множества причин наибольшие шансы стать такой "сверхдержавой" имеет именно Китай, географически расположенный в центре Восточной Азии.

Возвышение Китая

И теперь я вновь возвращаюсь к КНР. Известно, что китайские планы реформ распространяются до 2050 года, а начались они в начале 80 г., т.е. в какой-то степени цикл реформ соответствует волнам Кондратьева. После завершения этого цикла КНР станет, как минимум, второй экономической державой, а некоторые аналитики предполагают, что и первой, если исходить из абсолютных макропоказателей[187].

---

186 Надо иметь в виду, что встречаются взгляды (например, выраженные тем же С. Роговым), в соответствии с которыми многополярность трактуется как регионально-экономические центры или экономико-интеграционные зоны. Это совершенно иной срез анализа, вскрывающий макроэкономические процессы в системе мировых хозяйственных связей. У нас же речь идет совсем о другом.

187 Кстати сказать, это не столь утопичный прогноз, имея в виду подзабытый многими факт о том, что в 1750 г., если придерживаться современной терминологии, на страны Третьего мира (в то время это были в основном Китай и Индия) приходилось 73% промышленного производства, а на государства Западной Европы (около 20 стран без России и Восточной Европы) - чуть более 20%. В 1830 г. соот-

Наращивание экономической мощи КНР даже при некотором сокращении темпов экономического развития может превратить эту державу в ядро панкитайского анклава, интеграционно связанного на первых порах со всеми странами АСЕАН, где сильны позиции хуацяо. (Для информации: совокупный экономический потенциал хуацяо в ЮВА составляет около 550 млрд долл.). На следующем этапе существует большая вероятность интеграционной увязки этого анклава с экономиками двух Корей. А в дальней перспективе, не исключено, и с Японией.

Любой складывающийся интеграционный экономический комплекс порождает два взаимосвязанных явления: бурный экономический рост и стремление защитить экономические интересы военными средствами. Этот тезис наглядно подтверждается системами военной защиты в Европе (НАТО - Общий рынок) и в Северной Америке (механизм американо-канадского военного сотрудничества - НАФТА).

Противниками подобной панкитайской интеграции по естественным причинам являются США и Япония, откровенно добивающиеся "открытой интеграции АТР", например, в рамках АТЭС[188]. И хотя на данный момент Пекин, заинтересованный в иностранных инвестициях и во внешнеторговых связях с теми же США и Японией, не возражает против "открытой интеграции", но со временем, по мере складывания интеграционной зоны вокруг Китая, он вынужден будет предпринять меры по защите интеграционного комплекса с использованием военных инструментов политики. Именно на это и нацелена программа модернизации военного потенциала КНР, в которой упор делается на ядерно-стратегическое оружие и ВМС[189].

ношение хотя и изменилось, но не столь значительно: 60 и 30%. - The Economist (The Global Economy) October 1st 1994, p.9.

188 Некоторые считают, что именно в рамках АТЭС будет происходить экономическая интеграция. Я полагаю, что эта концепция в принципе не реализуема, точно также, как и уже забытая концепция Тихоокеанского сообщества. Во-первых, уже само словосочетание "открытый регионализм" - этот нонсенс. Регионализм - не может быть открытым, иначе он не "регионализм". Во-вторых, невозможна подлинная экономическая интеграция стран, расположенных на таких удаленных друг от друга громадных расстояниях, разделенных к тому же водными пространствами. Если, конечно, не путать понятие экономической интеграции с понятием экономической глобализации (или интернационализации).

189 See: David Paul Benjamin. SEA POWER IN SOUTHEAST ASIA. USA, 1996.- Internet

В любом случае КНР превращается в полноправного участника геостратегической игры в XXI веке по масштабам, адекватным значимости США и Японии.

Россия на перепутье

Скатывание России с позиции мировой державы - это, безусловно, как сказали бы американцы, “драматическое” событие в нынешней истории международных отношений. Более того, можно сказать, и я не думаю, что это было бы большой натяжкой, что Россия из субъекта международных отношений превратилась в объект этих отношений.

Надо, в конце концов, научиться смотреть правде в глаза. С ВВП в сумме около 450 млрд долл. трудно играть роль мировой державы, если иметь в виду, что наш ВВП ниже уровня ВВП такой, скажем так, не очень великой державы как Ю. Корея (еще раз см. Таблицу 7). В какой-то степени на плаву нам позволяет удерживаться тот не очень известный для многих факт, что на внешнюю политику Россия тратит чуть менее одной трети от расходной части нашего бюджета. (Сюда входят затраты на оборону, дипломатическую активность, органы разведки и т.д.). Для сравнения: США на внешнюю политику затрачивают в среднем около одной пятой от расходной части своего бюджета. Но такое состояние не может долго продолжаться, поскольку нарушаются оптимальные пропорции между затратами на внутреннюю и внешнюю политику. Внешняя политика, направленная на поддержание статуса великой державы, в скором времени окончательно нас истощит. И мы, так или иначе, вынуждены будем сократить свою внешнюю деятельность до уровня, реально отражающий наш вес на международной арене.

И этот процесс идет полным ходом, что подтверждается нашей политикой именно в Восточной Азии и именно в сфере безопасности.

Официальные оценки Москвы относительно безопасности в "АТР" практически не отличаются от оценок Вашингтона, Токио или Пекина. И президент страны, и министр иностранных дел РФ неоднократно выражали удовлетворение стабильной и мирной обстановкой в Тихоокеанском регионе, способствующей развитию взаимоотношений между всеми странами.

Если вдуматься в подобные утверждения, то это означает, что Москва признает тот факт, что нестабильная обстановка в “АТР” в годы холодной войны была вызвана действиями Советского Союза. Но как только СССР, еще при Горбачеве, а затем Россия резко сократили свой военный потенциал на Дальнем Востоке и сузили свою зону "безопасности" до границ Российского Дальнего Востока, ситуация в Восточной Азии стала улучшаться в направлении мира и стабильности. Как это ни парадоксально, в таких утверждениях есть своя логика.

Дело в том, что в силу главным образом экономических причин Россия добровольно покинула "поле безопасности" в Восточной Азии, куда входит и ЮВА, совместив политику безопасности с обеспечением национальных интересов по периметру своих дальневосточных границ. То есть, Россия привела свою политику безопасности в соответствие, во-первых, со своими реальными возможностями, во-вторых, с реальными интересами, которые фактически ограничены районами Дальнего Востока. В этом смысле для России единственной зоной "опасности" в настоящее время является Корейский полуостров. Остальные "конфликтные зоны", которые волнуют США, Японию и КНР, лежат вне сферы национальных интересов России. Кроме того, относительно благоприятное развитие отношений с США, Японией и КНР как бы "снимают" для Москвы и все остальные горячие проблемы безопасности. По крайней мере, на официальном уровне и среди ученых, поддерживающих официальную линию Москвы, не вызывает беспокойство ни военное присутствие США в регионе, ни реформирование американо-японских военных отношений, ни территориальные проблемы в Южно-китайском море и т.д. Если в отношении США такая позиция определяется общим контекстом взаимоотношений между Москвой и Вашингтоном, то относительно Японии подобное благодушие вызвано всплеском активизации российско-японских связей, инициированных "безгалстучной дипломатией" Б. Ельцина.

Итак, внешне, особенно с точки зрения отношений с сопредельными странами в Восточной Азии, ситуация представляется более чем нормальной. Насколько они нормальны, есть смысл перепроверить с помощью категорий национальных интересов и угроз этим интересам, если таковые существуют. Выделим для этой цели так называемые фундаментальные интересы, которые, как известно, не подлежат никаким компромиссам и защищаются всеми имею-

щими средствами, вплоть до военных. Ограничимся следующими четырьмя интересами: 1) территориальная целостность; 2) политическая независимость или суверенитет; 3) военная безопасность; 4) экономическое развитие.

Существуют ли угрозы названным фундаментальным интересам России на Дальнем Востоке? Пройдемся по всем из них.

Территориальная целостность. На территориальную целостность России официально посягает только одна страна Восточной Азии - Япония, требующая Южно-Курильские острова. Следовательно, Япония ставит себя в положение стратегического противника России. (В определенной степени сама Москва провоцирует подобную позицию Токио, соглашаясь на существование "территориальных" проблем, в частности в Токийской декларации 1993 г.)

Хотя у меня нет достаточной информации, но исходя из логики стратегии Северной и Южной Кореи, могу предположить наличие намерений с их стороны формирования корейского анклава на территории Приморья. Как мне представляется, и Пхеньян, и Сеул будут содействовать переселению российских корейцев на территорию Приморья из других районов бывшего СССР, всячески помогая им обустроиться. Несмотря на возможное соперничество между северными и южными корейцами за влияние на приморских корейцев, оно тотчас же прекратится после объединения двух Корей. Надо учитывать наличие почти миллионного населения корейцев на китайской территории (Яньбянь-Корейский автономный округ). В настоящее время они не представляют особых хлопот для Пекина, однако, нельзя предугадать поведение китайских корейцев после объединения двух Корей. У Пхеньяна и Сеула, или другой столицы Объединенной Кореи появится большой соблазн воссоединить все эти территории в Великую Корейскую Республику. Хотя стратегические ориентиры этой республики, скорее всего, будут направлены против Японии, тем не менее, они могут затронуть территориальную целостность восточных территорий России. В данном случае я ничего не утверждаю, а предлагаю очень тщательно взвесить эффект миграции российских корейцев в Приморье с точки зрения стратегических интересов России.

Политический суверенитет, под которым я понимаю полную свободу проводить независимую внутреннюю и внешнюю полити-

ку. В прямой форме ни одна из стран не угрожает политическому суверенитету России. В то же время необходимо учитывать сепаратистские настроения на Дальнем Востоке, например, в Приморье. Существует три варианта сепаратизма: экономическое, административное и территориальное "отделение от Москвы". Реализация любого из этих вариантов объективно на руку всем странам СВА, в том числе и особенно США, о чем откровенно пишут и говорят ученые типа Зб. Бжезинского и эксперты из Фонда наследия. Исходя из логики стратегических интересов США, можно предположить, что американцы в той или иной форме (например, материальной) стимулируют подобные сепаратистские настроения.

Военная безопасность. На сегодняшний день не существует прямой военной угрозы РДВ. Более того, даже если бы она существовала, нынешний потенциал, несмотря на его количественное уменьшение, в состоянии выполнять функцию сдерживания любого потенциального противника. По крайней мере, в этом нас убеждают наши военачальники, в том числе и адмирал Куроедов. Но изменение стратегической ситуации, например, в треугольнике США - Япония - КНР, что вполне вероятно, может поставить под вопрос способность наличествующего военного потенциала адекватно реагировать на такие изменения. Фактически сфера безопасности России скукожилась до географического пространства Охотского моря. Россия де-факто больше не является субъектом международной безопасности ни в одной зоне Восточной Азии. Из-за своей непродуманной политики она выпала даже из контекста безопасности на Корейском полуострове. Все нынешние переговоры по коллективной безопасности, в том числе в рамках США - Япония - Россия, которые, в частности, ведут академические круги, в конечном счете, направлены на дальнейшее умаление военно-политического значения России в данном регионе.

Экономические интересы. На данный исторический момент в наибольшей степени разрушена экономика России. В еще большей степени это касается восточных районов. Советник Секретаря Совета безопасности И.Ф. Зайцев приводит такие данные: "Сравнительный анализ данных по социально-экономическому развитию страны, выполненный по 22 важнейшим показателям, характеризующим социальную и экономическую ситуацию, показывает, что

Дальний Восток и Восточная Сибирь относятся к числу наиболее отсталых экономических районов страны (наряду с Северным экономическим районом)"[190].

Следовательно, почти каждая составляющая фундаментальных интересов страны на Дальнем Востоке подвергается угрозе той или иной степени интенсивности.

Естественно, наличие таких угроз предполагает адекватные ответные действия с целью их нейтрализации, которые обычно и формулируются в стратегии или доктрине национальной безопасности. Такой доктрины, по крайней мере, формулирующей нашу политику в Восточной Азии, нет. Это не случайно. Проблема заключается в том, что нынешняя власть сама не осознает, какой тип государства она представляет. Именно от типа государства, его идеологии зависят цели, средства и формы внутренней и внешней политики. Для примера можно предложить три типа власти, которые будут совершенно по-разному защищать национальные интересы России на Дальнем Востоке.

Первый тип - сохранение нынешнего варианта власти (фактически это классический ГМК в его русском варианте, чуть ли не дословно воспроизводящий наш вариант начала XX века). При таком варианте "защита национальных интересов" приведет к "передаче" Южно-Курильских островов Японии, усилению сепаратизма на Дальнем Востоке с неизбежным в конечном счете отделением каких-то районов (скорее всего Приморья) от "остальной России", усиление контроля над экономикой и природными ресурсами Дальнего Востока и Восточной Сибири со стороны западного, японского и китайского капиталов, возможное формирование военно-политического трехстороннего альянса США - Япония - Россия в целях, как предлагает А. Богатуров, "мягкого сдерживания" КНР.

Второй тип - установление авторитарного режима промышленно-монополистической буржуазии (олицетворяет А. Лебедь) с ярко выраженной российско-националистической идеологией. Политика национальной безопасности меняет стратегический вектор (напоминаю: речь идет только о Восточной Азии). "Острова" сохраняются, сепаратизм ликвидируется, военно-политические отношения с США - Японией осложняются, происходит крен в сторону более

190 И.Ф. Зайцев. О проблемах интеграции внутренней и внешней политики России на примере Востока страны. - Материалы парламентских слушаний..., с. 91.

полного наполнения военным содержанием “стратегического партнерства” с КНР, происходит вспышка экономического развития (=стабилизация) районов Дальнего Востока. Однако все это будет сопровождаться усилением воспроизводства классовых антагонизмов в обществе с неизбежным взрывом классовых конфликтов вплоть до вооруженного противостояния.

Третий тип - приход к власти сил левоцентристской ориентации (олицетворяют Ю. Лужков, Г. Зюганов) и формирование модели, близкой к китайскому варианту. Стратегия национальной безопасности будет совпадать с предыдущим вариантом, за исключением социального аспекта. При таком варианте есть большая доля вероятности избежать социальных конфликтов.

Какой из этих вариантов восторжествует в ближайшие годы, до президентских выборов, сказать трудно, что делает бессмысленными все рекомендации по конкретным направлениям политики безопасности, в том числе и в Восточной Азии.

Однако некоторые общие рассуждения могут оказаться полезными для любой власти, которая укрепится в России. Вначале хотелось бы коснуться очень непростой темы о соотношении экономики и безопасности применительно к Восточной Азии

Экономическая конъюнктура в Восточной Азии и безопасность

Существует такое убеждение о корреляции между безопасностью и экономической конъюнктурой: чем устойчивее безопасность, тем выше конъюнктура. На самом деле это слишком упрощенный взгляд, которого придерживаются в основном политологи и международники. В реальности же эта взаимозависимость не столь однозначна. Она зависит от многих других факторов, прежде всего экономического порядка. Достаточно напомнить, что начавшийся кризис на фондах некоторых азиатских стран в условиях благоприятной ситуации в области безопасности негативно сказался даже на экономике мощной Японии, не говоря уже о Южной Корее, Индонезии и Таиланде. Более того, не исключено, что этот кризис затронет через Гонконг и финансовые ресурсы КНР в целом. А прогнозируемые следующие волны ударят по всем странам Восточной Азии.

Примером, опровергающим концепцию “позитивной корреляции” между безопасностью и экономической конъюнктурой, может

служить и Россия. Несмотря на благоприятную международную обстановку в Восточной Азии, совокупный объем экономических отношений РФ со странами этого региона не только не увеличился по сравнению с периодом холодной войны, но даже сократился, о чем свидетельствуют данные, приведенные в главе Первой и в Приложении.

Иная ситуация складывается вокруг Китая. КНР за 90-е годы превратилась в крупную торгово-экономическую державу, наступающую на пятки таким титанам в этой сфере, как США, Япония и Германия.

Безусловно, главная причина подобного контраста лежит в состоянии экономики внутри названных стран: Китай - на подъеме, Россия - в кризисе. В немалой степени это связано и самим характером реформ в обеих странах. В КНР политика "открытых дверей" формировалась в общем контексте реформирования китайской экономики с постепенным внедрением рыночных механизмов. В России все делалось второпях, стихийно, без четко очерченной стратегии как самих реформ, так и внешнеэкономической деятельности. В результате процесс реформ стал неуправляемым, и неизвестно, к чему они приведут.

Однако существует все-таки еще одна причина, которая возвращает нас к упомянутой выше "позитивной корреляции".

Известно, что законы рынка диктуют жесткую конкуренцию между государствами или компаниями, которые, как показывает история, являлись источником многих войн. После второй мировой войны эти законы никуда не исчезли, но на них "благотворно" сказалась конфронтация между двумя системами. Другими словами, озабоченность "безопасностью" каждой из систем. Проблема безопасности смягчала чисто экономическую конкурентную борьбу между странами внутри каждого из лагерей. Именно поэтому, несмотря на массу торгово-экономических противоречий, например, между Японией и США, они не выливались в реальные "войны". Угроза безопасности со стороны СССР, а в какой-то период и со стороны КНР, сплачивала США и Японию, подталкивая их на компромиссные варианты в решении торговых проблем. Ныне такой угрозы не существует, и японо-американские экономические отношения начинают по-серьезному обостряться. По крайней мере, США уже не без удовлетворения наблюдают за экономическим кризисом своего партнера, которому, между прочим, они должны

около 500 млрд долл. Единственно, что сдерживает США от серьезного "удара" по своему союзнику - это возможное стратегическое соперничество с КНР в следующем веке.

Эти аналогии в определенной степени работают и на примере американо-китайских отношений. Несмотря на множество противников развития торгово-экономических отношений с КНР, они продолжают развиваться по той же самой логике, как и в отношениях с Японией. Китай "вплетен" во многие "горячие зоны" безопасности, затрагивающие национальные интересы США. Без участия Пекина они не разрешимы. И в этом смысле чисто экономические противоречия, существующие между КНР и США, уступают по своей значимости проблемам стратегического характера, что в свою очередь подталкивает Вашингтон решать эти противоречия на компромиссной основе.

Что касается России, то поскольку она перестала рассматриваться стратегическим актором в Восточной Азии, то ни у американцев, ни у японцев нет особых оснований для всевозможных компромиссов или уступок в торгово-экономической сфере. Наоборот, против нее постоянно оказывается давление с целью притормозить, например, ее военно-техническое сотрудничество с той или иной страной.

Другими словами, корреляция между безопасностью и экономической конъюнктурой хотя и существует, но скорее в других соотношениях: чем более страна вовлечена в проблемы безопасности, тем большими возможностями она обладает в сфере экономической конъюнктуры. Возможно, это не универсальное положение, однако в районе Восточной Азии, как представляется, оно действует.

* * *

Теперь несколько слов о конкретной политике в сфере безопасности и внешнеэкономической деятельности.

Нынешняя российская тактика "пассивной обороны" в сфере безопасности главным образом устраивает США и Японию, в какой-то степени КНР и в определенной саму Москву. В то же время все понимают, что она не может длиться вечно в силу множества причин внутреннего и внешнего порядка. Она рано или поздно будет меняться, признаком чего являются изменения, которые обозначились в дипломатической сфере российского МИД. Уже сама по

себе концепция "многополярности", постоянно педалируемая Е. Примаковым, носит антиамериканскую направленность, точно так же, как и действия России на Ближнем Востоке, в Восточной Европе и в Южной Азии.

В Восточной же Азии, с точки зрения стратегической перспективы, Россия также не заинтересована в подавляющем военном превосходстве США. Здесь ее позиции совпадают с позицией Пекина. Круг подобных совпадений будет расширяться по мере углубления расхождений между Россией и США, например, в отношении политики расширения НАТО на Восток, а также неизбежной натоизации районов Прикаспия. Любопытно, что китайский ученый из Института Мировой экономики и политики АОН КНР Гао Хэн прогнозирует "возможность косвенных <военных конфликтов> между Россией и США в районе Ближнего Востока и Восточной Европы"[191].

Надо иметь также в виду, что объем российско-китайского экономического сотрудничества намного будет превосходить аналогичный объем российско-японского сотрудничества (в последнем случае главным образом из-за несовпадения структур экономик обеих стран), что объективно ведет к более тесным переплетениям и в военно-политической сфере. Если же взять всю совокупность проблем между сторонами США-Япония-КНР-Россия, то могут оказаться правы те ученые, которые предрекают структуру четырехугольника, весьма напоминающего период 50-х годов[192]. Не обязательно, что эта структура должна носить союзническо-конфронтационный характер. Хотя и этот вариант не исключен. Однако идея о том, что Россия будет более тесно связана с Китаем, чем с США и Японией как в плане безопасности, так и в плане экономического сотрудничества, разделяется очень многими специалистами, причем различных школ, в том числе и в США.

С точки зрения внешнеэкономической стратегии, России не требуется вхождение в мировой рынок по трем причинам. Во-первых, мировая экономика стоит на грани затяжного кризиса с признаками серьезного системного коллапса, который сами американские экономисты предсказывают на конец следующего десятилетия. Во-вторых, мировая экономика управляется международными организациями во главе представителей транснациональных и межнацио-

191 Gao Heng. Future Military Trends. - Chinese Views of Future Warfare.
192 Yu Bin. East Asia: Geopolitique into the Twenty-first Century - A Chinese View. - Stanford University, APRC, June 1997, p. 8.

нальных компаний и банков трех центров капитализма: США, Западной Европы и Японии. Все они обладают колоссальными финансовыми возможностями. Российские экономические круги в принципе не в состоянии с ними конкурировать не только на их рынках, но и на собственном, российском рынке. В-третьих, у России нет актуальной необходимости входить в мировую экономику, потому что ее территория обладает всем необходимым для самообеспечения и процветания. Более половины мирового богатства находится на территории России. В мире нет ничего такого, что Россия не могла бы произвести сама.

В то же время, если всей России мировой рынок не нужен, то РДВ нужен, но не весь, а рынок СВА. Взаимодействие с ним может дать определенный экономический эффект для развития РДВ. Следовательно, в экономической стратегии должен быть сделан упор на развитие отношений с КНР, двумя Кореями и западными территориями Японии.

При всем этом экономическая стратегия должна строиться на приоритете национальных интересов России, весьма твердо защищая их, в том числе и от излишней экономической разнузданности китайских бизнесменов на Дальнем Востоке. Стратегические интересы партнерства с Китаем не должны ущемлять экономические интересы российских дельцов. Примером для подражания могут быть отношения между США и Японией. Альянс альянсом, дружба дружбой, а денежки врозь.

Выходить за рамки СВА, например, в ЮВА и особенно в Индокитай, имеет смысл только по двум причинам: или за товарами, которые отсутствуют в СВА (что вряд ли возможно), или, если они намного дешевле.

Передача технологий и строительство предприятий за рубежом должно быть обусловлено привязкой к российским предприятиям на территории России. Как показал тот же опыт Японии, такая стратегия сторицей оправдывает себя.

И последнее. Выше я мельком упомянул проблему затрат на внешнеполитическую деятельность США и России. Чуть подробнее по этой теме.

Дело в том, что многие наши международники очень легки на подъем со всевозможными предложениями сделать то-то. К примеру, построить какой-нибудь газопровод из Якутии до Южной Кореи или реализовать проект Туманган. Мне не приходилось ни слышать,

ни читать о сумме стоимостей таких предложений. Или мы попали в АТЭС. Я не знаю, хорошо это или плохо, поскольку я не знаю суммы расходов и сумму доходов от нашего участия в этом АТЭС или ПБЭК за какой-то определенный период времени. Поэтому, когда я призываю к реальности, то имею в виду не только реальность нашего ВВП, но и финансовые возможности в той или иной сфере внешнеэкономической или политической деятельности. Другими словами, прежде чем что-то предлагать, надо четко знать, сколько стоит наша международная деятельность вообще и по каждому направлению в частности. И в этой связи достойным примером для подражания являются США, как бы каждый из нас не относился к этой стране.

Оказывается, что многие, даже специалисты, не знают о том, что Конгресс США утверждает не только общий Федеральный бюджет страны, но и отдельно бюджет по внешней политике. Так, в мае 1997 г. в Комитете по международным отношениям Конгресса США обсуждался и был принят закон о реформировании внешней политики. Комитет, помимо всего прочего, утверждал финансирование каждого, без исключения, направления внешнеполитической деятельности государства на 1998 и 1999 гг. (вплоть до финансирования деятельности какого-нибудь фонда, имеющего отношения к "зарубежу")193. Анализ этого закона - особая тема, но здесь только отмечу, что расходы США на международную деятельность в 1997 г. были равны 19 млрд долл., что составляло около 1% от федерального бюджета (национальная оборона "стоила" 16%)194.

Для сравнения: Россия на международную деятельность “тратит” 7,5% от бюджета 1996 г. и 16% - на национальную оборону195. И это в условиях интенсивного экономического развала страны. Другими словами, мы разрушаем свою экономику, в том числе и за счет неоправданных расходов на внешнеполитическую деятельность, видимо, чтобы сохранить образ “великой державы”.

---

193 105TH CONGRESS REPORT. HOUSE OF REPRESENTATIVES *1st Session* 105-94. FOREIGN POLICY REFORM ACT. MAY 9, 1997. - Internet.

194 Financing America's Leadership: Protecting American Interests and Promoting American Values. An Independent Task Force. Council of Foreign Relations, Inc., 1998. - Internet.

195 Подсчитано по: Госкомстат Российской Федерации, Государственные финансы, 1997. - Интернет

Вывод: необходимо детально выверять все эти пропорции (соотношения между внешними и внутренними расходами) и четко знать, сколько будет стоить достижение той или иной внешнеполитической задачи.

Иначе, продолжая выдвигать “планы громадье”, мы действительно превратимся, как выразился один американец, в “маргинальную” страну. Чтобы этого не произошло, надо, в конце концов, научиться считать, в том числе и наши возможности в Восточной Азии.

Приложение к части IV

Таблицы 1–4 составлены на основе источника: IMF, Direction of Trade Statistics Yearbook, 1998; по Тайваню: Monthly Trade Statistics, Taibei, 1998 (Internet).

Таблица 1

Доля СССР/России в экспорте стран СВА

	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Гонконг		0.30%	0.50%	0.50%	0.10%	0.40%	0.20%	0.30%	0.24%
КНР	3.79%	3.34%	2.64%	3.34%	2.94%	1.27%	1.13%	1.10%	1.11%
КР	0.19%	0.80%	0.87%	0.48%	0.73%	0.68%	1.12%	1.40%	1.30%
Тайвань				0.10%	0.30%	0.14%	0.10%	0.10%	0.10%
Япония	1.58%	0.90%	0.70%	0.30%	0.42%	0.31%	0.26%	0.20%	0.24%

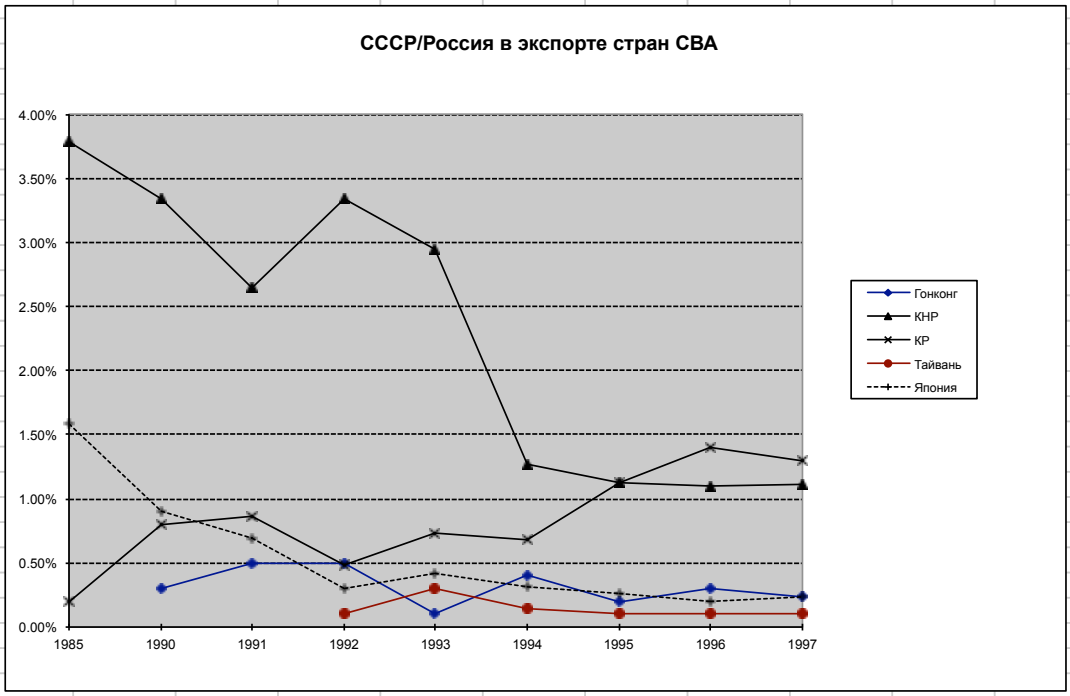


Таблица 2

Доля СССР/России в импорте стран СВА										
		1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
	Гонконг		0.20%	0.09%	0.09%	0.04%	0.16%	0.25%	0.30%	0.37%
	КНР	2.39%	4.21%	3.37%	5.08%	4.80%	0.30%	2.88%	3.70%	2.87%
	КР	0.20%	0.53%	0.71%	0.61%	1.16%	1.09%	1.41%	1.20%	1.04%
	Тайвань				0.18%	0.40%	0.22%	0.45%	0.48%	0.25%
	Япония	1.11%	1.30%	1.30%	1.00%	1.15%	1.22%	1.41%	1.12%	1.18%

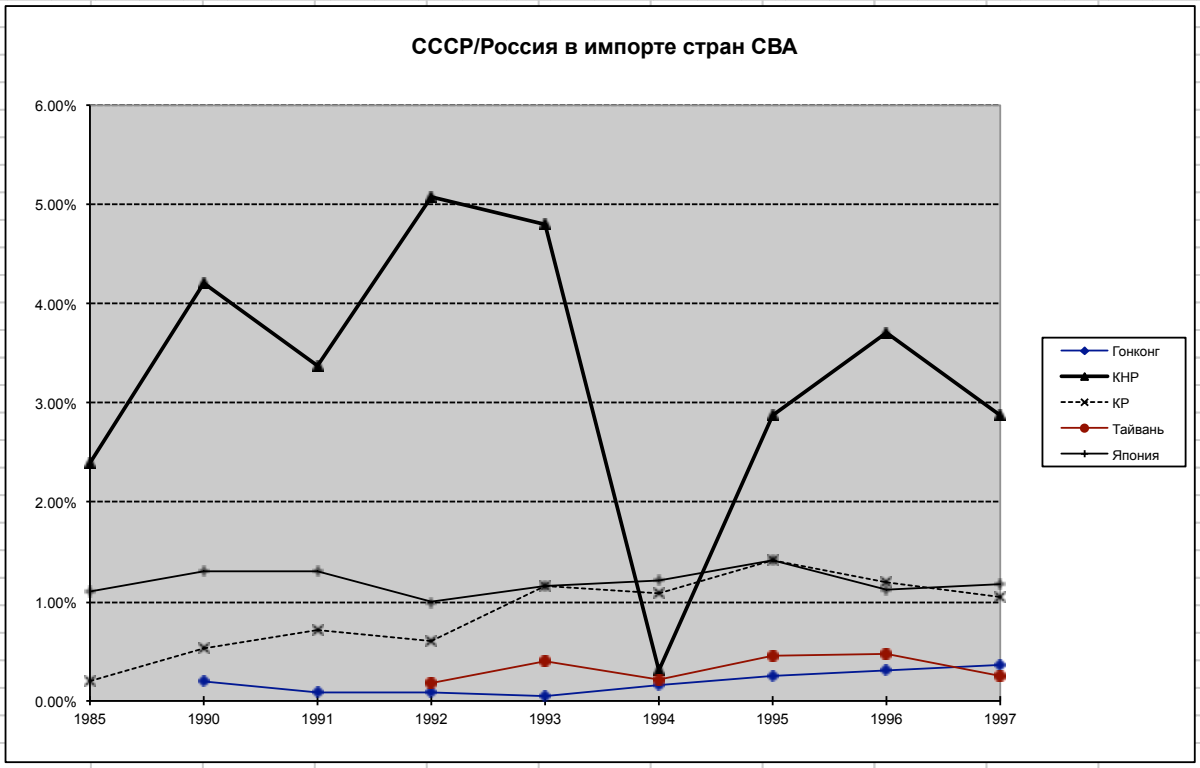


Таблица 3

Доля стран СВА в экспорте СССР/России

	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Гонконг				0.17%	0.53%	0.48%	0.38%	0.24%	0.23%	0.25%
КНДР	1.23%	2.24%	1.23%	0.54%	0.38%	0.08%	0.09%	0.60%	0.09%	0.09%
КНР	2.66%	4.31%	4.19%	6.51%	6.93%	4.20%	4.16%	5.26%	4.73%	5.34%
КР	0.10%	0.79%	1.26%	0.49%	0.88%	0.55%	0.92%	0.74%	0.99%	0.12%
МНР				0.48%	0.36%	0.22%	0.25%	0.20%	0.19%	0.23%
Тайвань				0.30%	0.70%	0.30%	0.60%	0.60%	0.34%	0.24%
Япония	3.77%	6.57%	6.60%	3.95%	4.57%	3.46%	4.10%	3.20%	3.49%	3.80%

КНДР - 1986 г.

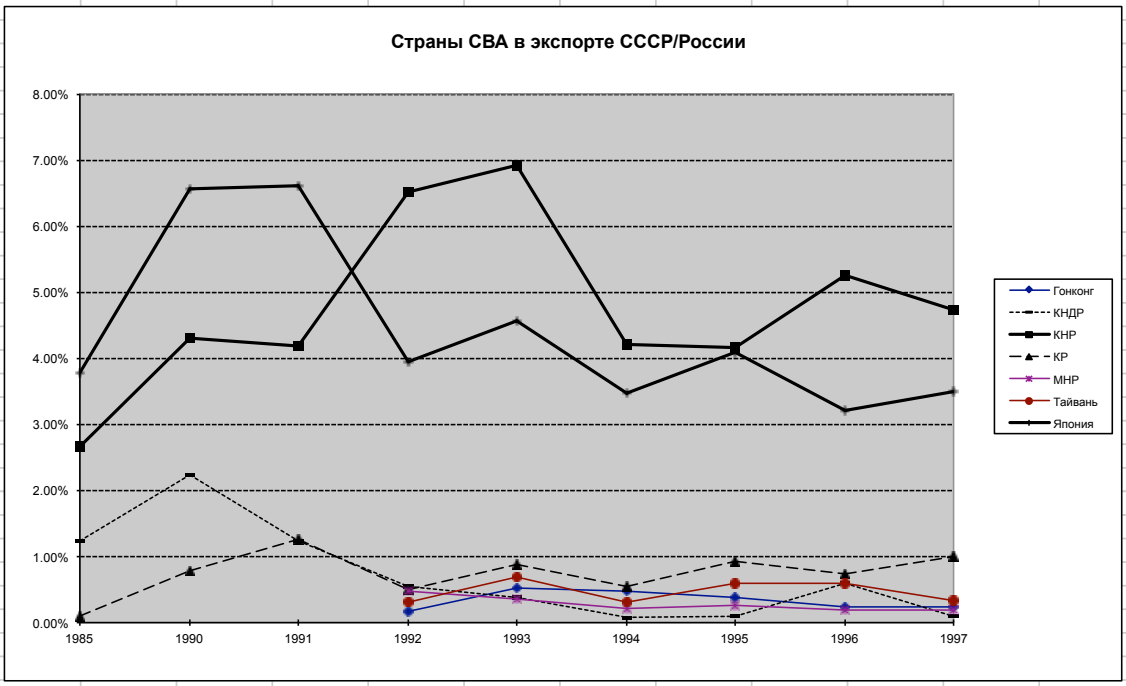
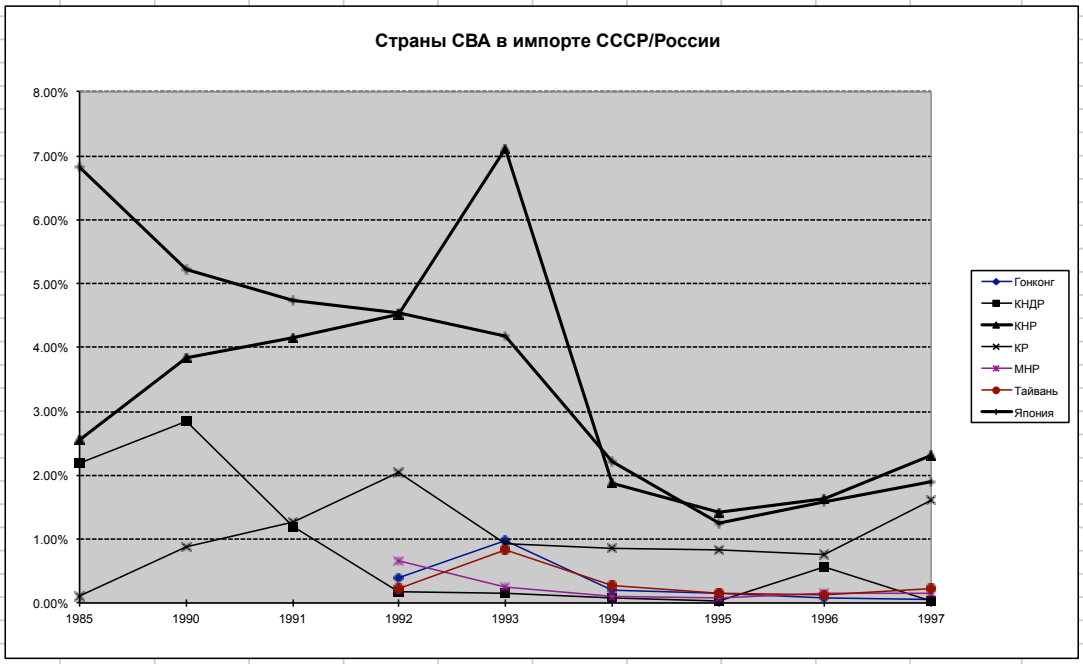


Таблица 4

Доля стран СВА в импорте СССР/России

	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Гонконг				0.40%	0.97%	0.20%	0.15%	0.08%	0.05%
КНДР	2.19%	2.84%	1.19%	0.18%	0.16%	0.09%	0.02%	0.57%	0.03%
КНР	2.56%	3.83%	4.16%	4.51%	7.12%	1.88%	1.42%	1.62%	2.30%
КР	0.11%	0.88%	1.27%	2.04%	0.93%	0.85%	0.82%	0.76%	1.60%
МНР				0.67%	0.25%	0.11%	0.07%	0.14%	0.16%
Тайвань				0.23%	0.82%	0.27%	0.14%	0.12%	0.23%
Япония	6.83%	5.21%	4.73%	4.54%	4.17%	2.21%	1.25%	1.58%	1.89%



Инвестиционный рейтинг регионов РДВ. 1997-1998 гг.

Таблица 5

Инвестиционный климат РДВ

Средний потенциал - умеренный риск	
82	Приморский край
Пониженный потенциал - умеренный риск	
84	Амурская область
Средний потенциал - высокий риск	
79	Республика Саха (Якутия)
Пониженный потенциал - высокий риск	
83	Хабаровский край
Низкий потенциал - высокий риск	
86	Корякский автономный округ
87	Магаданская область
88	Сахалинская область

Таблица 6

Инвестиционный потенциал РДВ в 1997-1998 гг.

Рейтинг 1998 г.	Рейтинг 1997 г.	Рейтинг 1996 г.	Регион (субъект федерации)	Доля в общероссийском потенциале, %	Рейтинги составляющих инвестиционного потенциала в 1997-1998 гг.								Изменение рейтинга	
					П	Т	Пр	И	Ф	Ин	Инс	При	1997 г. к 1996 г.	1998 г. к 1997 г.
1	1	3	Москва	14,759	1	1	1	1	1	1	1	89	2	0
18	21	44	Республика Саха	1,546	43	34	21	84	16	56	36	1	23	3
23	16	34	Приморский край	1,204	24	19	24	47	31	41	18	15	18	-7
29	25	28	Хабаровский край	1,029	35	28	25	71	26	54	28	12	3	-4
80	78	80	Чукотский а.о.	0,191	83	83	77	73	77	79	80	27	2	-2
68	61	58	Магаданская область	0,423	76	76	69	77	58	69	73	14	-3	-7
65	65	56	Сахалинская область	0,446	67	62	55	51	47	68	44	45	-9	0
54	56	65	Амурская область	0,635	51	47	44	63	54	63,5	40	20	9	2

Примечание: П - потребительский, Т - трудовой, Пр - производственный, И - инфраструктурный, Ф - финансовый, Ин - иновационный, Инс - институциональный, При - природноресурсный.

Данные таблиц 5 и 6: Эксперт, 19 октября 1998 г.

Таблица 7

Экономический вес России на фоне ведущих стран						
Восточной Азии и США (на середину 1998 г.)						
	США	**Япония**	**КНР**	**Россия**	**Ю.Корея**	**Тайвань**
Население, м	270.5	126.1	1239.5	146.5	46.4	21.6
ВВП, млрд долл	8101.4	4262.2	915	274	441	284.8
ВВП на 1 чел. в долл	29950	33800	738	1870	9511	13198
Прирост ВВП в %	4.2	-0.2	4.2	-4,6	-3.8	6.8
Продолжительность жизни	77	80	71	68	72	75
Экспорт, в млрд долл	685	411	187	72	140	122
Импорт, в млрд долл	852	278.8	167	59	131	114
Оборона, млрд долл	265	45	32	48	16	14
в % к ВНП	3.2	1	3.5	17.5	3.6	4.9
Безработица, %	4.6	4.1	3	10	3.4	2.7
Инфляция, в %	1.4	2.2	-0.3	84.4	6.8	3.1
Ист.: Asiaweek, June 26, 1998. The Bottom Line. Данные по обороне за 1996 г.: International Institute for Strategic						
Stidies, DoD, CIA, March 1997. По Тайваню: Key Economic Indicators in Taiwan Area, R.O.C., 1998. - Internet.						
Прим.: Россия (ВВП, прирост ВВП, экспорт, импорт, инфляция) за 1998 г. - Goscomstat (1998), IET (1998), MFK						
(1998). - Internet.						
Замечание. Хотя другие национальные или международные справочники могут давать иные цифры,						
однако, их порядок по сути совпадает.						